ФИЗІОЛОГІЯ
ПЕТЕРБУРГА.

I.

ФИЗІОЛОГІЯ

ПЕТЕРБУРГА,

СОСТАВЛЕННАЯ

ИЗЪ ТРУДОВЪ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. А. Некрасова.

(СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.)

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ИВАНОВА.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 2 ноября 1844.

Цензоръ *А. Очкинъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1861

ВСТУПЛЕНІЕ.

Русскую литературу часто упрекаютъ за равнодушіе къ предметамъ отечественнымъ. Это обвиненіе и справедливо и несправедливо. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ одной стороны, много ли у насъ книгъ, изъ которыхъ можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться съ многочисленными сторонами русскаго быта, русскаго общества? Скажемъ болѣе: гдѣ у насъ эти книги? Ихъ нѣтъ. Русская литература представляетъ едва-ли не болѣе матеріаловъ для изученія историческаго и нравственнаго быта чужихъ странъ, нежели Россіи. Мы разумѣемъ здѣсь произведенія бельлетрическія, то, что̀ составляетъ такъ-называемую *легкую литературу*, которой назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ занимать досуги большинства читающей публики

и удовлетворять его потребности. Произведенія художественныя, творенія строгаго искусства мы не причисляемъ къ легкой литературѣ, а потому, говоря о бѣдности нашей литературы по части книгъ, которыя знакомили бы Русскихъ съ ихъ собственнымъ бытомъ, мы не имѣемъ въ виду тѣхъ поэтическихъ созданій, которыми по справедливости всегда можетъ гордиться русская литература, и въ которыхъ отражается русское общество, каковы, напримѣръ: комедіи Фонвизина; *Горе отъ Ума* Грибоѣдова; нѣкоторыя изъ стихотворныхъ произведеній Пушкина *(Графъ Нулинъ, Евгеній Онѣгинъ, Домикъ въ Коломнѣ, Родословная Моего Героя)*; нѣсколько его же повѣстей и разсказовъ въ прозѣ *(Пиковая Дама, Капитанская Дочка, Добровскій, Лѣтопись села Горохина)*; комедіи, повѣсти и романъ *(Мертвыя Души)* Гоголя, *Герой Нашего Времени* Лермонтова, и наконецъ, еще нѣсколько произведеній другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ талантовъ. Если бы такихъ сочиненій было и гораздо меньше, нежели сколько можно было бы желать ихъ, — все-таки нельзя жаловаться на ихъ малочисленность, потому-что явленіе великихъ талантовъ не зависитъ отъ воли или желанія людей. Но выборъ предметовъ, которымъ посвящаютъ перо свое обы-

кновенные (и потому самому и болѣе многочисленные) таланты, можетъ подвергаться упреку или неодобренію. И вотъ, съ какой точки зрѣнія литература наша вообще навлекаетъ на себя сильные упреки со стороны публики. Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ довольно романовъ историческихъ, которые хотятъ знакомить публику съ прошедшимъ бытомъ Россіи, въ разныя эпохи ея существованія; довольно романовъ сатирическихъ, право-описательныхъ, которые хотятъ знакомить ее съ нравами современнаго общества; еще болѣе у насъ повѣстей въ этомъ родѣ и цѣлые томы право-описательныхъ, нравственно-сатирическихъ и всякихъ юмористическихъ статеекъ. Но отъ этого намъ нисколько не легче. Въ историческихъ романахъ, мы не находимъ ничего, кромѣ историческихъ именъ, и всего менѣе находимъ мы въ нихъ чего-нибудь похожаго на древнюю Русь. Это просто-на-просто ученическіе эскизы съ романовъ Вальтера-Скотта, эскизы, въ которыхъ историческая истина принесена въ жертву несвойственному русской дѣйствительности романизму. Сверхъ того, видно еще, что авторы изучили эпоху, которую брались изображать въ своихъ романахъ, изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, заглядывая въ нее за нѣсколько дней

передъ тѣмъ, какъ садились за свою работу. Не лучше этихъ такъ-называемыхъ «историческихъ» романовъ и такъ-называемые правоописательные романы: не знаемъ, что̀ въ нихъ есть, но знаемъ, что въ нихъ нѣтъ нравовъ русскаго общества, и что все, о чемъ въ нихъ разсказывается, такъ же легко могло случиться, или — все равно — такъ же легко могло не случиться въ Китаѣ, въ Абиссиніи, подъ водою и на облакахъ, какъ и въ Россіи. Въ нихъ нѣтъ ни сатиры, ни нравовъ, потому-что нѣтъ взгляда на вещи, нѣтъ идеи, нѣтъ значенія русскаго общества, а есть только мелочной сатиризмъ, школьное критиканство, устремленное не на дикія понятія, не на ревущія противорѣчія между европейскою внѣшностію и азіатскою сущностію, а на прически à la moujik, на очки, на лорнеты, на усы, эспаньйолки, бороды и тому подобныя невинныя принадлежности моды. Въ нихъ фигурируютъ и рисуются герои добродѣтели и герои злодѣйства, которыхъ имена напоминаютъ собою пословицу: *по шерсти собакѣ и кличка,* и которыя заранѣе даютъ знать читателю, съ кѣмъ предстоитъ ему имѣть дѣло; но въ нихъ нѣтъ людей, нѣтъ характеровъ, которые, въ своей простотѣ и дѣйствительности, иногда бываютъ гораздо лучше всевозможныхъ бумажныхъ

героевъ добродѣтелей, а иногда, отъ доброты сердца и безъ всякой злобы, дѣлаютъ больше зла, чѣмъ всѣ на свѣтѣ неестественные изверги порока. Таковы же и нравоописательныя повѣсти. Что̀ касается до нравоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ очерковъ и юмористическихъ статеекъ, — это просто реторическія распространенія на какую-нибудь нравственную тэму. При этой качественной бѣдности въ числительномъ богатствѣ, у насъ совсѣмъ нѣтъ бельлетрическихъ произведеній, которыя бы въ формѣ путешествій, поѣздокъ, очерковъ, разсказовъ, описаній, знакомили съ различными частями безпредѣльной и разнообразной Россіи, которая заключаетъ въ себѣ столько климатовъ, столько народовъ и племенъ, столько вѣръ и обычаевъ, и которой коренное русское народонаселеніе представляется такою огромною массою съ такимъ множествомъ самыхъ противоположныхъ и разнообразныхъ пластовъ и слоевъ, пестрѣющихъ безчисленными оттѣнками. Если и были попытки на сочиненія такого рода, — всѣ онѣ, отъ чувствительнаго «Путешествія въ Малороссію» князя Шаликова, до фразистой «Поѣздки въ Ревель» Марлинскаго, могутъ считаться какъ-бы несуществующими. А сколько матеріаловъ представляетъ

собою для сочиненій такого рода огромная Россія! Великороссія, Малороссія, Бѣлоруссія, Новороссія, Финляндія, остзейскія губерніи, Крымъ, Кавказъ, Сибирь, — все это цѣлые міры, оригинальные и по климату, и по природѣ, и по языкамъ и нарѣчіямъ, и по нравамъ и обычаямъ, и, особенно, по смѣси чисто-русскаго элемента со множествомъ другихъ элементовъ, изъ которыхъ иные родственны, а иные совершенно чужды ему! Мало этого: сколькими оттѣнками пестрѣетъ сама Великороссія не только въ климатическомъ, но и въ общественномъ отношеніи! Сѣверная полоса Россіи рѣзко отличается отъ средней, а средняя — отъ южной. Переѣздъ изъ Архангельска въ Астрахань, съ Кавказа въ Уральскую Область, изъ Финляндіи въ Крымъ, — все равно, что̀ переѣзды изъ одного міра въ другой. Москва и Петербургъ, Казань и Харьковъ, Архангельскъ и Одесса: какіе рѣзкіе контрасты! Какая пища для ума наблюдательнаго, для пера юмористическаго! Во Франціи, обо всякомъ уголкѣ ея, сколько-нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательномъ, не одна книга написана, а сочиненія о Парижѣ образуютъ собою большую отдѣльную литературу. Кому не извѣстна «Книга Ста-Одного», которая соединила въ себѣ

труды едва-ли не всѣхъ и великихъ, и среднихъ, и малыхъ французскихъ писателей, и, будучи сборникомъ множества статей въ формѣ повѣстей, разсказовъ и юмористическихъ очерковъ по своему содержанію, была посвящена изображенію и характеристикѣ Парижа. Недавно вышелъ великолѣпно изданный кипсекъ, текстъ котораго, подъ названіемъ «Un Été à Paris», составленъ Жюль-Жаненомъ; и вотъ теперь выходитъ въ Парижѣ иллюстрированное изданіе «Le Diable à Paris», опять посвященное изображенію того же самаго Парижа. Трудно было бы перечесть всѣ такія изданія, безпрестанно выходящія во Франціи. Изданіе: «Les Français peints par eux-mêmes» посвящено изображенію общественныхъ правовъ Французовъ вообще. А назадъ тому лѣтъ двадцать, сколько являлось во Франціи разныхъ «Пустынниковъ» и парижскихъ, и лондонскихъ, и Богъ-знаетъ какихъ еще! Правда, и у насъ, по примѣру этихъ пустынниковъ, жадно переводившихся на русскій языкъ, появились *Лужницкіе Старцы*, *Жители Галерной Слободы*, и тому подобные пустынники, но всѣ эти господа ограничились журнальными статейками, въ которыхъ русскій читатель всего менѣе могъ найдти для себя чего-нибудь русскаго, т. е. такого, что бы знако-

мило его съ русскимъ обществомъ, а слѣдовательно и съ самимъ собою. Въ-послѣдствіи, обстоятельство, подобное тому, которое было причиною появленія въ Парижѣ «Книги Ста-Одного», подало поводъ къ появленію въ Петербургѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. Предпріятіе окончилось на второмъ томѣ и не успѣло показать публикѣ и двадцати русскихъ литераторовъ. Тщетно силилось оно воскреснуть въ *Бесьдѣ Русскихъ Литераторовъ*: тутъ постигла его еще болѣе горестная участь. *Наши, списанные съ натуры Русскими*, явившіеся въ-слѣдствіе «Les Français peints par eux-mêmes», несмотря на нѣкоторыя неловкія ошибки, представили нѣсколько статей болѣе или менѣе удовлетворительныхъ; но они появлялись медленно, а наконецъ и совсѣмъ исчезли, Богъ-знаетъ отъ-чего... Какая причина всѣхъ этихъ неуспѣховъ? Причина не одна, ихъ много; но главная изъ нихъ — отсутствіе вѣрнаго взгляда на общество, которое всѣ эти изданія взялись изображать... Это тѣмъ удивительнѣе, что литераторы, принимавшіе участіе въ этихъ изданіяхъ, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притомъ вѣрную точку зрѣнія на общество въ произведеніяхъ тѣхъ немногихъ русскихъ поэтовъ, которые умѣли постигнуть тайну русской дѣйстви-

тельности. Хотя это и странно, однако не подвержено никакому сомнѣнію, что русская литература геніальными произведеніями едва-ли не гораздо богаче, чѣмъ произведеніями обыкновенныхъ талантовъ. Кто лучше можетъ познакомить читателей съ особенностями характера Русскихъ и Малороссіянъ, если не Гоголь? Хотите ли, въ особенности, изучить Петербургъ? — Читайте его *Невскій Проспектъ, Записки Сумасшедшаго, Носъ, Женитьбу, Утро Дѣловаго Человѣка, Отрывокъ*, и наконецъ *Театральный Разъѣздъ?* Вы найдете тутъ все лица, которыхъ Богъ не создавалъ нигдѣ за чертою Петербурга! Хотите ли изучить Москву, не въ ея временныхъ или случайныхъ чертахъ, а въ ея духѣ? — Читайте *Горе отъ Ума.* Въ *Мертвыхъ Душахъ* вы узнаёте русскую провинцію, какъ не узнать бы вамъ ее, проживъ въ ней безвыѣздно пятьдесятъ лѣтъ сряду. Въ *Онѣгинѣ* вы изучите русское общество въ одномъ изъ моментовъ его развитія; въ *Героѣ Нашего Времени*, вы увидите то же самое общество, но уже въ новомъ видѣ. Хотите ли узнать Кавказъ, такъ, какъ-будто бы онъ былъ вашею родиною, — читайте Пушкина и Лермонтова. Нельзя сказать, чтобъ эти геніальные дѣйствователи стояли совершенно одиноко, но они не окруже-

ны огромною и блестящею свитою талантовъ, которые были бы посредниками между ими и публикою, усвоивъ себѣ ихъ идеи и идя по проложенной ими дорогѣ. Этихъ послѣднихъ у насъ слишкомъ немного, хотя нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно замѣчательны и силою и блескомъ; другіе, и это менѣе сильные и блестящіе, одолжены своимъ успѣхомъ тому, что, хорошо зная русскую дѣйствительность, умѣютъ и вѣрно понимать ее. Късожалѣнію, этихъ послѣднихъ еще менѣе, чѣмъ сильныхъ и блестящихъ талантовъ. А между-тѣмъ, въ нихъ-то больше всего и нуждается наша литература, и отъ-того, что ихъ у насъ такъ мало, литературныя предпріятія такъ дурно поддерживаются и публикѣ теперь стало совершенно нѣчего читать. Высокій талантъ, особенно геній, дѣйствуетъ по вдохновенію и прихотливо идетъ своею дорогою; его нельзя пригласить въ сотрудничество по изданію книги, ему нельзя сказать: «Напишите намъ статью, которой содержаніе касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, не йдетъ къ ней, и намъ этого не надо». Притомъ же, слишкомъ много нужно было бы геніевъ и великихъ талантовъ, чтобъ публика никогда не нуждалась въ литературныхъ произведеніяхъ,

удовлетворяющихъ насущную потребность ея ежедневныхъ досуговъ. Иногда въ цѣлое столѣтіе едва-ли явится одинъ геніальный писатель: не-ужели же изъ этого должно слѣдовать, что иногда цѣлое столѣтіе общество должно быть совсѣмъ безъ литературы? Нѣтъ! Литература, въ обширномъ значеніи этого слова, представляетъ собою цѣлый живой міръ, исполненный разнообразія и оттѣнковъ, подобно природѣ, произведенія которой дѣлятся на роды и виды, классы и отдѣлы, и отъ громадныхъ размѣровъ слона доходятъ до миніатюрныхъ размѣровъ колибри. Бѣдна литература, не блистающая именами геніальными; но не богата и литература, въ которой все — или произведенія геніальныя, или произведенія бездарныя и пошлыя. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше для литературы. Но ихъ-то — повторяемъ — у насъ всего меньше, и отъ-того-то публикѣ и нѣчего читать. Даже нельзя сказать, чтобъ у насъ уже слишкомъ мало было обыкновенныхъ талантовъ, хотя и дѣйствительно ихъ не очень много; но бѣда въ томъ, что обыкновенный талантъ или скоро переходитъ въ бездарность, или вовсе не замѣчается даже въ первую пору его дѣятельности, если онъ не подкрѣпляется

умомъ, свѣдѣніями, образованіемъ болѣе или менѣе оригинальнымъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи... Късожалѣнію, часто бываютъ даже очень замѣчательные таланты, изъ которыхъ потому ровно ничего не выходитъ, что, кромѣ естественнаго таланта, въ нихъ ничего нельзя разсмотрѣть даже въ микроскопъ....

Это особенно относится къ нашей литературѣ, и отсюда ея удивительная бѣдность порядочными произведеніями для насущнаго потребленія публики, при замѣчательномъ (относительно) богатствѣ произведеніями истинно-высокими и художественными. Это фактъ, — и съ этой стороны упреки публики справедливы. Сверхъ-того, кромѣ журналовъ, у насъ совсѣмъ не бываетъ порядочныхъ книгъ, направленныхъ къ одной цѣли и составляемыхъ въ сотрудничествѣ, совокупными трудами нѣсколькихъ лицъ, — что̀ такъ часто бываетъ во французской литературѣ. Это тоже фактъ, — и съ этой стороны упреки публики опять справедливы. Она сѣтуетъ на литераторовъ за ихъ духъ парціальности, недопускающій ихъ дѣйствовать дружно и совокупными силами. Въ этомъ есть своя доля истины; но что̀ же дѣлать, если причины этой парціальности заключаются гораздо-болѣе въ различіи

образованія, направленій, понятій, нежели въ корыстныхъ разсчетахъ, какъ привыкли у насъ думать? Корысть такъ же хорошо связываетъ, какъ и раздѣляетъ людей, и потому она отнюдь не можетъ быть непреодолимою помѣхою для дружной совокупной дѣятельности. Причины разъединенности и полемическихъ отношеній, въ которыхъ находятся другъ къ другу наши литераторы и которыя не допускаютъ ихъ дѣйствовать за-одно, скрываются въ неопредѣленномъ, неустановившемся и пестромъ характерѣ самой нашей общественности, гдѣ высокая образованность сталкивается съ грубымъ невѣжествомъ, глубокая ученость съ поверхностнымъ полузнаніемъ, страстное убѣжденіе съ рѣшительнымъ отсутствіемъ какого-либо мнѣнія, благородное стремленіе съ корыстнымъ разсчетомъ, геній и посредственность, талантъ и бездарность часто пользуются одинаковымъ успѣхомъ; гдѣ, наконецъ, даже люди, которыхъ должны соединять ихъ даровитость и благородство стремленій, никакъ не могутъ сойтись другъ съ другомъ, потому-что одинъ изъ нихъ, по своимъ литературнымъ мнѣніямъ, англоманъ, другой не признаетъ ничего, кромѣ нѣмецкой литературы и, въ-особенности, ненавидитъ французскую, а третій

не хочетъ знать ничего, кромѣ французской литературы... Посмотрите, какое раздѣленіе между нашими литераторами по одному отношенію къ русской литературѣ: одинъ благоговѣетъ передъ писателями старой школы, и видитъ высокіе образцы литературы только въ Ломоносовѣ, Державинѣ и Карамзинѣ; другой присовокупляетъ къ нимъ Жуковскаго и косо смотритъ на Пушкина; третій совершенно холоденъ къ старинными писателямъ, во имя Пушкина; четвертый, преклоняясь передъ новыми писателями, враждебно смотритъ на старинныхъ; пятый, удивляясь генію Пушкина, не понимаетъ, какъ можно восхищаться «фарсами» Гоголя, разумѣя подъ этими «фарсами» *Ревизора* и *Мертвыя Души*... Во всемъ этомъ видно больше общественной незрѣлости, чѣмъ невѣжества или ограниченности, и нисколько не видно никакихъ корыстныхъ и низкихъ разсчетовъ. И какъ публика осудитъ литераторовъ за подобное раздѣленіе, если оно еще болѣе царствуетъ между ею-самою? Вѣдь литература есть отраженіе общества, и всѣ ея недостатки, равно какъ и хорошія стороны, суть недостатки и хорошія стороны самаго общества...

Къ причинамъ бездѣйственности нашихъ литераторовъ и — ея слѣдствія — бѣдности нашей лите-

ратуры, принадлежитъ еще и эта странная раздражительность, проистекающая все изъ той же неопредѣленности и дѣтскости нашей общественности, — раздражительность, которая во всемъ игривомъ, веселомъ, остроумномъ и юмористическомъ готова находить личности и намеки; которая, что̀ бы обладаемый ею человѣкъ ни прочелъ, безпрестанно восклицаетъ: «Какъ можно это писать? Какъ позволяютъ это печатать?» Разъ, Гоголь, въ своей фантастической повѣсти *Носъ*, хотѣлъ-было распространиться на-счетъ ученыхъ коллежскихъ ассессоровъ, и ничего не рѣшился сказать объ этомъ любопытномъ предметѣ, потому-что, по его словамъ, «Россія такая чудная земля, что если сказать объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ». Въ *Мертвыхъ Душахъ*, онъ еще рѣзче выразился объ этомъ предметѣ, оправдываясь, почему не назвалъ по имени двухъ дамъ, дѣйствующихъ въ его романѣ: «Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобъ опять не разсердились на него, какъ сержывались встарь. Назвать выдуманною фамиліею опасно. Какое ни придумай имя,

ужь непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто нибудь носящій его, и непремѣнно разсердится не на-животъ, а на-смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобъ вывѣдать все, что онъ такое самъ и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается и что любитъ покушать. Назовите по чинамъ, Боже сохрани! и того опаснѣе. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностію: таково ужь, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, это уже и личность: вдругъ выскочитъ человѣкъ почтенной наружности и закричитъ: вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ; словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло».

Дѣйствительно, эта обидчивость одна изъ самыхъ характеристическихъ, рѣзко бросающихся въ глаза и, вмѣстѣ, самыхъ комическихъ чертъ нашей несозрѣвшей общественности. Несмотря на все стремленіе наше къ баламъ, собраніямъ, клубамъ, публичнымъ гуляньямъ, кафе-ресторанамъ, концертамъ, театрамъ, несмотря на все стремленіе наше особенно къ баламъ, собраніямъ, клубамъ и кафе-

ресторанамъ, стоящее намъ часто всей жизни и всего состоянія, мы не имѣемъ даже ни малѣйшаго понятія о *публичности*, и потому всѣ наши балы, собранія, гулянья и проч., отзываются какою-то педантскою скукою и такъ похожи на тяжелый церемонный обрядъ. Въ нихъ мы гонимся за чинностію, а не за веселостію и, какъ прекрасно выразился Пушкинъ, «стараемся быть ничтожными съ достоинствомъ». Французы умѣютъ жить и веселиться; но имъ ставятъ въ упрекъ, что они дѣти, не думая о томъ, что веселиться умѣютъ только дѣти, и что если взрослые хотятъ жить весело, то непремѣнно должны быть дѣтьми. Слѣдовательно, если ужь ставить Французамъ въ заслугу ихъ умѣніе веселиться, то не должно ставить имъ въ вину, что они — дѣти. А они, въ ихъ манерѣ жить весело, дѣйствительно — дѣти, и притомъ дѣти умные, милые, острые, живые! Это, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ въ то же время быть и людьми взрослыми, да еще и весьма-серьёзными... Они постигли тайну быть важными безъ педантизма и веселиться безъ претензій, добродушно и съ увлеченіемъ. Французъ надо всѣмъ смѣется — даже надъ самимъ собою, и это совсѣмъ не по той пошлой легкости, въ которой не безъ основанія упрекались Французы прошлаго

столѣтія; но именно по отсутствію мелочности и педантизма; покажите Французу самую смѣшную каррикатуру на самого-его, — и онъ первый будетъ добродушно смѣяться надъ нею. Болѣе всего на свѣтѣ любитъ Французъ общественную и публичную жизнь, и болѣе всего забавляется на ея счетъ. Онъ знаетъ, что смѣшное есть во всемъ, и что надъ смѣшнымъ можно смѣяться. И потому Франція, гдѣ появляется столько дѣльныхъ и важныхъ сочиненій, въ то же время снабжаетъ легкимъ чтеніемъ всю Европу и весь образованный міръ; и отъ-того не одни мы, Русскіе, такъ прилежно слѣдимъ за всѣми даже мелкими переливами потока французской жизни и знаемъ ее лучше, чѣмъ особенности своего собственнаго быта. Это и понятно и естественно: какъ не знать того, кто весь наружѣ, кто добродушно и радушно открываетъ вамъ не только свои хорошія стороны, но и свои слабости? И какъ знать того, кто прячется?.... Мы думаемъ, что, съ этой точки зрѣнія, упреки публики литераторамъ за ихъ недѣятельность, и литературѣ — за ея бѣдность, едва-ли справедливы, потому-что причины этой недѣятельности и бѣдности столько же, если еще не болѣе, скрываются въ самой публикѣ, какъ и въ литераторахъ...

И однакожь, едва-ли было бы благоразумно оставаться и успокоиться, сложивъ руки, на подобномъ неутѣшительномъ результатѣ. Въ такомъ случаѣ, гораздо похвальнѣе дѣлать «ничего», то-есть, что можно, нежели ничего не дѣлать. Иногда, въ стремленіи сдѣлать хоть *что-нибудь*, за невозможностію сдѣлать лучше, гораздо больше смѣлости и заслуги, нежели въ гордой рѣшимости или дѣлать какъ бы хотѣлось, или ничего не дѣлать. Какъ бы то ни было, но въ ожиданіи вожделѣнной дѣятельности талантовъ, пока, за неимѣніемъ лучшаго, благосклонному вниманію публики предлагается, въ этой книгѣ, опытъ характеристики Петербурга, нѣсколько очерковъ его внутреннихъ особенностей. Предметъ занимателенъ и важенъ, требуетъ большаго таланта, наблюдательности и большаго умѣнья писать, словомъ, требуетъ гораздо-больше, нежели сколько, можетъ-быть, въ состояніи выполнить трудившіеся надъ составленіемъ этой книги. Но что нужды? Если трудъ нашъ окажется слишкомъ неудовлетворительнымъ, пусть другіе сдѣлаютъ лучше: въ такомъ случаѣ, онъ не будетъ безплоденъ, если пробудитъ спящую дѣятельность болѣе насъ даровитыхъ людей и сдѣлается причиною появленія хорошей книги.

Между-тѣмъ, этотъ опытъ тѣмъ труднѣе для насъ, что до-сихъ-поръ не было на русскомъ языкѣ ни одной попытки въ этомъ родѣ. Правда, Петербургъ описанъ не разъ въ отношеніи топографическомъ, климатическомъ, медицинскомъ и т. п. Г. Башуцкій, въ своей *Панорамѣ Петербурга,* предпринялъ-было описать не только *внѣшность* первой нашей столицы (улицы, зданія, домы, рѣки, каналы, мосты и т. д.), съ историческимъ обозрѣніемъ построенія и распространенія города, но и бросить взглядъ на характеристическія отличія петербургскаго быта и нравовъ; но почему-то его предпріятію, весьма полезному и прекрасно начатому, не суждено было дойти до окончанія, не говоря уже о томъ, что, со времени его изданія, Петербургъ во многомъ уже измѣнился. Сверхъ-того, книга г-на Башуцкаго имѣетъ въ виду преимущественно *описаніе,* а не *характеристику* Петербурга, и ея тонъ и характеръ болѣе оффиціальный, нежели литературный. Содержаніе нашей книги, напротивъ, не *описаніе* Петербурга въ какомъ бы то ни было отношеніи, но его *характеристика* преимущественно, со стороны нравовъ и особенностей его народонаселенія. Выше сказали мы, что нравственная физіономія Петербурга воспроизведена со всею ху-

дожественною полнотою и глубокостію во многихъ сочиненіяхъ Гоголя. Кромѣ того, многія черты и особенности Петербурга болѣе или менѣе удачно схвачены въ различныхъ сочиненіяхъ другихъ писателей, какъ на-примѣръ: князя Одоевскаго, графа Соллогуба, казака Луганскаго, г. Панаева и другихъ. Но все это нисколько не дѣлаетъ излишнею книги въ родѣ издаваемой теперь нами. Всѣ эти сочиненія не составили бы чего-нибудь цѣлаго, еслибы и соединить ихъ въ одну книгу, ибо они писаны не съ тою цѣлію, какую предположили мы себѣ въ нашей книгѣ. Цѣль каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго, опредѣляется лежащею въ его основаніи поэтическою мыслію, которая открывается въ развитіи событія и характеровъ. Сочиненія Гоголя, въ особенности, чужды всякой исключительной цѣли: знакомя читателя съ петербургскимъ жителемъ, они въ то же время знакомятъ его и съ человѣкомъ вообще и съ русскимъ человѣкомъ въ-особенности: цѣль возможная только для великаго художника, — цѣль, къ которой могутъ стремиться другіе болѣе или менѣе богатые даромъ творчества писатели, но въ которой едва-ли кто у насъ можетъ съ нимъ соперничать! Что̀ касается лично до составителей этой книги, — они совер-

шенно чужды всякихъ притязаній на поэтическій или художественный талантъ; цѣль ихъ была самая скромная — составить книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появляются во французской литературѣ, и, занявъ на время вниманіе публики, уступаютъ мѣсто новымъ книгамъ въ томъ же родѣ. Все самолюбіе составителей этой книги ограничивается надеждою, что читатели найдутъ, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ изъ нашихъ очерковъ петербургской жизни, болѣе-или-менѣе мѣткую наблюдательность, и болѣе-или-менѣе вѣрный взглядъ на предметъ, который взялись они изображать. Что же касается до нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ, и подписанныхъ извѣстными въ нашей литературѣ именами, — эти имена сами отвѣчаютъ за ихъ достоинство, и мы предоставляемъ судить о нихъ публикѣ.

Москва, менѣе чѣмъ Петербургъ подвергавшаяся художественному воспроизведенію, была счастливѣе, въ нѣкоторомъ отношеніи, чѣмъ Петербургъ, на характеристическія изображенія ея физіономіи. По-крайней-мѣрѣ, въ послѣднее время, появились цѣлыхъ два сочиненія въ этомъ родѣ. Одно изъ нихъ — *Москва и Москвичи*, принадлежитъ г. За-

госкину. Считая неумѣстнымъ слишкомъ распространяться здѣсь объ этомъ произведеніи, скажемъ только, что оно, несмотря на всѣ свои достоинства, вполнѣ оправдывающія высокую славу его сочинителя, имѣетъ тотъ весьма-важный недостатокъ, что въ немъ нѣтъ ни Москвы, ни Москвичей. Второе — «Очерки Московской Жизни» носитъ на себѣ новое литературное имя — г. Вистенгофа, и обнаруживаетъ мѣстами замѣчательную наблюдательность и умѣніе схватывать характеристическія черты общества, но лишено опредѣленнаго взгляда, который обнаруживалъ бы, что авторъ умѣетъ не только наблюдать, но и судить.

Мысль односторонняя, часто устарѣлая, еще чаще сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ, или совершенное отсутствіе мысли — вотъ недостатокъ, которымъ особенно страдаетъ наша легкая литература, — и съумѣли ли мы избѣгнуть этихъ недостатковъ (особенно втораго): судить объ этомъ публикѣ. Мы можемъ сказать только, что старались сдѣлать, что̀ было въ нашихъ силахъ. И если эти два выпуска найдутъ себѣ читателей, то за ними появятся и другіе.

ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА.

ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА.

Предки наши, принужденные въ кровавыхъ бояхъ познакомиться съ *божіими дворянами* и съ берегами Невы, конечно, не воображали, чтобъ на этихъ дикихъ, бѣдныхъ, низменныхъ и болотистыхъ берегахъ суждено было возникнуть Россійской Имперіи, равно-какъ не воображали они, чтобы Московское Царство когда-нибудь сдѣлалось Россійской Имперіею. И возможно ли было вообразить что-нибудь подобное? Кто можетъ предузнать явленіе генія, и можетъ ли толпа предвидѣть пути генія, хотя этотъ геній и есть ничто иное, какъ мысль, разумъ, духъ и воля самой этой толпы, съ тою только разницею, что все, что таится въ ней, какъ смутное предчувствіе, въ немъ является отчетливымъ сознаніемъ? Въ концѣ XVII вѣка, Московское

царство представляло собою уже слишкомъ рѣзкій контрастъ съ европейскими государствами, уже не могло болѣе двигаться на ржавыхъ колесахъ своего азіатскаго устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему предлежало великое будущее, и потому изъ него же самого Богъ воздвигъ ему генія, который долженъ былъ сблизить его съ Европою. Какъ всѣ великіе люди, Петръ явился въ пору для Россіи, но во многомъ не походилъ онъ на другихъ великихъ людей. Его доблести, гигантскій ростъ и гордая, величавая наружность съ огромнымъ творческимъ умомъ и исполинскою волею, — все это такъ походило на страну, въ которой онъ родился, на народъ, который возсоздать былъ онъ призванъ, страну безпредѣльную, но тогда еще не сплоченную органически, народъ великій, но съ однимъ глухимъ предчувствіемъ своей великой будущности. По-этому, Петръ самъ долженъ былъ создать самого-себя, и средства для этого самовоспитанія найти не въ общественныхъ элементахъ своего отечества, а внѣ его, и первымъ пеступомъ его было — *отрицаніе*. Совершенные невѣжды и фанатики обвиняли его въ презрѣніи къ родной странѣ; но они обманывались: Петра тѣсно связывало съ Россіею обоимъ имъ родное и ничѣмъ

непобѣдимое чувство своего великаго призванія въ будущемъ. Петръ страстно любилъ эту Русь, которой самъ онъ былъ представителемъ по праву высшаго, отъ Бога изтекавшаго избранія; но въ Россіи онъ видѣлъ двѣ страны, — ту, которую онъ засталъ, и ту, которую онъ долженъ былъ создать: послѣдней принадлежали его мысль, его кровь, его потъ, его трудъ, вся жизнь, все счастіе и вся радость его жизни. Ученикъ Европы, онъ остался Русскимъ въ душѣ, вопреки мнѣнію слабоумныхъ, которыхъ много и теперь, будто бы европеизмъ изъ русскаго человѣка долженъ сдѣлать не-русскаго человѣка, и будто-бы, слѣдовательно, все русское можетъ поддерживаться только дикими и невѣжественными формами азіатскаго быта. Москва, столица Московскаго Царства, Москва, уже по самому своему положенію въ центрѣ Руси, не могла соотвѣтствовать видамъ Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря. Но моря у него не было, потому-что берега Сѣвернаго и Восточнаго Океана и Каспійское Море нисколько не могли способствовать сближенію Россіи съ Европою. Надо было немедля завоевать новое море. Два моря могъ онъ имѣть въ виду для завоеванія — Черное и Балтійское. Но для перваго ему нужно имѣть Ма-

лороссію въ своемъ полномъ подданствѣ, а не подъ своимъ только верховнымъ покровительствомъ, а это совершилось не прежде, какъ по измѣнѣ Мазепы. Кромѣ того, ему нужно было отнять у Турковъ Крымъ и взять въ свое владѣніе обширныя степныя пустыни, прилегающія къ Черному-Морю, а взять ихъ во владѣніе, значило — населить ихъ: трудъ несвоевременный! и притомъ къ чему бы повелъ онъ? Столица на берегу Чернаго Моря сблизила бы Россію не съ Европою, а развѣ съ Турціею, и насильственно притянула бы силы Россіи къ пункту столь отдаленному, что Россія имѣла бы тогда свою столицу, такъ сказать, въ чужомъ государствѣ. Не такіе виды представляло Балтійское Море. Прилежащія къ нему страны изстари знакомы были русскому мечу; много пролилось на нихъ русской крови, и оставить ихъ въ чуждомъ владѣніи, не сдѣлать Балтійскаго Моря границею Россіи, значило бы сдѣлать Россію навсегда открытою для непріятельскихъ вторженій и навсегда закрытою для сношеній съ Европою. Петръ слишкомъ хорошо понялъ это, и война съ Швеціею *по-необходимости* сдѣлалась главнымъ вопросомъ всей его жизни, главною пружиною всей его дѣятельности. Ревель и особенно Рига какъ-бы просились сдѣлаться новою столицею

Россіи — мѣстомъ, гдѣ русскій элементъ лицомъ-къ-лицу столкнулся бы съ европейскимъ, не для того, чтобъ погибнуть въ немъ, но принять его въ себя. Но Ревель и Рига сдѣлались позднѣе достояніемъ Петра, который въ началѣ хлопоталъ не изъ многаго — только изъ уголка на берегу Балтики, а медлить Петру, въ ожиданіи завоеваній, было нѣкогда: ему надо было торопиться жить, т. е. творить и дѣйствовать, — и потому, когда Ревель и Рига сдѣлались русскими городами, — городъ Санктпетербургъ существовалъ уже семь лѣтъ, на него было уже истрачено столько денегъ, положено столько труда, а по причинѣ Котлина Острова и Невы съ ея четверным устьемъ, онъ представлялъ такое выгодное и обольстительное для ума преобразователя положеніе, что уже поздно и грустно былобы ему думать о другомъ мѣстѣ для новой столицы. Онъ давно уже смотрѣлъ на Петербургъ, какъ на свое твореніе, любилъ его какъ дитя своей творческой мысли; можетъ-быть, ему самому не разъ казалась трудною и отчаянною эта борьба съ дикою, суровою природою, съ болотистою почвою, сырымъ и нездоровымъ климатомъ, въ краю пустынномъ и отдаленномъ отъ населенныхъ мѣстъ, откуда можно было получать продовольствіе, — но непреклон-

ная сила воли надо всѣмъ восторжествовала; геній упоренъ, потому именно, что онъ — геній, и чѣмъ тяжелѣе борьба, охлаждающая слабыхъ, тѣмъ больше для него наслажденія развертывать передъ міромъ и самимъ-собою все богатство своихъ неизчерпаемыхъ силъ. Торжественна была минута, когда, при осмотрѣ дикихъ береговъ Финскаго-Залива, впервые зародилась въ душу Великаго мысль основать здѣсь столицу будущей имперіи. Въ этой минутѣ была заключена цѣлая поэма, обширная и грандіозная; только великому поэту можно было разгадать и охватить все богатство ея содержанія этими немногими стихами:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ... Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу,
«Здѣсь будетъ городъ заложенъ
«На зло надменному сосѣду,
«*Природой здѣсь намъ суждено*
«*Въ Европу прорубить окно:*
«Ногою твердой стать при морѣ,
«Сюда по новымъ имъ волнамъ
«Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
«И запируемъ на просторѣ».

Петербургъ строился экспромтомъ: въ мѣсяцъ дѣлалось то, чего бы стало дѣлать на годъ. Воля одного человѣка побѣдила и самую природу. Казалось, сама судьба, вопреки всѣмъ разсчетамъ вѣроятностей, захотѣла забросить столицу Россійской Имперіи въ этотъ непріязненный и враждебный человѣку природою и климатомъ край, гдѣ небо блѣдно-зелено, тощая травка мѣшается съ ползучимъ верескомъ, сухимъ мохомъ, болотными порослями и сѣрыми кочками, гдѣ царствуетъ колючая сосна и печальная ель и невсегда нарушаетъ ихъ томительное однообразіе чахлая береза — это растеніе сѣвера; гдѣ болотистыя испаренія и разлитая въ воздухѣ сырость проникаютъ и каменные дома и кости человѣка; гдѣ нѣтъ ни весны, ни лѣта, ни зимы, но круглый годъ свирѣпствуетъ гнилая и мокрая осень, которая народируетъ то весну, то лѣто, то зиму... Казалось, судьба хотѣла, чтобы спавшій дотолѣ непробуднымъ сномъ русскій человѣкъ кровавымъ потомъ и отчаянною борьбою выработалъ свое будущее, ибо прочны только тяжкимъ трудомъ одержанныя побѣды, только страданіями и кровію стяжанныя завоеванія! Можетъ-быть, въ болѣе благопріятномъ климатѣ, среди менѣе враждебной природы, при отсутствіи неодоли-

мыхъ препятствій, русскій человѣкъ скоро возгордился бы своими легкими успѣхами, и его энергія снова заснула бы, не успѣвъ даже и проснуться вполнѣ. И для того-то, тотъ, кто посланъ ему былъ отъ Бога, былъ не только царемъ и повелителемъ, дѣйствовалъ не однимъ авторитетомъ, но еще болѣе собственнымъ примѣромъ, который обезоруживалъ закоснѣлое невѣжество и вѣками взлелѣянную лѣнь:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!

Не смотря на всю дѣятельность, которой исторія не представляетъ подобнаго примѣра, Петербургъ, оставленный Петромъ-Великимъ, былъ слишкомъ бѣдный и ничтожный городокъ, чтобъ о немъ можно было говорить, какъ о чемъ-то важномъ. Казалось, этому городку, обязанному своимъ насильственнымъ существованіемъ волѣ великаго человѣка, не суждено было пережить своего строителя. Воля одного изъ его наслѣдниковъ могла осудить его на вѣчное забвеніе, или на ничтожное чахоточное существованіе.... Но здѣсь-то и является во всемъ блескѣ творческій геній Петра-Великаго: его планы, его предначертанія должны были продолжаться вѣковѣчно. Таковы право и сила генія:

онъ кладетъ камень въ основаніе новому зданію и оставляетъ его чертежъ; преемники дѣла, можетъ-быть, и хотѣли бы перенести зданіе на другое мѣсто, да нѣ гдѣ имъ взять такого прочнаго камня въ основаніе, а камень, положенный геніемъ, такъ великъ, что съ человѣческими силами нельзя и мечтать сдвинуть его...

Петербургъ не могъ не продолжаться, потому-что съ его существованіемъ тѣсно было связано существованіе Россійской Имперіи, смѣнившей собою Московское Царство. И росъ Петербургъ не по днямъ, а по часамъ.

Прошло сто лѣтъ, — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный насынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ; нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирносная вдова.

Такимъ образомъ, Россія явилась вдругъ съ двумя

столицами — старою и новою, Москвою и Петербургомъ. Исключительность этого обстоятельства не осталась безъ послѣдствій болѣе или менѣе важныхъ. Въ то время, какъ росъ и украшался Петербургъ, по-своему измѣнялась и Москва. Въ-слѣдствіе неизбѣжнаго второженія въ нее европеизма, съ одной стороны, и въ цѣлости сохранившагося элемента старинной неподвижности, съ другой стороны, она вышла какимъ-то причудливымъ городомъ, въ которомъ пестрѣютъ и мечутся въ глаза перемѣшанныя черты европеизма и азіатизма. Раскинулась и растянулась она на огромное пространство: кажется, куда огромный городъ! А походите по ней, — и вы увидите, что ея обширности много способствуютъ длинные, предлинные заборы. Огромныхъ зданій въ ней нѣтъ; самые большіе дома не то, чтобы малы, да и не то, чтобы велики; архитектурнымъ достоинствомъ они не щеголяютъ. Въ ихъ архитектуру явно вмѣшался геній древняго Московскаго Царства, который остался вѣренъ своему стремленію къ семейному удобству. Стоитъ часъ походить по кривымъ и косымъ улицамъ Москвы, — и вы тотчасъ же замѣтите, что это городъ патріархальной семейственности: дома стоятъ особнякомъ, почти при каждомъ есть довольно обшир-

ный дворъ, поросшій травою и окруженный службами. Самый бѣдный Москвичъ, если онъ женатъ, не можетъ обойдтись безъ погреба, и при наймѣ квартиры болѣе заботится о погребѣ, гдѣ будутъ храниться его съѣстные припасы, нежели о комнатахъ, гдѣ онъ будетъ жить. Нерѣдко, у самаго бѣднаго Москвича, если онъ женатъ, любимѣйшая мечта цѣлой его жизни — когда-нибудь перестать *шататься по квартирамъ* и зажить своимъ домкомъ. И вотъ, съ горемъ пополамъ, призвавъ на помощь родное «авось», онъ покупаетъ, или нанимаетъ на извѣстное число лѣтъ, пустопорожнее мѣсто въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и лѣтъ пять, а иногда и десять, строитъ домишко о трехъ окнахъ, покупая матеріалы то въ долгъ, то по случаю, изворачиваясь такъ и сякъ. И наконецъ, наступаетъ вождѣленный день переѣзда въ собственный домъ; домишка плохъ, да за то свой, и притомъ съ дворомъ — стало быть, можно и куръ водить, и теленка есть гдѣ пасти; но главное, при домишкѣ есть погребъ — чего же болѣе? Такихъ домишекъ въ Москвѣ непзчислимое множество, и они-то способствуютъ ея обширности, если не ея великолѣпію. Эти домишки попадаются даже на лучшихъ улицахъ Москвы, между лучшими домами, такъ же, какъ хорошіе (т. е. каменные въ

два и три этажа) попадаются въ самыхъ отдаленныхъ и плохихъ улицахъ, между такими домишками. Для Русскаго, который родился и жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, Москва такъ же точно изумительна, какъ и для иностранца. По дорогѣ въ Москву, нашъ Петербуржецъ увидѣлъ бы, разумѣется, Новгородъ и Тверь, которые совсѣмъ не приготовили бы его къ зрѣлищу Москвы; хотя Новгородъ и древній городъ, но отъ древняго въ немъ остался только его кремль, весьма невзрачнаго вида, съ софійскимъ соборомъ, примѣчательнымъ своею древностію, но ни огромностію, ни изяществомъ. Улицы въ Новѣгородѣ не кривы и не узки; многіе домы своею архитектурою и даже цвѣтомъ напоминаютъ Петербургъ. Тверь тоже не дасть нашему Петербуржцу идеи о Москвѣ: ея улицы прямы и широки, а для губернскаго города она довольно красива. Слѣдовательно, въѣзжая въ первый разъ въ Москву, нашъ Петербуржецъ въѣдетъ въ новый для него міръ. Тщетно будетъ онъ искать главной, или лучшей московской улицы, которую могъ бы онъ сравнить съ Невскимъ Проспектомъ. Ему покажутъ Тверскую Улицу, — и онъ съ изумленіемъ увидитъ себя посреди кривой и узкой, по горѣ тянущейся улицы, съ небольшою площадкою съ од-

ной стороны, — улицы, на которой самый огромный и самый красивый домъ считался бы въ Петербургѣ весьма скромнымъ со стороны огромности и изящества домомъ; съ страннымъ чувствомъ увидѣлъ бы онъ, привыкшій къ прямымъ линіямъ и угламъ, что одинъ домъ выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ на улицу, какъ-будто-бы для того, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на ней, а другой отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ-будто изъ спѣси, или изъ скромности, — смотря по его наружности; что между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно помѣстился ветхій деревянный домишко и, прислонившись боковыми стѣнами своими къ стѣнамъ сосѣднихъ домовъ, кажется, не нарадуется тому, что они не даютъ ему упасть и, сверхъ того, защищаютъ его отъ холода и дождя; что подлѣ великолѣпнаго моднаго магазина лѣпится-себѣ крохотная табачная лавочка, или грязная харчевня, или таковая же пивная. И еще болѣе удивился бы нашъ Петербуржецъ, почувствовавъ, что въ странномъ гротескѣ этой улицы есть своя красота. И пошелъ бы онъ на Кузнецкій-Мостъ: тамъ все то же, за исключеніемъ деревянныхъ домишекъ; за то увидѣлъ бы онъ каменные съ модными магазинами, но до того миніа-

тюрные, что ему пришла бы въ голову мысль — ужь не заѣхалъ ли онъ — новый Гулливеръ — въ царство Лиллипутовъ.... Хотя ни одинъ истинный Петербуржецъ ничему не удивляется и ничѣмъ не восторгается, но не удержался бы онъ отъ какого-нибудь громко-произнесеннаго междометія, если бы, пройдя кругъ опоясывающихъ Москву бульваровъ — лучшаго ея украшенія, которому Петербургъ имѣетъ полное право завидовать, — онъ, то спускаясь подъ гору, то подымаясь въ гору, видѣлъ бы со всѣхъ сторонъ амфитеатры крышъ, перемѣшанныхъ съ зеленью садовъ: будь при этомъ вмѣсто церквей минареты, онъ счелъ бы себя перенесеннымъ въ какой-нибудь восточный городъ, о которомъ читалъ въ Шехеразадѣ. И это зрѣлище ему понравилось бы, и онъ, по-крайней-мѣрѣ, въ продолженіи весны и лѣта охотно не сталъ бы искать столицы и города тамъ, гдѣ, въ замѣнъ этого, есть такіе живописные ландшафты...

Многія улицы въ Москвѣ, какъ то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская, обѣ линіи по сторонамъ Тверскаго и Никитскаго Бульваровъ, состоятъ преимущественно изъ «господскихъ» (московское слово!) домовъ. И тутъ вы видите больше удобства, чѣмъ огромности или изящества. Во

всемъ и на всемъ печать семейственности: и удобный домъ, обширный, но тѣмъ не менѣе для одного семейства, широкій дворъ, а у воротъ, въ лѣтніе вечера, многочисленная дворня. Вездѣ разъединенность, особность; каждый живетъ у себя дома и крѣпко отгораживается отъ сосѣда. Это еще замѣтнѣе въ Замоскворѣчьи, этой чисто-купеческой и мѣщанской части Москвы: тамъ окна завѣшены занавѣсками, ворота на запоръ; при ударѣ въ нихъ раздается сердитый лай цѣпной собаки, все мертво, или, лучше сказать, сонно; домъ, или домишко похожъ на крѣпостцу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду. Вездѣ семейство, и почти нигдѣ не видно города!...

Въ Москвѣ много трактировъ, и они всегда биткомъ набиты преимущественно тѣмъ народомъ, который въ нихъ только пьетъ чай. Не нужно объяснять, о какомъ народѣ говоримъ мы: это народъ, выпивающій въ день по пятнадцати самоваровъ, народъ, который не можетъ жить безъ чаю, который пять разъ пьетъ его дома и столько же разъ въ трактирахъ. И если бы вы посмотрѣли на этотъ народъ, вы не удивились бы, что чай не разстроиваетъ ему нервъ, не мѣшаетъ спать, не портитъ зубовъ; вы подумали бы, что онъ безнаказанно для

здоровья можетъ пудами употреблять опіумъ... Кондитерскихъ въ Москвѣ мало; въ нихъ покупаютъ много, но посѣщаютъ ихъ мало. Гостинницы въ Москвѣ существуютъ преимущественно для пріѣзжающихъ, или для холостой молодежи, любящей кутнуть. Обѣдаютъ въ Москвѣ больше дома. Тамъ даже бѣдные холостые люди по-большой-части любятъ обѣдать у себя дома, вѣрные семейственному характеру Москвы. Если же они обѣдаютъ внѣ дома, то въ какомъ-нибудь знакомомъ имъ семействѣ, особенно у *родныхъ*. Вообще, Москва, славная своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ, чуждается жизни городской, общественной и любитъ обѣдать у себя дома, *семейно*. Славится своими сытными обѣдами Англійскій-Клубъ въ Москвѣ; но попробуйте въ немъ пообѣдать — и не смотря на то, что вы будете сидѣть между пятью-стами или болѣе человѣкъ, вамъ непремѣнно покажется, что вы пообѣдали у родныхъ. Что же касается до постоянныхъ членовъ клуба, они потому и любятъ въ немъ обѣдать, что имъ кажется, будто они обѣдаютъ у себя дома, въ своемъ семействѣ. Характеръ семейственности лежитъ на всемъ и во всемъ московскомъ!

Родство даже до-сихъ-поръ играетъ великую

роль въ Москвѣ. Тамъ никто не живетъ безъ родни. Если вы родились бобылемъ и пріѣхали жить въ Москву, — васъ сейчасъ женятъ, и у васъ будетъ огромное родство до семьдесять-седьмаго колѣна. Не любить и не уважать родни въ Москвѣ считается хуже, чѣмъ вольнодумствомъ. Вы обязаны будете знать день рожденія и именинъ по-крайней-мѣрѣ полутораста человѣкъ, и горе вамъ, если вы забудете поздравить хоть одного изъ нихъ. Это немножко хлопотно и скучно, но вѣдь за то родство — священная вещь. Гдѣ развита въ такой степени семейственность, тамъ родство не можетъ не быть въ великомъ почетѣ.

По смерти Петра-Великаго, Москва сдѣлалась убѣжищемъ опальныхъ дворянъ высшаго разряда и мѣстомъ отдохновенія удалившихся отъ дѣлъ вельможъ. Въ-слѣдствіе этого, она получила какой-то аристократическій характеръ, который особенно развился въ царствованіе Екатерины-Второй. Кто не слышалъ о широкой, распашной жизни вельможъ въ Москвѣ? Кто не слышалъ разсказовъ о томъ, какъ въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ ежедневно угощали они столомъ и званаго и незваного, и знакомаго и незнакомаго, и въ городѣ, и въ деревнѣ, гдѣ для всѣхъ отворяли свои пышные

сады? Кто не слышалъ разсказовъ о ихъ пирахъ,— разсказовъ, похожихъ на отрывки изъ *Тысячи и Одной Ночи?* Видите ли, что Москва и тутъ осталась вѣрна своему древне-московитскому элементу: чванство и чивость, распашная и потѣшная жизнь въ ней нашли свой пріютъ! Но съ предшествовавшаго царствованія, Москва мало-по-малу начала дѣлаться городомъ торговымъ, промышленымъ и мануфактурнымъ. Она одѣваетъ всю Россію своими бумажно-прядильными издѣліями; ея отдаленныя части, ея окрестности и ея уѣздъ — все это усѣяно фабриками и заводами, большими и малыми. И въ этомъ отношеніи, не Петербургу тягаться съ нею, потому-что самое ея положеніе почти въ серединѣ Россіи назначило ей быть центромъ внутренней промышлености. И то-ли будетъ она въ этомъ отношеніи, когда желѣзная дорога соединитъ ее съ Петербургомъ и, какъ артеріи отъ сердца, потянутся отъ нея шоссе въ Ярославль, въ Казань, въ Воронежъ, въ Харьковъ, въ Кіевъ и Одессу...

Москва гордится своими историческими древностями, памятниками, она — сама историческая древность и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи! Но какъ она сама, такъ и ея до-петровскія древности представляютъ странное зрѣлище смѣси

съ новымъ: отъ Кремля едва остался одинъ чертежъ, потому-что его ежегодно поправляютъ, а въ немъ возникаютъ новыя зданія. Духъ новаго вѣетъ и на Москву и стираетъ мало-по-малу ея древній отпечатокъ.

Мы начали о Петербургѣ, а распространились о Москвѣ; но это совсѣмъ не отступленіе отъ главнаго предмета. У насъ двѣ столицы: какъ же говорить объ одной, не сравнивая ея съ другою? Только черезъ такое сравненіе можемъ мы узнать особенности и характеръ каждой изъ нихъ. Ничто въ мірѣ не существуетъ напрасно: если у насъ двѣ столицы — значитъ, каждая изъ нихъ необходима, а необходимость можетъ заключаться только въ *идеѣ*, которую выражаетъ каждая изъ нихъ. И потому, Петербургъ представляетъ собою идею, Москва — другую. Въ чемъ состоитъ идея того и другаго города, это можете узнать, только проведя параллель между тѣмъ и другимъ. И потому, мы не разъ еще, говоря о Петербургѣ, будемъ обращаться и къ Москвѣ. Пока мы нашли, что отличительный характеръ Москвы — семейственность. Обратимся къ Петербургу.

О Петербургѣ привыкли думать, какъ о городѣ,

построенномъ даже не на болотѣ, а чуть ли не на воздухѣ. Многіе не шутя увѣряютъ, что это городъ безъ исторической святыни, безъ преданій, безъ связи съ родною страною, городъ, построенный на сваяхъ и на разсчетѣ. Всѣ эти мнѣнія немного ужь устарѣли, и ихъ пора бы оставить. Правда, коли хотите, въ нихъ есть своя сторона истины, но за то много и лжи. Петербургъ построенъ Петромъ-Великимъ какъ столица новой Россійской Имперіи, и Петербургъ — городъ неисторическій, безъ преданія!... Это нелѣпость, не стоящая опроверженія! Вся бѣда вышла изъ того, что Петербургъ слишкомъ молодъ для самого-себя, и совершенное дитя въ-сравненіи съ старушкою-Москвою. Такъ неуже-ли молодой человѣкъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ жизнь великимъ подвигомъ — не историческій человѣкъ, потому-что онъ мало жилъ; а старичекъ какой-нибудь — историческій человѣкъ, потому-что онъ много жилъ? Не только много жила, но и много испытала древняя Москва, столица Московскаго Царства; у ней есть своя исторія — никто не споритъ противъ этого; но что же вся ея исторія въ-сравненіи съ великимъ эпосомъ біографіи Петра-Великаго? А не тѣсно ли связанъ Петербургъ съ этою біографіею? Отвергать истори-

ческую важность Петербурга, не значитъ ли не умѣть цѣнить Петра для русской исторіи? Говоря объ исторической святынѣ, спрашиваютъ: гдѣ у Петербурга эти памятники, надъ которыми пролетѣли вѣка, не разрушивъ ихъ? Да, милостивые государи, такихъ памятниковъ въ Петербургѣ нѣтъ и быть не можетъ, потому-что самъ онъ существуетъ со дня своего заложенія только *сто-сорокъ-одинъ* годъ; но за то, онъ самъ есть великій историческій памятникъ. Всюду видите вы въ немъ живые слѣды его Строителя, и для многихъ (и въ томъ числѣ и для насъ) такія маленькія строенія, какъ напримѣръ, домикъ на Петербургской-Сторонѣ, дворецъ въ Лѣтнемъ-Саду, дворецъ въ Петергофѣ, стоятъ не одного, а многихъ Кремлей... Что дѣлать — у всякаго свой вкусъ! Петербургъ построенъ на разсчетѣ — правда; но чѣмъ же разсчетъ ниже слѣпаго случая? Мудрые вѣка говорятъ, что желѣзный гвоздь, сдѣланный грубою рукою деревенскаго кузнеца, выше всякаго цвѣтка, съ такою красотою рожденнаго природою, — выше его въ томъ отношеніи, что онъ — произведеніе *сознательнаго* духа, а цвѣтокъ есть произведеніе *непосредственной* силы. Разсчетъ есть одна изъ сторонъ сознанія. Говорятъ еще, что Петербургъ не имѣетъ въ себѣ ничего оригиналь-

наго, самобытнаго, что онъ есть какое-то, будто бы, общее воплощеніе идеи столичнаго города и, какъ двѣ капли воды, похожъ на всѣ столичные города въ мірѣ. Но на какіе же именно? На старые, каковы, напр. Римъ, Парижъ, Лондонъ, онъ походить никакъ не можетъ; стало-быть, это сущая неправда. Если онъ похожъ на какіе-нибудь города, то, вѣроятно, на большіе города Сѣверной-Америки, которые, подобно ему, тоже выстроены на разсчетѣ. И развѣ въ этихъ городахъ нѣтъ своего, оригинальнаго? Развѣ въ стѣнахъ города и въ каждомъ камнѣ его видѣть *будущее*, не значитъ — видѣть что-то оригинальное и притомъ прекрасно-оригинальное? Но Петербургъ оригинальнѣе всѣхъ городовъ Америки, потому-что онъ есть новый городъ въ старой странѣ, слѣдовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны. Что-нибудь одно: или реформа Петра-Великаго была только великою историческою ошибкою; или Петербургъ имѣетъ необъятно-великое значеніе для Россіи. Что-нибудь одно: или новое образованіе Россіи, какъ ложное и призрачное, скоро исчезнетъ совсѣмъ, не оставивъ по себѣ и слѣда; или Россія навсегда и безвозвратно оторвана отъ своего прошедшаго. Въ первомъ случаѣ, разумѣется, Петер-

бургъ — случайное и эфемерное порожденіе эпохи, принявшей ошибочное направленіе, грибъ, который въ одну ночь выросъ и въ одинъ день высохъ; во второмъ случаѣ, Петербургъ есть необходимое и вѣковѣчное явленіе, величественный и крѣпкій дубъ, который сосредоточитъ въ себѣ всѣ жизненные соки Россіи. Нѣкоторые доморощенные политики, считающіе себя удивительно-глубокомысленными, думаютъ, что такъ, какъ-де Петербургъ явился не непосредственно, выросъ и расширился не вѣками, а обязанъ своимъ существованіемъ волѣ одного человѣка; то другой человѣкъ, имѣющій власть свыше, также можетъ оставить его, выстроить себѣ новый городъ на другомъ концѣ Россіи: мнѣніе крайне-дѣтское! Такія дѣла не такъ легко затѣваются и исполняются. Былъ человѣкъ, который имѣлъ не только власть, но и силу сотворить чудо, и былъ мигъ, когда эта сила могла проявляться въ такомъ чудѣ, — и потому для новаго чуда въ этомъ родѣ потребуется опять два условія: не только человѣкъ, но и мигъ. Произволъ не производитъ ничего великаго: великое исходитъ изъ разумной необходимости, слѣдовательно, отъ Бога. Произволъ не состроитъ въ короткое время великаго города: произволъ можетъ выстроить развѣ

только *вавилонскую башню*, слѣдствіемъ которой будетъ не возрожденіе страны къ великому будущему, а *раздѣленіе языковъ*. Гораздо легче сказать — оставить Петербургъ, чѣмъ сдѣлать это: языкъ безъ костей, по русской пословицѣ, и можетъ говорить, что ему угодно; но дѣло не то, что пустое слово. Только господамъ *Маниловымъ* легко строить въ своей праздной фантазіи мосты черезъ пруды, съ лавками по обѣимъ сторонамъ.

Иностранецъ Альгаротти сказалъ: «Петербургъ есть окно, черезъ которое Россія смотритъ на Европу», — счастливое выраженіе, въ немногихъ словахъ удачно схватившее великую мысль! И вотъ въ чемъ заключается твердое основаніе Петербурга, а не въ сваяхъ, на которыхъ онъ построенъ, и съ которыхъ его не такъ-то легко сдвинуть! Вотъ, въ чемъ его идея и, слѣдовательно, его великое значеніе, его святое право на вѣковѣчное существованіе! Говорятъ, что Петербургъ выражаетъ собою только внѣшній европеизмъ. Положимъ, что и такъ; но при развитіи Россіи, совершенно противоположномъ европейскому, т. е. при развитіи сверху внизъ, а не снизу вверхъ, *внѣшность* имѣетъ гораздо высшее значеніе, бо́льшую важность, нежели какъ думаютъ. Что вы видите въ поэзіи Ломоносова? — одну

внѣшность, русскія слова, втиснутыя въ латинско-нѣмецкую конструкцію; выписныя мысли, какихъ и признака не было въ обществѣ, среди котораго и для котораго писалъ Ломоносовъ свои реторическіе стихи! И однакожь, Ломоносова не безъ основанія называютъ отцомъ русской поэзіи, которая тоже не безъ основанія гордится, на-примѣръ, хоть такимъ поэтомъ, какъ Пушкинъ. Нужно ли доказывать, что если бы у насъ не было *заведено* этой мертвой, подражательной, чисто-внѣшней поэзіи, — то не родилась бы у насъ и живая, оригинальная и самобытная поэзія Пушкина? Нѣтъ, это и безъ доказательствъ ясно, какъ день Божій. И такъ, иногда и *внѣшность* чего-нибудь да стоитъ. Скажемъ болѣе: внѣшнее иногда влечетъ за собою внутреннее. Положимъ, что надѣть фракъ или сюртукъ, вмѣсто овчиннаго тулупа, синяго армяка, или смураго кафтана, еще не значитъ сдѣлаться Европейцемъ; но отъ-чего же у насъ, въ Россіи, и учатся чему-нибудь, и занимаются чтеніемъ, и обнаруживаютъ и любовь и вкусъ къ изящнымъ искусствамъ, только люди, одѣвающіеся по-европейски? Что ни говорите, а даже и фракъ съ сюртукомъ — предметы, кажется, совершенно *внѣшніе*, не мало дѣйствуютъ на *внутреннее* благообразіе человѣка. Петръ-

Великій это понималъ, и отсюда его гоненіе на бороды, охабни, *терлики*, *шапки-мурмолки* и всѣ другія завѣтныя принадлежности московитскаго туалета.

Есть мудрые люди, которые презираютъ всѣмъ внѣшнимъ; имъ давай *идею*, *любовь*, *духъ*, а на факты, на міръ практическій, на будничную сторону жизни они не хотятъ и смотрѣть. Есть другіе мудрые люди, которые, кромѣ фактовъ и дѣла, ни о чемъ знать не хотятъ, а въ *идеѣ* и *духѣ* видятъ одинѣ мечты. Первые изъ нихъ за особенную честь поставляютъ себѣ слушать съ презрительнымъ видомъ, когда при нихъ говорятъ о желѣзной дорогѣ. Эти средства къ возвышенію нравственнаго достоинства страны имъ кажутся и ложными и ничтожными; они всего ждутъ отъ чуда, и думаютъ, что образованіе въ одно прекрасное утро свалится прямо съ неба, а народъ возьметъ на себя трудъ только поднять его да проглотить не жевавши. Мудрецы этого разряда давно уже ославлены именемъ *романтиковъ*. Мудрецы втораго разряда спятъ и видятъ шоссе, желѣзныя дороги, мануфактуры, торговлю, банки, общества для разныхъ спекуляцій: въ этомъ ихъ идеалъ народнаго и государственнаго блаженства; духъ, идея въ ихъ глазахъ

— вредныя, или безполезныя мечты. Это *классики* нашего времени. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, мы въ послѣднихъ видимъ хоть что-нибудь, тогда-какъ въ первыхъ — виноваты — ровно ничего не видимъ. Есть два способа проводить новый источникъ жизни въ застоявшійся организмъ общественнаго тѣла: первый — наука, или ученіе, книгопечатаніе, въ обширномъ значеніи этого слова, какъ средство къ распространенію идей; второй — жизнь, разумѣя подъ этимъ словомъ формы обыкновенной, ежедневной жизни, нравы, обычаи. Тотъ и другой способъ равно важны, и послѣдній едва-ли еще не важнѣе въ томъ отношеніи, что и само чтеніе, и сама идея тогда только важны и дѣйствительны, когда входятъ въ жизнь, становятся, такъ-сказать, обычаемъ, или обыкновеніемъ. Нѣтъ ничего сильнѣе и крѣпче обычая: гораздо легче убѣдить людей логикой въ какой угодно истинѣ, нежели преклонить ихъ къ практическому примѣненію этой истины, если въ этомъ мѣшаетъ имъ обычай. Намъ кажется, что на долю Петербурга преимущественно выпалъ этотъ второй способъ распространенія и утвержденія европеизма въ русскомъ обществѣ. Петербургъ есть образецъ для всей Россіи во всемъ, что̀ касается до

формъ жизни, начиная отъ моды до свѣтскаго тона, отъ манеры класть кирпичи до высшихъ таинствъ архитектурнаго искусства, отъ типографскаго изящества до журналовъ, исключительно владѣющихъ вниманіемъ публики. Сравните петербургскую жизнь съ московскою — и въ ихъ различіи, или, лучше сказать, ихъ противоположности, вы сейчасъ увидите значеніе того и другаго города. Несмотря на узкость московскихъ улицъ, снабженныхъ тротуарами въ пол-аршина шириною, онѣ только днемъ бываютъ тѣсны, и то далеко не всѣ, и притомъ больше по причинѣ ихъ узкости, чѣмъ по многолюдству. Съ десяти часовъ вечера, Москва уже пустѣетъ и, особенно, зимою скучны и пустынны эти кривыя улицы съ еще болѣе кривыми переулками. Широкія улицы Петербурга почти всегда оживлены народомъ, который куда-то спѣшитъ, куда-то торопится. На нихъ до двѣнадцати часовъ ночи довольно людно, и до утра вездѣ попадаются то тамъ, то сямъ запоздалые. Кандитерскія полны народомъ; Нѣмцы, Французы и другіе иностранцы, туземные и заѣзжіе, пьютъ, ѣдятъ и читаютъ газеты; Русскіе больше пьютъ и ѣдятъ, а нѣкоторые пробѣгаютъ *Пчелу*, *Инвалидъ*, и иногда пристально читаютъ толстые журналы, переплетенные, для

удобства, въ особенныя книжки, по отдѣламъ: это охотники до литературы; охотниковъ до политики у насъ вообще мало. Рестораны всегда полны; кухмистерскія заведенія тоже. Тутъ то же самое: пьютъ, ѣдятъ, читаютъ, курятъ, играютъ на бильярдѣ, и все большею частію молча. Если и говорятъ, то тихо, и то сосѣдъ съ сосѣдомъ; за то часто случается слышать прегромкіе голоса, которые ни мало не женируются говорить о предметахъ, нисколько для посторонннхъ не интереснхъ, напримѣръ, о томъ, какъ Иванъ Семеновичъ вчера остался безъ двухъ, играя семь въ червяхъ, или о томъ, что Петръ Николаевичъ получилъ мѣсто, а Василій Степановичъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, и тому подобныхъ литературныхъ и политическихъ новостяхъ. Дома въ Петербургѣ, какъ извѣстно, огромные. Петербурженъ о погребѣ не заботится: если не женатъ, онъ обѣдаетъ въ трактирѣ; женатый, онъ все беретъ изъ лавочки. Домъ, гдѣ нанимаетъ онъ квартиру, сущій посевъ-ковчегъ, въ которомъ можно найдти по парѣ всякихъ животныхъ. Рѣдко случается узнать Петербуржцу, кто живетъ возлѣ него, потому-что и съ верху, и съ низу, и съ боковъ его живутъ люди, которые такъ же, какъ и онъ, заняты своимъ дѣломъ и такъ же не имѣютъ времени

узнавать о немъ, какъ и онъ о нихъ. Главное удобство въ квартирѣ, за которымъ гонится Петербуржецъ, состоитъ въ томъ, чтобы ко всему быть поближе — и къ мѣсту своей службы, и къ мѣсту, гдѣ все можно достать и лучше и дешевле. Послѣдняго удобства онъ часто достигаетъ въ своемъ поевомъ-ковчегѣ, гдѣ есть и погребокъ, и кандитерская, и кухмистеръ, и магазины, и портные, и сапожники и все на свѣтѣ. Идея города больше всего заключается въ сплошной сосредоточенности всѣхъ удобствъ въ наиболѣе сжатомъ кругѣ: въ этомъ отношеніи, Петербургъ несравненно - больше городъ, чѣмъ Москва и, можетъ-быть, одинъ городъ во всей Россіи, гдѣ все разбросано, разъединено' запечатлѣно семейственностію. Если въ Петербургѣ нѣтъ публичности въ истинномъ значеніи этого слова, за то ужь нѣтъ и домашняго, или семейственнаго затворничества: Петербургъ любитъ улицу, гулянье, театръ, кофейню, воксалъ, словомъ, любитъ всѣ общественныя заведенія. Этого пока еще немного, но за то изъ этого можетъ многое выйти впереди. Петербургъ не можетъ жить безъ газетъ, безъ аффишъ и разнаго рода объявленій; Петербургъ давно уже привыкъ, какъ къ необходимости, къ *Полицейской Газетѣ*, къ городской почтѣ. Едва

проснувшись, Петербуржецъ хочетъ тотчасъ же знать, что̀ дается сегодня на театрахъ, нѣтъ ли концерта, скачки, гулянья съ музыкою; словомъ, хочетъ знать все, что̀ составляетъ сферу его удовольствій и разсѣяній, — а для этого ему стоитъ только протянуть руку къ столу, если онъ получаетъ всѣ эти извѣстительныя изданія, или забѣжать въ первую попавшуюся кандитерскую. Въ Москвѣ, многіе подписчики на *Московскія Вѣдомости,* выходящія три раза въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ), посылаютъ за ними только по субботамъ и получаютъ вдругъ три нумера. Оно и удобно: подъ-праздникъ есть свободное время заняться новостями всего міра... Кромѣ того, по неимѣнію городской почты и разсыльныхъ, надо посылать своего человѣка въ контору университетской типографіи, а это не для всякаго удобно и не для всѣхъ даже возможно. Для Петербуржца, заглянуть каждый день въ *Пчелу* или *Инвалидъ* — такая же необходимость, такой же *обычай,* какъ напиться по-утру чаю... Въ противоположность Москвѣ, огромные домы въ Петербургѣ днемъ не затворяются и доступны и черезъ ворота и черезъ двери; ночью, у воротъ всегда можно найти дворника, или вызвать его звонкомъ, слѣдовательно,

всегда можно попасть въ домъ, въ который вамъ непремѣнно нужно попасть. У дверей каждой квартиры видна ручка звонка, а на многихъ дверяхъ не только нумеръ, но и мѣдная или желѣзная дощечка съ именемъ занимающаго квартиру. Хотя въ Москвѣ улицы не длинны, каждая носитъ особенное названіе и почти въ каждой есть церковь, а иногда еще и не одна, почему легко бы, казалось, отыскать кого нужно, если знаешь адресъ; однакожь, отъискивать тамъ — истинное мученіе, если въ домѣ есть не одинъ жилецъ. Обыкновенно, входите вы тамъ на довольно большой дворъ, на которомъ, кромѣ собаки, или собакъ, ни одного живаго существа; спросить нѣкого, надо стучаться въ двери съ вопросомъ: не здѣсь ли живетъ такой-то, потому-что въ Москвѣ дворники рѣдки, а звонки еще и того рѣже. Нѣтъ никакой возможности ходить по московскимъ улицамъ, которыя узки, кривы и наполнены проѣзжающими. Надо быть Москвичемъ, чтобы умѣть смѣло ходить по нимъ, такъ же, какъ надо быть Парижаниномъ, чтобы, ходя по Парижу, не пачкаться на его грязныхъ улицахъ. Впрочемъ, сами Москвичи ходить не любятъ; отъ-того извозчикамъ въ Москвѣ много работы. Извозчики тамъ дешевы, но на плохихъ дрожкахъ и прескверныхъ

саняхъ; дрожки вездѣ скверны, по самому ихъ устройству; это просто орудіе пытки для допроса обвиненныхъ; но саней плохихъ въ Петербургѣ не бываетъ: здѣсь самыя скверныя санишки сдѣланы на манеръ будто-бы хорошихъ и покрыты полостью, изъ теленка, но похожаго на медвѣдя, а полость покрыта чѣмъ-то въ родѣ сукна. Въ Петербургѣ никто не сѣлъ бы на сани безъ медвѣдя!... Впрочемъ, въ Петербургѣ мало ѣздятъ; больше ходятъ: оно и здорово, ибо движеніе есть лучшее и притомъ самое дешевое средство противъ геморроя, да притомъ же, въ Петербургѣ удобно ходить: горъ и косогоровъ нѣтъ, все ровно и гладко, троттуары изъ плитняка, а нидѣ и изъ гранита, широкіе, ровные и во всякое время года чистые, какъ полы.

Чтобы ближе познакомиться съ обѣими нашими столицами, сравнимъ между собою ихъ народонаселеніе.

Высшее сословіе, или высшій кругъ общества, во всѣхъ городахъ въ мірѣ составляетъ собою нѣчто исключительное. Большой свѣтъ въ Петербургѣ еще болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, есть истинная terra incognita для всѣхъ, кто не пользуется въ немъ правомъ гражданства; это городъ въ городѣ, государство въ государствѣ. Непосвященные въ его

танства, смотрятъ на него издалека, на почтительномъ разстояніи, смотрятъ на него съ завистью и томленіемъ, съ какими путникъ, заблудившійся въ песчаной степи Аравіи, смотритъ на миражъ, представляющійся ему цвѣтущимъ оазисомъ; но недоступный для нихъ рай большаго свѣта, стрегомый булавою швейцара и толпою оффиціантовъ, разодѣтыхъ маркизами XVIII вѣка, даже и не смотритъ на этихъ чающихъ для себя движенія райской воды. Люди различныхъ слоевъ средняго сословія, отъ высшаго до низшаго, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются къ отдаленному и непонятному для нихъ гулу большаго свѣта, и посвоему толкуютъ долетающія до нихъ отрывистыя слова и рѣчи, съ упоеніемъ пересказываютъ другъ-другу доходящіе до ихъ ушей анекдоты, искаженные ихъ простодушіемъ. Словомъ, они такъ заботятся о большомъ свѣтѣ, какъ-будто безъ него не могутъ дышать. Не довольствуясь этимъ, они изо всѣхъ силъ бьются, бѣдные, передразнивать бытъ большаго свѣта, и — à force de forger, — достигаютъ до сладостной самоувѣренности, что и они — тоже большой свѣтъ. Конечно, настоящій большой свѣтъ очень бы добродушно разсмѣялся, еслибъ узналъ объ этихъ безчисленныхъ претендентахъ на

близкое родство съ нимъ; но отъ этого тѣмъ не менѣе страсть считать себя принадлежащимъ или прикосновеннымъ къ большому свѣту, доходитъ въ среднихъ сословіяхъ Петербурга до изступленія. По-этому, въ Петербургѣ счету нѣтъ различнымъ кругамъ «большаго свѣта». Всѣ они отличаются со стороны высшаго къ низшему — величаво, или лукаво-насмѣшливымъ взглядомъ; а со стороны низшаго къ высшему — досадою обиженнаго самолюбія, впрочемъ утѣшающаго себя тѣмъ, что и мы-де не отстанемъ отъ другихъ и постоимъ за себя въ хорошемъ тонѣ. Хорошій тонъ, это — точка помѣшательства для петербургскаго жителя. Послѣдній чиновникъ, получающій не болѣе семисотъ рублей жалованья, ради хорошаго тона отпускаетъ при случаѣ искаженную французскую фразу — единственную, какую удалось ему затвердить изъ «Самоучителя»; изъ хорошаго тона онъ одѣвается всегда у порядочнаго портнаго и носитъ на рукахъ хотя и засаленныя, но желтыя перчатки. Дѣвицы даже низшихъ классовъ ужасно любятъ ввернуть въ безграмотной русской запискѣ безграмотную французскую фразу, — и если вамъ понадобится писать къ такой дѣвицѣ, то ничѣмъ вы ей такъ не польстите, какъ смѣшеніемъ нижегородскаго съ французскимъ:

этимъ вы ей покажете, что считаете ее дѣвицею образованною и «хорошаго тона». Любятъ онѣ также и стишки, особенно изъ водевильныхъ куплетовъ; но нѣкоторыя возвышаются своимъ вкусомъ даже до поэзіи г. Бенедиктова, — и это дѣвицы самыхъ аристократическихъ, самыхъ бонтонныхъ круговъ чиновническаго сословія. Видите ли: Петербургъ во всемъ себѣ вѣренъ: онъ стремится къ высшей формѣ общественнаго быта... Не такова, въ этомъ отношеніи, Москва. Въ ней даже большой свѣтъ имѣетъ свой особенный характеръ. Но кто не принадлежитъ къ нему, тотъ о немъ и не заботится, будучи весь погруженъ въ сферу собственнаго сословія.

Ядро кореннаго московскаго народонаселенія составляетъ купечество. Девять десятыхъ этого многочисленнаго сословія носятъ православную, отъ предковъ завѣщанную бороду, длиннополый сюртукъ синяго сукна и ботфорты съ кисточкою, скрывающіе въ себѣ окопечности плисовыхъ, или суконныхъ брюкъ; одна десятая позволяетъ себѣ брить бороду и, по одеждѣ, по образу жизни, вообще во *внѣшности,* походитъ на разночинцевъ и даже дворянъ средней руки. Сколько старинныхъ вельможескихъ домовъ перешло теперь въ собствен-

пость купечества! И вообще, эти огромныя зданія, памятники уже отжившихъ свой вѣкъ правовъ и обычаевъ, почти всѣ безъ исключенія превратились или въ казенныя учебныя заведенія, или, какъ мы уже сказали, поступили въ собственность богатаго купечества. Какъ расположилось и какъ живетъ въ этихъ палатахъ и дворцахъ «поштенное» купечество, — объ этомъ любопытные могутъ справиться, между-прочимъ, въ повѣсти г. Вельтмана «Пріѣзжій изъ Уѣзда, или Суматоха въ Столицѣ». Но не въ одинѣхъ княжескихъ и графскихъ палатахъ, — хороши также эти купцы и въ дорогихъ каретахъ и коляскахъ, которыя вихремъ несутся на превосходныхъ лошадяхъ, блистающихъ самою дорогою сбруею: въ экипажѣ сидитъ «поштенная» и весьма довольная собою борода; возлѣ нея помѣщается плотная и объёмистая масса ея дражайшей половины, разбѣленная, разрумяненная, обремененная жемчугами, иногда съ платкомъ на головѣ и съ косичками отъ висковъ, но, чаще, въ шляпкѣ съ перьями (прекрасный полъ даже и въ купечествѣ далеко обогналъ мужчинъ на пути европеизма!), а на запяткахъ стоитъ сидѣлецъ въ длиннополомъ жидовскомъ сюртукѣ, въ рыжихъ сапогахъ съ кисточками, пуховой шляпѣ и въ зеленыхъ перчаткахъ...Проходящіе мимо

купцы средней руки и мѣщане съ удовольствіемъ пощолкиваютъ языкомъ, смотря на лихихъ коней, и гордо приговариваютъ: «Вишь, какъ наши-то!», а дворяне, смотря изъ оконъ, съ досадою думаютъ: «мужикъ проклятый — развалился, какъ и Богъ-знаетъ кто!...» Для русскаго купца, особенно Москвича, толстая статистая лошадь и толстая статистая жена — первыя блага въ жизни.... Въ Москвѣ повсюду встрѣчаете вы купцовъ, и все показываетъ вамъ, что Москва, по преимуществу, городъ купеческаго сословія. Ими населенъ Китай-Городъ; они исключительно завладѣли Замоскворѣчьемъ, и ими же кишатъ даже самыя аристократическія улицы и мѣста въ Москвѣ, каковы — Тверская, Тверской Бульваръ, Пречистенка, Остоженка, Арбатская, Поварская, Мясницкая и другія улицы. Базисомъ этому многочисленному сословію въ Москвѣ служитъ еще многочисленнѣйшее сословіе: это — мѣщанство, которое создало себѣ какой-то особенный костюмъ изъ національнаго русскаго и изъ басурманскаго нѣмецкаго, гдѣ неизбѣжно красуются зеленыя перчатки, пуховая шляпа, или картузъ такого устройства, въ которомъ равно изуродованы и опошлены и русскій и иностранный типы головной мужской одежды; выростковые сапоги, въ кото-

рыхъ прячутся нанковые или суконные штанишки; сверху что-то среднее между долгополымъ жидовскимъ сюртукомъ и кучерскимъ кафтаномъ; красная александрійская или ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ, а на шеѣ грязный пестрый платокъ. Прекрасная половина этого сословія представляетъ своимъ костюмомъ такое же дикое смѣшеніе русской одежды съ европейскою: мѣщанки ходятъ бо́льшею частію (кромѣ ужь самыхъ бѣдныхъ) въ платьяхъ и шаляхъ порядочныхъ женщинъ, а волосы прячутъ подъ шапочку, сдѣланную изъ цвѣтнаго шелковаго платка; бѣлила, румяна и сурьма составляютъ неотъемлемую часть ихъ самихъ, точно такъ же, какъ стеклянные глаза, безжизненное лицо и черные зубы. Это мѣщанство есть вездѣ, гдѣ только есть русскій городъ, даже большое торговое село. Типъ этого мѣщанства вполнѣ постигъ петербургскій актёръ, г. Григорьевъ 2-й, — и этому-то типу обязанъ онъ своимъ необыкновеннымъ успѣхомъ на Александрынскомъ-Театрѣ.

Но въ Москвѣ есть еще другаго рода среднее сословіе — образованное среднее сословіе. Мы не считаемъ за нужное объяснять нашимъ читателямъ, что̀ мы разумѣемъ вообще подъ образованными сословіями: кому не извѣстно, что у насъ, въ Россіи,

есть рѣзкая черта, которая отдѣляетъ необразованныя сословія отъ образованныхъ и которая заключается, во-первыхъ, въ костюмахъ и обычаяхъ, обнаруживающихъ рѣшительное притязаніе на европеизмъ; во-вторыхъ, въ любви къ преферансу; въ-третьихъ, въ бо̀льшемъ или меньшемъ занятіи чтеніемъ. Касательно послѣдняго пункта, можно сказать съ достовѣрностію, что кто читаетъ постоянно хоть «Московскія Вѣдомости», тотъ уже принадлежитъ къ образованному сословію, если, кромѣ того, онъ въ одеждѣ и обычаяхъ придерживается западнаго типа. Къ числу необходимыхъ отличій «образованнаго» человѣка отъ «необразованнаго» у насъ полагается и чинъ, хотя, съ нѣкотораго времени, и у насъ уже начинаютъ убѣждаться, что и безъ чина такъ же можно быть образованнымъ человѣкомъ, какъ и невѣждою съ чиномъ. Впрочемъ, подобное мнѣніе нисколько не проникло въ низшіе классы общества, — и милліонеръ-купецъ, поглаживая свою бородку, смѣло претендуетъ на умъ (благо плутовать и мастеръ надуть и недруга и друга), но никогда на образованность. Различій и степеней между «образованными» людьми у насъ множество. Одни изъ нихъ читаютъ только дѣловыя бумаги и письма, до нихъ лично касающіяся, да еще календари и «Московскія Вѣ-

домости»; нѣкоторые идутъ далѣе — и постоянно читаютъ «Сѣверную Пчелу»; есть такіе, которые читаютъ рѣшительно всѣ русскіе журналы, газеты, книги и брошюры, и не читаютъ ничего иностраннаго, даже зная какой-нибудь иностранный языкъ; наконецъ, есть такіе esprits-forts, которые очень много читаютъ на иностранныхъ языкахъ и рѣшительно ничего на своемъ родномъ; но «образованнѣйшими» должно почитать, безъ сомнѣнія, тѣхъ немногихъ у насъ людей, которые, *иногда* заглядывая въ русскіе журналы, *постоянно* читаютъ иностранные, *изрѣдка* прочитывая русскія книги (благо хорошихъ-то изъ нихъ очень мало), *часто* читаютъ иностранныя книги. Но еще многочисленнѣе оттѣнки нашей образованности въ-отношеніи къ одеждѣ, обычаямъ и картамъ. Есть у насъ люди, которые европейскую одежду носятъ только оффиціально, но у себя дома, безъ гостей, постоянно пребываютъ въ татарскихъ халатахъ, сафьяныхъ сапогахъ и разнаго рода ермолкахъ; нѣкоторые халату предпочитаютъ ухорскій архалухъ — щегольство провинціяльныхъ лакеевъ; другіе, напротивъ, и дома остаются вѣрны европейскому типу и ходятъ въ пальто, въ которомъ могутъ, безъ нарушенія приличія, принимать визиты за-просто; одни слѣ-

дуютъ постоянно модѣ, другіе увлекаются венгерками, казачьими шараварами и тому подобными удалыми, залихватскими и ухорскими изобрѣтеніями провинціяльнаго пзящнаго вкуса. Въ образѣ жизни, главный оттѣнокъ различій состоитъ въ томъ, что одни поздно встаютъ, обѣдаютъ никакъ не ранѣе четырехъ часовъ, вечеромъ пьютъ чай никакъ не ранѣе десяти часовъ, и чѣмъ позже ложатся спать, тѣмъ лучше; а другіе, въ этомъ отношеніи, болѣе придерживаются старины. Въ обращеніи, оттѣнки нашего общества такъ безчисленны, что нѣтъ никакой возможности и говорить объ нихъ. Но въ этомъ отношеніи, всѣ оттѣнки, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, имѣютъ въ себѣ то общаго, что всѣ равно вѣрны внѣшности, которая не обязываетъ ни къ чему внутреннему: это та же одежда. Въ-отношеніи къ картамъ, есть только три различія: одни играютъ только въ преферансъ; другіе только въ банкъ и въ палки; третьи и въ преферансъ, и въ банкъ, и въ палки. Различіе кушей подразумѣвается само-собою. Въ Петербургѣ, въ преферансъ играютъ по мастямъ и на семь не прикупаютъ; въ Москвѣ и провинціи, прикупаютъ и на десять, безъ различія мастей. Образованный классъ въ Москвѣ довольно многочисленъ и чрез-

вычайно разнообразенъ. Не смотря на то, всѣ Москвичи очень похожи другъ на друга; къ нимъ всегда будетъ итти эта характеристика, сдѣланная знаменитѣйшимъ Москвичомъ Фамусовымъ:

От головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Москвичи — люди на-распашку, истинные Аѳиняне, только на русско-московскій ладъ. Они любятъ пожить и, въ ихъ смыслѣ, дѣйствительно хорошо живутъ. Кто не слышалъ о московскомъ англійскомъ клубѣ и его сытныхъ обѣдахъ? Кромѣ англійскаго и нѣмецкаго клубовъ, теперь въ Москвѣ есть еще — дворянскій. Кто не слышалъ о московскомъ хлѣбосольствѣ, гостепріимствѣ и радушіи? Въ какомъ другомъ городѣ въ мірѣ можете вы съ такимъ удобствомъ и жениться и пообѣдать, какъ въ Москвѣ?... Гдѣ, кромѣ Москвы, вы можете и служить, и торговать, и сочинять романы, и издавать журналы, не для чего инаго, какъ только для собственнаго развлеченія, для отдыха? Гдѣ лучше можете вы отдохнуть и поправить свое здоровье, какъ не въ Москвѣ? Гдѣ, если не въ Москвѣ, можете вы много говорить о своихъ трудахъ, настоящихъ и будущихъ, прослыть за дѣятельнѣйшаго человѣка въ мірѣ — и, въ то же время, ровно ничего не дѣлать?

Гдѣ, кромѣ Москвы, можете вы быть довольнѣе тѣмъ, что вы ничего не дѣлаете, а время проводите препріятно? Отъ-того-то въ Москвѣ такъ много заѣзжаго празднаго народа, который собирается туда изъ провинціи жупровать, кутить, веселиться, жениться. Отъ-того-то тамъ такъ много халатовъ, венгерокъ, штатскихъ панталонъ съ лампасами и такихъ невиданныхъ сюртуковъ съ шнурами, которые, появившись на Невскомъ-Проспектѣ, заставили бы смотрѣть на себя съ ужасомъ все народонаселеніе Петербурга. Въ Москвѣ есть, говорятъ, даже *шапки-мурмолки*, въ родѣ той, которую, по увѣренію Москвичей, послалъ еще Рюрикъ. Отъ-того-то, наконецъ, въ Москвѣ только можетъ процвѣтать цыганскій хоръ Ильюшки. Лицо Москвича никогда не озабочено: оно добродушно и откровенно, и смотритъ такъ, какъ-будто хочетъ вамъ сказать: *а гдѣ вы сегодня обѣдаете?* Кто хоть сколько-нибудь знаетъ Москву, тотъ не можетъ не знать, что, кромѣ англійскаго комфорта, есть еще и *московскій комфортъ*, иначе называемый «жизнью на-распашку». Москвичи такъ рѣзко отличаются ото всѣхъ не-москвичей, что, напримѣръ, московскій баринъ, московская барыня, московская барышня, московскій поэтъ, московскій мыслитель, московскій литера-

торъ, московскій архивный юноша: все это—типы, все это — слова техническія, рѣшительно непонятныя для тѣхъ, кто не живетъ въ Москвѣ. Это происходитъ отъ исключительнаго положенія Москвы, въ которое постановила ее реформа Петра-Великаго. Москва одна соединила въ себѣ тройственную идею Оксфорда, Манчестера и Реймса. Москва — городъ промышленый. Въ Москвѣ находится не только старѣйшій, но и лучшій русскій университетъ, привлекающій въ нее свѣжую молодежь изо всѣхъ концовъ Россіи. Хотя значительная часть воспитанниковъ этого университета, по окончаніи курса, оставляетъ Москву, чтобъ хоть что-нибудь дѣлать на этомъ свѣтѣ, но все же изъ нихъ довольно остается и въ Москвѣ. Эти остающіеся, вмѣстѣ съ учащимися, составляютъ собою особенное среднее сословіе, въ которомъ находятся люди всѣхъ сословій. Ихъ соединяетъ и подводитъ подъ общій уровень образованіе, или, по-крайней-мѣрѣ, стремленіе къ образованію. Среднее сословіе такого рода — оазисъ на песчаномъ грунтѣ всѣхъ другихъ сословій. Такіе оазисы находятся во многихъ, если не во всѣхъ, русскихъ городахъ. Въ иномъ городѣ, такой оазисъ состоитъ изъ пяти, въ иномъ изъ двухъ, въ иномъ и изъ одной только души, а въ нѣкоторыхъ горо-

дахъ и совсѣмъ нѣтъ такихъ оазисовъ — все чистый песокъ, или чистый черноземъ, поросшій бурьяномъ и крапивою. Къ особенной чести Москвы, никакъ нельзя не согласиться, что въ ней такихъ оазисовъ едва-ли не больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ русскомъ городѣ. Это происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ исключительнаго положенія Москвы, чуждой всякаго административнаго, бюрократическаго и оффиціальнаго характера, ея значенія и столицы и вмѣстѣ огромнаго губернскаго города; во-вторыхъ, отъ вліянія Московскаго-Университета. Отъ-того, въ дѣлѣ вопросовъ, касающихся до науки, искусства, литературы, у Москвичей больше простора, знанія, вкуса, такта, образованности, чѣмъ у большинства читающей, и даже пишущей петербургской публики. Это, повторяемъ, лучшая сторона московскаго быта. Но на свѣтѣ все такъ чудно устроено, что самое лучшее дѣло непремѣнно должно имѣть свою слабую сторону. Что нѣтъ въ мірѣ народа ученѣе Нѣмцевъ, — это извѣстно всякому: сами Москвичи, по наукѣ, не годятся Нѣмцамъ — въ ученики. Но за то, и у Нѣмцевъ есть та слабая сторона, что они до тридцати лѣтъ бываютъ *буршами*, а остальную — и большую — половину жизни — *филистерами*, и по-

этому не имѣютъ времени быть *людьми*. Такъ и въ Москвѣ: люди, поставившіе образованность цѣлью своей жизни, сначала бываютъ молодыми людьми, подающими о себѣ большія надежды, и потомъ, если во время не выѣдутъ изъ Москвы, дѣлаются Москвичами, и тогда уже перестаютъ подавать о себѣ какія-нибудь надежды, какъ люди, для которыхъ прошла пора обѣщать, а пора исполнять еще не наступила. Даже и молодые люди, «подающіе о себѣ большія надежды», въ Москвѣ имѣютъ тотъ общій недостатокъ, что часто смѣшиваютъ между собою самыя различныя и противоположныя понятія, какъ то: стихотворство съ дѣломъ, фантазіи праздпаго ума — съ мышленіемъ. Многимъ изъ нихъ (исключенія рѣдки) стоитъ сочинить свою, а всего чаще вычитать готовую теорію, или фантазію о чемъ бы то ни было, — и они уже твердо рѣшаются видѣть оправданіе этой теоріи, или этой фантазіи въ самой дѣйствительности, — и чѣмъ болѣе дѣйствительность противорѣчитъ ихъ любимой мечтѣ, тѣмъ упрямѣе убѣждены они въ ея безусловномъ тождествѣ съ дѣйствительностію. Отсюда, игра словами, которыя принимаются за дѣла, игра въ понятія, которыя считаются фактами. Все это очень невинно, но отъ-того не меньше смѣшно.

Что бы ни дѣлали въ жизни молодые люди, оставляющіе Москву для Петербурга, — они дѣлаютъ; Москвичи же ограничиваются только бесѣдами и спорами о томъ, что должно дѣлать, бесѣдами и спорами, часто очень умными, но всегда рѣшительно безплодными. Страсть разсуждать и спорить есть живая сторона Москвичей; но дѣла изъ этихъ разсужденій и споровъ у нихъ не выходитъ. Нигдѣ нѣтъ столько мыслителей, поэтовъ, талантовъ, даже геніевъ, особенно «высшихъ натуръ», какъ въ Москвѣ; но всѣ они дѣлаются болѣе или менѣе извѣстными внѣ Москвы только тогда, какъ переѣдутъ въ Петербургъ: тутъ они волею или неволею или попадаютъ въ составъ той толпы, которую всегда бранили, и дѣлаются простыми смертными, или дѣйствительно находятъ какое бы то ни было поприще своимъ способностямъ, часто болѣе или менѣе замѣчательнымъ, если и не геніальнымъ. Нигдѣ столько не говорятъ о литературѣ, какъ въ Москвѣ, и между-тѣмъ именно въ Москвѣ-то и нѣтъ никакой литературной дѣятельности, по-крайней-мѣрѣ теперь. Если тамъ появится журналъ, то не ищите въ немъ ничего, кромѣ напыщенныхъ толковъ о мистическомъ значеніи Москвы, опирающихся на царь-пушкѣ и большомъ колоколѣ, какъ-

будто городъ Петра-Великаго стоитъ внѣ Россіи и какъ-будто исполинъ на Исакіевской-Площади не есть величайшая историческая святыня русскаго народа; не ищите ничего, кромѣ множества посредственныхъ стихотвореній къ дѣвѣ, къ лунѣ, къ Ивану-Великому, Сухаревой-Башнѣ, а иногда — повѣрятъ ли? къ пѣнному вину, будто бы источнику всего великаго въ русской народности; плохихъ повѣстей, запоздалыхъ сужденій о литературѣ, исполненныхъ враждою къ Западу и прямыми и косвенными нападками на безнравственность людей, непринадлежащихъ къ приходу этого журнала и неудивляющихся геніальности его сотрудниковъ. Если выйдетъ брюшюрка, — это опять или несовсѣмъ образованныя выходки противъ, будто бы, гніющаго Запада; или какія-нибудь дѣтскія фантазіи съ самонадѣянными притязаніями на открытіе глубокихъ истинъ въ родѣ тѣхъ, что Гоголь — не шутя нашъ Гомеръ, а «Мертвыя Души» единственный послѣ «Иліады» типъ истиннаго эпоса.

Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о слабыхъ сторонахъ, не отрицая возможности прекраснѣйшихъ исключеній изъ нихъ. Вездѣ есть свое хорошее и, слѣдовательно, свое слабое, или недостаточное. Петербургъ и Москва — двѣ стороны, или, лучше

сказать, двѣ односторонности, которыя могутъ современемъ образовать своимъ слiяніемъ прекрасное и гармоническое цѣлое, прививъ другъ другу то, что въ нихъ есть лучшаго. Время это близко: желѣзная дорога дѣятельно дѣлается...

Обратимся къ Петербургу.

Низшій слой народонаселенія, собственно простой народъ, вездѣ одинаковъ. Впрочемъ, петербургскій простой народъ нѣсколько разнится отъ московскаго: кромѣ полугара и чая, онъ любитъ еще и кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики; а прекрасный полъ петербургскаго простонародья, въ лицѣ кухарокъ и разнаго рода служанокъ, чай и водку отнюдь не считаетъ необходимостію, а безъ кофею рѣшительно не можетъ жить; подгородныя крестьянки Петербурга забыли уже національную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуютъ подъ звуки гармоники, ими самими извлекаемые: вліяніе лукаваго Запада, разсчитанное слѣдствіе его адскихъ козней! Петербургскія швейки и вообще всѣ простыя женщины, усвоившія себѣ европейскій костюмъ, предпочитаютъ шляпки чепцамъ, тогдакакъ въ Москвѣ наоборотъ, и вообще одѣваются съ большимъ вкусомъ противъ московскихъ жен-

щипъ даже не одного съ ними сословія. То же должно сказать и о мужчинахъ: къ какому сословію принадлежитъ иной служитель, или мастеровой, это можно узнать только по его манерамъ, но не всегда по его платью. Это опять вліяніе того же лукаваго Запада! Далѣе, въ нашей книгѣ, благосклонный читатель, со-временемъ, найдетъ описаніе такъ-называемыхъ «лакейскихъ баловъ», о которыхъ въ Москвѣ люди этого сословія еще и не мечтали. Говоря о Москвѣ, мы нарочно распространились о купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ, какъ о самыхъ характеристическихъ ея принадлежностяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мѣщане, въ родѣ тѣхъ, которыхъ такъ удачно представляетъ на сценѣ Александрынскаго-Театра г. Григорьевъ 2-й, есть и въ Петербургѣ, и притомъ еще въ довольномъ количествѣ; но здѣсь они какъ-будто не у себя дома, какъ-будто въ гостяхъ, какъ-будто колонисты, или заѣзжіе иностранцы. Петербургскій Нѣмецъ болѣе ихъ туземецъ петербургскій. На улицахъ Петербурга они попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ Москвѣ; ихъ надо искать на Щукиномъ, въ овощныхъ лавкахъ, въ мясныхъ рядахъ и всякаго рода маленькихъ лавочкахъ, которыя разсыпаны тамъ-и-сямъ по Петербургу. Мѣщане — сидѣльцы и прикащики въ лав-

кахъ, находящихся на болѣе видныхъ улицахъ Петербурга, какъ-то цивилизованнѣе своихъ московскихъ собратій. Вообще же, всѣ они такъ перетасованы въ петербургскомъ народонаселеніи, что не бросаются въ глаза прежде всего, какъ въ Москвѣ; скажемъ болѣе: въ Петербургѣ они какъ-то совсѣмъ незамѣтны. И вотъ почему мы думаемъ, что г. Григорьевъ 2-й не имѣлъ бы такого успѣха на московской сценѣ, какимъ пользуется онъ на петербургской: представляемый имъ типъ, конечно — не невидаль въ Петербургѣ, но въ то же время онъ — и не такое обыкновенное явленіе, которое своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ нравами преобладающаго сословія въ Петербургѣ могло бы не возбуждать громкаго и веселаго смѣха на свой счетъ. Что же касается до петербургскаго купечества, — оно рѣзко отличается отъ московскаго. Купцовъ съ бородами, особенно богатыхъ, въ Петербургѣ очень мало, и они кажутся рѣшительными колонистами въ этомъ оевропевшемся городѣ; они даже выбрали особенныя улицы своимъ исключительнымъ мѣстомъ жительства: это — Троицкій Переулокъ, улицы, сопредѣльныя Пяти-Угламъ и около старообрядческой церкви. Въ Петербургѣ множество купцовъ изъ Нѣмцевъ, даже Англичанъ, и потому

большая часть даже русскихъ купцовъ смотрятъ не купчинами, а негоціантами, и ихъ не отличить отъ сплошной массы, составляющей петербургское среднее сословіе. Наконецъ, мы дошли до главнаго (по его многочисленности и общности его физіономіи) «петербургскаго сословія». Извѣстно, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько молодыхъ, пожилыхъ и даже старыхъ бездомныхъ людей, какъ въ Петербургѣ, и нигдѣ осѣдлые и семейные такъ не похожи на бездомныхъ, какъ въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи, Петербургъ — антиподъ Москвы. Это рѣзкое различіе объясняется отношеніями, въ которыхъ оба города находятся къ Россіи. Петербургъ — центръ правительства, городъ по-преимуществу административный, бюрократическій и оффиціальный. Едва-ли не цѣлая треть его народонаселенія состоитъ изъ военныхъ, и число штатскихъ чиновниковъ едва-ли еще не превышаетъ собою числа военныхъ офицеровъ. Въ Петербургѣ все служитъ, все хлопочетъ о мѣстѣ, или объ опредѣленіи на службу. Въ Москвѣ вы часто можете слышать вопросъ: «чѣмъ вы занимаетесь?» въ Петербургѣ этотъ вопросъ рѣшительно замѣненъ вопросомъ: «гдѣ вы служите?» Слово «чиновникъ» въ Петербургѣ такое же типическое, какъ въ Мо-

сквѣ «барынъ», «барыня», и т. д. Чиновникъ — это туземецъ, истый гражданинъ Петербурга. Если къ вамъ пришлютъ лакея, мальчика, дѣвочку хоть пяти лѣтъ, каждый изъ этихъ посланныхъ, отыскивая въ домѣ вашу квартиру, будетъ спрашивать у дворника, или и у самого-васъ: «здѣсь ли живетъ *чиновникъ* такой-то? хотя бы вы не имѣли никакого чина и нигдѣ не служили и никогда не намѣревались служить. Такой ужь петербургскій «поровъ»! Петербургскій житель вѣчно болѣетъ лихорадкою дѣятельности; часто онъ въ сущности дѣлаетъ *ничего*, въ отличіе отъ Москвича, который *ничего не дѣлаетъ*, по «ничего» петербургскаго жителя для него самого всегда есть «нѣчто»: покрайней-мѣрѣ, онъ всегда знаетъ, изъ чего хлопочетъ. Москвичи, Богъ ихъ знаетъ, какъ нашли тайну все на свѣтѣ дѣлать такъ, какъ въ Петербургѣ отдыхаютъ, или ничего не дѣлаютъ. Въ самомъ-дѣлѣ, даже визитъ, прогулка, обѣдъ — все это Петербуржецъ исправляетъ съ озабоченнымъ видомъ, какъ-будто боясь опоздать, или потерять дорогое время, и на все это рѣшается онъ не всегда безъ цѣли и безъ разсчета. Въ Москвѣ, даже солидные люди молчатъ только тогда, когда спятъ, а юноши, особенно «подающіе о себѣ большія на-

дежды», говорятъ даже и во снѣ, а потомъ даже иногда печатаютъ, если имъ случится сказать во снѣ что-нибудь хорошее, — чѣмъ и должно объяснять иныя литературныя явленія въ Москвѣ. Петербуржецъ, если онъ человѣкъ солидный, скупъ на слова, если они не ведутъ ни къ какой положительной цѣли. Лицо Москвича открыто, добродушно, беззаботно, весело, привѣтливо; Москвичъ всегда радъ заговорить и заспорить съ вами о чемъ угодно, и въ разговорѣ Москвичъ откровенепъ. Лицо Петербуржца всегда озабочено и пасмурно; Петербуржецъ всегда вѣжливъ, часто даже любезенъ, но какъ-то холодно и осторожно; если разговорится, то о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; серьёзно онъ говоритъ только о службѣ, а спорить и разсуждать ни о чемъ не любитъ. По лицу Москвича видно, что онъ доволенъ людьми и міромъ; по лицу Петербуржца видно, что онъ доволенъ — самимъ-собою, если, разумѣется, дѣла его идутъ хорошо. Отсюда проистекаетъ его тонкая наблюдательность; отъ этого безпрестанно вспыхиваетъ его тонкая иронія: онъ сейчасъ замѣтитъ, если ваши сапоги не хорошо вычищены, или у вашихъ панталонъ оборвалась штрипка, а у жилета виситъ готовая оборваться пуговка, замѣ-

титъ — и улыбнется лукаво, самодовольно... Въ этой улыбкѣ, впрочемъ, и состоитъ вся его иронія. Москвичъ снисходителенъ ко всякому туалету и незамѣчателенъ вообще во всемъ, что̀ касается до наружности. Прежде всего, онъ требуетъ, чтобъ вы были — или добрый малый, или человѣкъ съ душою и сердцемъ... При первой же встрѣчѣ, онъ съ вами заспоритъ, и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ, или въ которомъ онъ слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ, и который онъ непремѣнно считаетъ за литературную или философскую «партію». Вообще, всякій Москвичъ, къ какому бы званію ни принадлежалъ онъ, вполнѣ доволенъ жизнію, потому-что доволенъ Москвою, и по-своему умѣетъ наслаждаться жизнію, потому-что по-своему онъ живетъ широко, раздольно, на-распашку. Въ чемъ заключается его наслажденіе жизнію — это другой вопросъ. Умные люди давно уже согласились между собою, что крѣпкій сонъ, сильный аппетитъ, здоровый желудокъ, внушающіе уваженіе размѣры брюшныхъ полостей, полное и румяное лицо и, наконецъ, завидная способность быть всегда въ добромъ расположеніи духа, суть

самое прочное основаніе истиннаго счастія въ семъ подлунномъ мірѣ. Москвичи, какъ умные люди, вполнѣ соглашаясь съ этимъ, думаютъ еще, что чѣмъ менѣе человѣкъ о чемъ-нибудь заботится серьёзно, чѣмъ менѣе что-нибудь дѣлаетъ и чѣмъ болѣе обо всемъ говоритъ, тѣмъ онъ счастливѣе. И едва-ли они не правы въ этомъ отношеніи, счастливые мудрецы! За то, одинъ видъ Москвича возбуждаетъ въ васъ аппетитъ и охоту говорить много, горячо, съ убѣжденіемъ, по рѣшительно безъ всякой цѣли и безъ всякаго результата! Не такое дѣйствіе производитъ на душу наблюдателя видъ петербургскаго жителя. Онъ рѣдко бываетъ румянъ, часто бываетъ блѣденъ, но всего чаще его лицо отзывается геморроидальнымъ колоритомъ, свойственнымъ петербургскому небу; и на этомъ лицѣ почти всегда видна бываетъ забота, что-то безпокойное, тревожное и, вмѣстѣ съ этимъ, какое-то довольство самимъ-собою, что-то похожее на непобѣдимое убѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ. Петербургскій житель никогда не ложится спать ранѣе двухъ часовъ ночи, а иногда и совсѣмъ не ложится; но это не мѣшаетъ ему въ девять часовъ утра сидѣть уже за дѣломъ, или быть въ департаментѣ. Послѣ обѣда онъ непремѣнно въ театрѣ, на

вечерѣ, на балѣ, въ концертѣ, въ маскарадѣ, за картами, на гуляньи, смотря по времени года. Онъ успѣваетъ вездѣ, и какъ работаетъ, такъ и наслаждается торопливо, часто поглядывая на часы, какъ-будто боясь, что у него не хватитъ времени. Москвичъ — предобрѣйшій человѣкъ, довѣрчивъ, разговорчивъ и особенно наклоненъ къ дружбѣ. Петербуржецъ, напротивъ, не говорливъ, на другихъ смотритъ съ недовѣрчивостію и съ чувствомъ собственнаго достоинства: ему какъ-будто все кажется, что онъ или занятъ дѣловыми бумагами, или играетъ въ преферансъ, а извѣстно, что важныя занятія требуютъ вниманія и молчаливости. Петербуржецъ рѣзко отличается отъ Москвича даже въ способѣ наслаждаться: въ столѣ и винахъ онъ ищетъ утонченнаго гастрономическаго изящества, а не излишества, не разливаннаго моря. Въ обществѣ, онъ рѣшится лучше скучать, нежели, предавшись обаянію живаго разговора, манкировать передъ чинностію и церемонностію, въ которыхъ онъ привыкъ видѣть приличіе и хорошій тонъ. Исключеніе остается за холостыми пирушками: русскій человѣкъ *кутитъ* одинаково во всѣхъ концахъ Россіи, и въ его *кутежѣ* всегда равно проглядываетъ какое-то степное раздолье, напоминающее древне-новгородскіе нравы.

Въ Москвѣ нѣтъ чиновниковъ. Порядочные люди въ Москвѣ, къ чести ихъ, внѣ мѣста своей службы, умѣютъ быть просто людьми, такъ-что и не догадаешься, что они служатъ. Низшій классъ бюрократіи тамъ слыветъ еще подъ именемъ «приказныхъ», и мало замѣтенъ, разумѣется, для тѣхъ, кто не имѣетъ до нихъ дѣла, и за то, разумѣется, тѣмъ замѣтнѣе для тѣхъ, кому есть до нихъ нужда. Военныхъ въ Москвѣ мало; притомъ, многіе изъ нихъ являются туда на время, въ отпускъ. Словомъ, въ Москвѣ почти не замѣтно ничего оффиціальнаго, и петербургскій чиновникъ въ Москвѣ есть такое же странное и удивительное явленіе, какъ московскій мыслитель въ Петербургѣ. Хотя Москвичъ вообще оригинальнѣе и какъ-будто самобытнѣе Петербуржца, однако тѣмъ не менѣе онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить. Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, — тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку...

Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала, кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, — и вы остаетесь, можетъ-быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ *дѣльнаго* (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины; потому-что счастіе глупца есть ложь, тогда-какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ...

Для дополненія нашей картины, выпишемъ нѣсколько строкъ о Москвѣ и Петербургѣ изъ одной старой статьи, которая такъ хороша, что въ ней многое осталось новымъ и по прошествіи семи лѣтъ (*).

«Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на-завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣ-

(*) *Современникъ*, 1837, т. VI, стр. 403.

тится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ — мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; за то Москва требуетъ, если ужь пошло на моду, чтобъ во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе: если отвороты фрака велики, то у ней какъ сарайныя двери. Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный Нѣмецъ, на все глядитъ съ разсчетомъ, и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ, и если ужь веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ; она не любитъ середины. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большею частію на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу, или въ «должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымается съ постели

раньше втораго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ въ своемъ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается на-легкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изрядным капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и покупать; — въ Петербургъ ѣдетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва — кладовая: она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ; Москва говоритъ: «коли нужно покупщику, сыщетъ». Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «ренскимъ погребомъ» и ставитъ извощичью биржу въ самыя двери вашего дома; Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь. Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостиный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣ-

тишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фраковъ безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ: Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ-будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна; даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи.»

Мы выпустили нѣсколько строкъ изъ этого отрывка, потому-что онѣ уже устарѣли и безъ комментарій не годятся. Кромѣ этого, нельзя оставить безъ замѣчанія фразы: «Москва нужна Россіи; для Петербурга нужна Россія». Эта фраза болѣе остроумна, чѣмъ справедлива. Петербургъ такъ же нуженъ Россіи, какъ и Москва, а Россія-такъ же нужна для Москвы, какъ и для Петербурга. Нельзя отнять важнаго значенія у Москвы, хотя и нельзя еще сказать, въ чемъ именно оно состоитъ. Значеніе самаго Петербурга яснѣе пока à priori, чѣмъ à posteriori. Это отъ-того, что мы все еще находимся въ

настоящемъ моментѣ нашей исторіи; наше прошедшее такъ еще невелико, что по немъ мы можемъ только догадываться о будущемъ, а не говорить о немъ утвердительно. Мы все еще въ переходномъ положеніи. По-этому, мудрено схватить вѣрно и опредѣленно характеристику обоихъ городовъ. Говоря о томъ, что̀ они теперь, все надо думать, чѣмъ они могутъ сдѣлаться въ будущемъ. Можетъ-быть, назначеніе Москвы состоитъ въ удержаніи національнаго начала (сущности котораго, какъ сущности многихъ вещей міра сего, пока нѣтъ возможности опредѣлить) и въ противоборствѣ иноземному вліянію, которое могло бы оставаться рѣшительно внѣшнимъ, а потому и безплоднымъ, еслибъ не встрѣчало на своемъ пути національнаго элемента и не боролось съ нимъ. Все живое есть результатъ борьбы; все, что̀ является и утверждается безъ борьбы, все то мертво. Не смотря на видимую падкость Москвы до новыхъ мнѣній, или, пожалуй, и до новыхъ идей, — она, моя матушка, до-сихъ-поръ живетъ все по-старому и не тужитъ. Съ этими идеями она обращается какъ-то по-нѣмецки: идеи у ней сами-по-себѣ, а жизнь сама-по-себѣ. Ясно, что въ ней есть свое собственное *консервативное* начало, которое только уступаетъ, и то понемногу

и медленно, новизнѣ, но не покоряется ей. И представитель этой новизны есть Петербургъ, и въ этомъ его великое значеніе для Россіи. Петербургъ не заносится идеями; онъ человѣкъ положительный и разсудительный. Своего байковаго сюртука онъ никогда не назоветъ римскою тогою; онъ лучше будетъ играть въ преферансъ, нежели хлопотать о невозможномъ; его не удивишь ни теоріями, ни умозрѣніями, а мечты онъ терпѣть не можетъ; стоять на болотѣ ему несовсѣмъ пріятно, но все-таки лучше, чѣмъ держаться, безъ всякихъ подпоръ, на воздухѣ. Его законъ — нудящая сила обстоятельствъ, и онъ готовъ сдѣлаться чѣмъ угодно, если это угодно будетъ обстоятельствамъ. По-этому, его мудрено опредѣлить на основаніи того, чѣмъ онъ былъ и что̀ онъ есть. Ни одинъ Петербуржецъ не лѣзетъ въ геніи и не мечтаетъ передѣлывать дѣйствительности: онъ слишкомъ хорошо ее знаетъ, чтобъ не смиряться передъ ея силою. Геніи родятся сотнями только тамъ, гдѣ, въ-слѣдствіе обстоятельствъ, царствуетъ полное невѣдѣніе того, что̀ называется дѣйствительностію, гдѣ каждый собою мѣряетъ весь міръ и мечты своей праздношатающейся фантазіи принимаетъ за несомнѣнные факты исторіи и современной дѣйствительно-

сти. Въ Петербургѣ, каждый является на своемъ мѣстѣ и самимъ-собою, потому-что, еслибы въ немъ кто-нибудь объявилъ притязанія быть лучше и выше двугихъ, ему сказали бы: «а ну-те, попробуйте!» Словомъ, Петербургъ не вѣритъ, а требуетъ дѣла. Въ немъ каждый стремится къ своей цѣли, и какова бы ни была его цѣль, Петербурженъ ее достигаетъ. Это имѣетъ свою пользу, и притомъ большую: какова бы ни была дѣятельность, но привычка и пріобрѣтаемое черезъ нее умѣнье дѣйствовать — великое дѣло. Кто не сидѣлъ сложа руки и тогда, какъ нѣчего было дѣлать, тотъ съумѣетъ дѣйствовать, когда настанетъ для этого время. Городъ — не то, что человѣкъ; для него и сто лѣтъ не Богъ знаетъ какое время. Короче: мы думаемъ, что Петербургу назначено всегда трудиться и дѣлать, такъ же какъ Москвѣ подготовлять дѣлателей. Это видно и теперь: сколько молодыхъ людей, окончившихъ въ Московскомъ Университетѣ курсъ наукъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ на службу! Въ-слѣдствіе вліянія Московскаго Университета и въ-слѣдствіе тихаго, *провинціяльнаго* положенія Москвы, въ ней, говоря вообще, читаютъ не больше, чѣмъ въ Петербургѣ, но въ дѣлѣ вопросовъ науки, искусства, литературы, Москвичи обнаруживаютъ

больше простора, знанія, вкуса, такта, образованности, чѣмъ большинство петербургской читающей и разсуждающей публики. Въ-слѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, въ Москвѣ больше, чѣмъ въ Петербургѣ, молодыхъ людей, способныхъ къ дѣлу; но дѣлаютъ что-нибудь они опять-таки только въ Петербургѣ, а въ Москвѣ только говорятъ о томъ, что̀ бы и ка̀къ бы они дѣлали, если бы стали что-нибудь дѣлать.

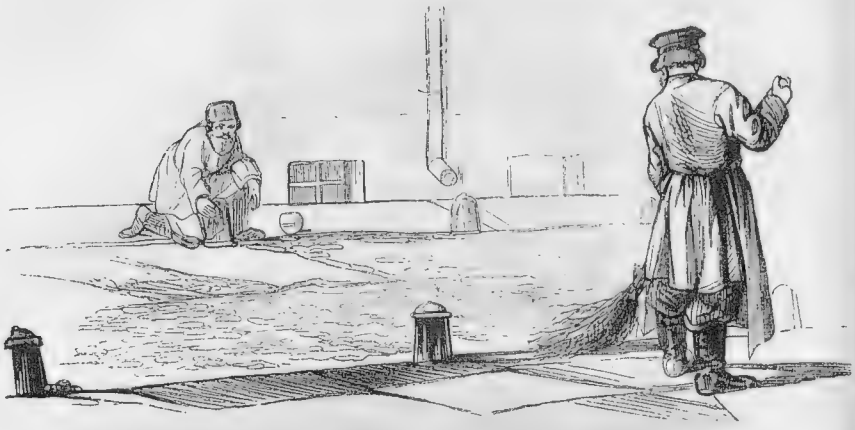
В. БѢЛИНСКІЙ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ДВОРНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ.

А дворѣ погода какая-то средняя, то-есть, люди заѣзжіе полагаютъ, что она дурна; коренные жители находятъ, что она довольно-сносна, и надѣются, что къ вечеру еще проведрится, — а каретные извощики ею вполнѣ довольны: ѣзды въ крытыхъ экипажахъ больше.

Одинъ дворникъ мететъ плитнякъ, другой, насупротивъ, на общую пользу салоповъ и шинелей пѣшеходовъ, лакируетъ чугунные надолбы постнымъ масломъ съ сажей.



— Никакъ, Иванъ, у тебя масло-то невареное? сказалъ тотъ, что̀ съ метлой.

— А что?

— Да такъ, что-то не слыхать его черезъ улицу; а то, бывало, таки переноситъ отъ тебя къ намъ.

— И то сырое. Тутъ не до варки, а вымазать бы только, чтобъ не потянули опять.

Чиновники идутъ средней побѣжкой между иноходи и рыси, такъ-называемымъ у барышниковъ перебоемъ; первый дворникъ мететъ размашисто всѣхъ ихъ сряду по ногамъ. Они по-очередно подпрыгиваютъ черезъ метлу; одинъ, однакоже, миновавъ опасность, останавливается и бранится.

Дворникъ продолжаетъ свое дѣло, будто не слышитъ, и ворчитъ послѣ про себя, но такъ, что черезъ улицу слышно: а обойдти не хочешь? нешто глазъ во лбу нѣту? Другой дворникъ, для котораго собственно острое словцо это было пущено, смѣется и, выпрямившись, засучиваетъ нѣсколько рукава, шаркнувъ себя локтемъ по боку, передаетъ черную масляную ветошку, для отдыха, изъ правой руки въ лѣвую, а освободившеюся рукою почесываетъ голову.

Порядочно-одѣтый человѣкъ останавливается у воротъ дома, смотритъ на надпись и, оглядываясь, говоритъ: «эй, любезный, гдѣ здѣшній дворникъ?»

Григорій молчитъ, будто не слышитъ; тотъ повторяетъ вопросъ свой по-громче и по-настойчивѣе.

— Тамъ, спросите во дворѣ.

Господинъ уходитъ подъ ворота; второй дворникъ, Иванъ, смѣется. — Ты что жь не отозвался?

— Много ихъ ходитъ тутъ! отвѣчаетъ первый и продолжаетъ мести.

Въ это время, извощикъ, на выѣздахъ, проѣзжаетъ шагомъ, — дремля бочкомъ на дрожкахъ; лошадь разбитая, дрожки ободранныя, кожа между крыльями прорвана, изъ-подъ подушки кругомъ торчитъ сѣно; гайка сваливается съ колеса.

Дворникъ съ метлой глядитъ нѣсколько времени въ-слѣдъ за извощикомъ, потомъ выходитъ на средину улицы, подымаетъ гайку и кладетъ ее въ карманъ. Колесо съ дрожекъ соскочило, извощикъ чуть не клюнулся носомъ въ мостовую, соскакиваетъ, останавливая лошадь, оглядывается кругомъ и бѣжитъ назадъ. Увидавъ дворника на пути со

средины улицы къ плитняку, обращается къ нему: «ты, что̀ ли, поднялъ, дядя?»

— Кого поднялъ?

— Да гайку-ту; отдай, пожалуйста!

— А ты видѣлъ, что ли?

— Да чего видѣлъ? отдай, пожалуйста!

— Отдай! что̀ я тебѣ отдамъ? ты бы сперва двугривенный посулилъ, а тамъ бы говорилъ отдай.

Споръ становится по-немногу жарче; извощикъ сперва проситъ, тамъ божится, что у него нѣтъ ни пятака, что онъ только-вотъ выѣхалъ; потомъ пошла брань и крикъ, въ которомъ, кромѣ обычныхъ привѣтствій, слышно только съ одной стороны: «отдай, я тебѣ говорю, отдай!» а съ другой: «что̀ я тебѣ отдамъ? да ты видалъ что̀ ли?» Съ этимъ воинственнымъ крикомъ непріятели другъ на друга наступаютъ: дворникъ Иванъ, съ помазкомъ въ рукѣ, пользуется пріятнымъ зрѣлищемъ, и улыбаясь отдыхаетъ отъ трудовъ; народъ начинаетъ собираться, образуя кружокъ. Какой-то дюжій парень также останавливается, и узнавъ, въ чемъ дѣло, говоритъ извощику: — да ты что̀ горло деретъ, толкуешь съ нимъ, съ собакой? ты въ рыло его, а я поддамъ по затылку. И едва это было сказано, какъ и тотъ и другой, будто по командѣ, въ

одинъ темпъ, исполнили на дѣлѣ это дѣльное увѣщаніе.

Народъ кругомъ захохоталъ. А оглушенный неожиданнымъ убѣжденіемъ строптивый Гришка, потряхнувъ слегка головой, досталъ гайку изъ кармана шароваръ и отдалъ извощику съ совѣтомъ: не терять ее въ другой разъ, а то-де ину-пору и не воротишь; иной и не отдастъ; а за нее въ кузницѣ надо заплатить цѣлковый, да еще накланяешься, да напросишься: вашего брата тамъ много!

Зрители, натѣшившись этимъ позорищемъ, разошлись своимъ путемъ, оглядываясь по-временамъ назадъ; извощикъ надѣлъ колесо, навернулъ гайку и во все это время бранился. Дворникъ Григорій принялся опять за метлу и ограничился повторе-

ніемъ того же дружескаго совѣта. Дворникъ Иванъ подшучивалъ, смѣючись слегка надъ товарищемъ: «извощику-то ты что жь такъ спустилъ! Эка, здоровъ кистень у парня-то?»

Въ это время господинъ, проискавъ дворника по пустякамъ во дворѣ, вышелъ опять изъ-подъ воротъ и обратился къ нашему пріятелю довольно-настойчиво: — Да ты, что-ли, здѣшній дворникъ, эй!

— А вамъ кого надо?

— Титулярнаго совѣтника Былова.

— На лѣвую руку подъ ворота, въ самый вверхъ, двери на лѣвой рукѣ.

— Такъ что жь ты не сказалъ мнѣ давича, какъ я спрашивалъ тебя? вѣдь ты дворникъ здѣшній?

— Дворникъ! мало ли дворниковъ бываетъ! у другихъ, у хорошихъ хозяевъ, человѣка по три живетъ; это нашъ только вотъ на одномъ выѣзжаетъ.

Посѣтитель долженъ былъ принять эту логику особаго разбора за отвѣтъ, пожалъ плечами и пошелъ по указанію.

По ту сторону улицы проходятъ двѣ барыни; у одной изъ нихъ на рукахъ какая-то шавка; барыня ее усердно лижетъ и цалуетъ.

— Вотъ, сказалъ веселый дворникъ Иванъ: барыни-тѣ дѣтей своихъ пѣстовать не хотятъ, а со щенятами пяньчатся!

Обѣ барыни оглянулись на веселаго дворника и посмотрѣли на него такими глазами, будто онъ сказалъ непростительную дерзость.

Между-тѣмъ, изъ дома дворника съ метлой выскочила чумичка, сложивъ руки подъ сальнымъ ситцевымъ передникомъ, который она сшила на свой счетъ, обидѣвшись тѣмъ, что барыня вздумала подарить ей для кухни пару тиковыхъ или холстин-

ныхъ передниковъ. — Григорій! начала она кричать: — ахъ, ты, Господи, воля твоя, какой народъ! Григорій, да что жь ты, не принесешь что ли сегодня воды?

— Поспѣешь! что тороплива больно!

— Поспѣешь! ахъ, ты, Боже мой! Барыня бранится, въ третій разъ гоняетъ меня; я по цѣлому дому бѣгала — нѣтъ какъ нѣтъ; а онъ вотъ еще тутъ прохлаждается, словно Христа-ради воду носитъ намъ; право! — Да иди, что ли, принеси!

— Принеси? Тутъ вотъ любое, либо по воду иди, либо улицу мети; а какъ надзиратель пойдетъ, — такъ вотъ и будемъ мы съ тобой у праздника.

— У праздника? Да мнѣ что за праздники! тамъ вы-себѣ пожалуй празднуйте, а ты воды принеси!

Григорій поворачивается медвѣдемъ и отправляется къ воротамъ; чумичка, побѣдивъ краснорѣчіемъ своимъ упорство его, убѣгаетъ проворно подъ ворота; онъ сильнымъ взмахомъ кидаетъ вслѣдъ за нею метлу, а Иванъ кричитъ, повысивъ голосъ: «Эхъ! ушла, полубарыня! а такъ-вотъ чуть чуть не огрѣлъ ее! Больно тонко прохаживаться изволите!» примолвилъ онъ, намекая на босыя ея ноги — «чулки отморозите, сударыня!»

Въ промежуткѣ этихъ забавъ, однакожь, Иванъ и Григорій сдѣлали также свое дѣло, потому-что за нихъ никто не работалъ. До свѣту встань, дворъ убери, подъ воротами вымети, воды семей на десятокъ натаскай, дровъ въ четвертый этажъ, за полтинникъ на мѣсяцъ, принеси. И Григорій взвалитъ-бывало цѣлую полѣнницу на плечи, все хочется покончить за одинъ пріемъ, а веревку — подложивъ шапку — вытянетъ прямо черезъ лобъ, и послѣ только потретъ его, бывало, рукой.

Тамъ плитнякъ выскреби, да вымети, да посыпь пескомъ — улицу вымети, соръ убери; у колоды, гдѣ стоятъ извощики, также все прибери и спеси на дворъ; за назёмъ этотъ колонисты платили, впрочемъ, охотно Григорію по рублю съ воза: вишь,

Нѣмцамъ этимъ все нужно. Тутъ, глядишь — опять дождь, либо снѣгъ, опять мети троттуары — и такъ день-за-день. Во все это время, и домъ стереги, и въ Часть сбѣгай съ запиской о новомъ постояльцѣ; на ночь, ляжешь, не ляжешь, а не больно засынайся: колокольчикъ подъ самой головой, и уйдти отъ него нѣкуда, хоть бы и захотѣлъ, потому-что и все-то жильё въ подворотномъ подвалѣ едва помѣщаетъ въ себѣ огромную печь. Сойдите ступеней шесть, остановитесь и раздуйте вокругъ себя густой воздухъ и какіе-то облачные пары; если васъ не ошибетъ на третьей ступени обморокъ отъ какого-то прокислаго и прогорклаго чада, то вы, всмотрѣвшись по-маленьку въ предметы, среди вѣчныхъ сумерекъ этого подвала, увидите, кромѣ угрюмой дебелой печки, еще лавку, которая безногимъ концомъ своимъ лежитъ на бочешкѣ; столъ, въ которомъ ножки вышли на цѣлый вершокъ посверхъ столешницы; а между печью и стѣною — кровать, которая вела самую превратную жизнь: она дремала только днемъ, какъ дремлетъ искра подъ пепломъ — ночью же оживала вся, питаясь тучностью нашего дюжаго дворника. Онъ былъ независтливъ, и говаривалъ, что-де не обидно никому. Замѣчательно, что домашняя скотинка эта пріучена была къ

колокольчику, какъ саженая рыба, только въ обратномъ смыслѣ: она разбѣгалась мгновенно, когда зловѣщій колокольчикъ раздавался надъ головою спящаго Григорія, и терпѣливо ожидала возвращенія его, и смѣло опять выступала мгновенно въ походъ, лишь-только онъ ложился, натянувъ одну полу тулупа себѣ черезъ голову. Подлѣ печи три коротенькія полочки, а на нихъ двѣ деревянныя чашки и одна глиняная, ложки, зельцерскій кувшинъ, штофчикъ, полуштофчикъ, графинчикъ, какая-то мутная, порожняя стклянка, и фарфоровая золоченая чашка, съ графской короной. Подъ лавкой бурозеленоватый самоваръ о трехъ ножкахъ, двѣ битыя бутылки съ ворванью и сажей, для смазки надолбъ, и, вѣроятно, ради пріятнаго, сытнаго запаха, куча обгорѣлыхъ плошекъ. Горшковъ не водится въ хозяйствѣ Григорія, а два чугунчика, для щей и каши, постоянно проживаютъ въ печи, или по-крайней-мѣрѣ съ шестка не сходятъ. Мыть ихъ; хотя повременамъ, Григорій считалъ совершенно-излишнимъ, убѣдившись на опытѣ, что сколько-де ихъ ни мой, они все черны (*). Тулупъ и кафтанъ ви-

(*) Впрочемъ, Григорій увѣрялъ меня однажды, что мостъ всю посуду свою каждогодно — въ понедѣльникъ на великій

сятъ надъ лавкой, у самаго стола, такимъ образомъ, чтобъ Григорій, во время обѣда съ товарищами, могъ доставить и себѣ, и имъ удовольствіе тереться о платье головою. Въ углу образа, вокругъ вербочки, въ кіотѣ сбереженное отъ Святой яичко и кусочекъ кулича, чтобъ разговѣться на тотъ годъ; подъ кіотомъ бутылка съ богоявленской водой и пара фарфоровыхъ яичекъ. Объ утиральникѣ, который виситъ подъ зеркальцемъ въ углу, подлѣ полокъ, рядомъ съ Платовымъ и Блюхеромъ, надо также упомянуть — хоть бы потому, что онъ съ алыми шитками; утиральникъ этотъ ушитанъ и умащенъ разнородною смѣсью всякой-всячины до сыта, до самаго нельзя, и проживетъ, вѣроятно, въ этомъ видѣ еще очень-долго, потому-что мыши не могутъ его достать съ гвоздя, а собакъ Григорій нашъ не держитъ; но онъ именно испыталъ однажды на своемъ вѣку, что голодная собака унесла тайкомъ такой съѣдомый утиральникъ, который и пропалъ бы, вѣроятно, безъ вѣсти, если бъ собака эта не погрызлась изъ-за лакомаго куска съ другимъ псомъ; ссора эта обратила вниманіе нашего двор-

---

постъ; но не для чистоты, а ради грѣха, какъ самъ онъ выражался.

ника на спорную добычу, которая и не досталась ни одной изъ тяжущихся сторонъ, а была у нихъ отбита. Григорій пнулъ еще ногою одного пса, встряхнулъ раза два утиральникъ и повѣсилъ его на свое мѣсто. Онъ въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ порядокъ.

Отъ-чего же, — спрóсите вы, дворъ и улица были всегда такъ чисты у Григорія, когда конура его не могла похвалиться хозяиномъ слишкомъ – чистоплотнымъ? Ну, этой внѣшней чистотѣ виноватъ былъ не Григорій, а неспускавшій съ него глазъ надзиратель. Вотъ почему дворнику нашему чистота и надоѣла до такой степени и опостыла; онъ все это вымещалъ на своемъ подвàлѣ, который былъ у него въ полномъ распоряженіи, и тутъ

только Григорій дышалъ свободно, наслаждаясь мягкою, сальною наружностью всѣхъ предметовъ своего маленькаго хозяйства, упиваясь благовоніемъ, пресыщаясь питательною густотою доморощеной атмосферы.

На другое утро, Иванъ да Григорій опять поздоровались черезъ улицу съ метлами въ рукахъ.

— Что ты? аль неможешь?

— Нѣтъ, что-то плохо; черезъ силу хожу — такъ и подводитъ животы.

— А ты бы на тощакъ квасу съ огурцами поѣлъ, посоливши хорошенько.

— Нѣтъ, я ужь вотъ золы съ солью выпилъ; авось отпуститъ.

Но, видно, отъ золы съ солью не совсѣмъ отпустило; Григорій пошелъ къ лекарю своему, къ лавочнику, и просилъ помощи. Тотъ долго не разспрашивалъ, а узнавъ главнѣйшія обстоятельства, положилъ Григорія у себя на печь, велѣвъ ему лечь плотнѣе животомъ на горячій ржаной хлѣбъ; накрылъ больнаго тулупомъ, далъ ему выпить чего-то горячаго, и къ обѣду поставилъ его на ноги. Григорій поблагодарилъ своего лекаря, и разсудилъ, что не худо послѣ этого поберечься и до-

вольствоваться въ этотъ день легкимъ постнымъ столомъ, то-есть: квашеной капустой, огурцами, тухлой рыбой и фонарнымъ масломъ.

Григорій любитъ иногда покричать, любитъ подчасъ и нагрубить; но также охотно смиряется, довольствуясь тѣмъ, чтобъ, отвернувшись, поворчать, а за глаза и побранить. Сто разъ говорилъ онъ уже черезъ улицу Ивану, что послѣдній день живетъ у этого хозяина, отойдетъ завтра же непремѣнно, — а на утро опять выходилъ на службу съ метлой, съ лопатой, съ ведрами. Хозяинъ былъ имъ доволенъ, въ-особенности за честность и строгій присмотръ: Григорій узнавалъ подозрительныхъ посѣтителей чутьемъ, по первому взгляду, и выпроваживалъ ихъ обыкновенно тѣмъ, что начиналъ придираться вопросами о томъ, къ кому и зачѣмъ идешь, а потомъ спросами о паспортѣ и мѣстѣ жительства. О такихъ предметахъ, какъ Григорій зналъ по давнишнему опыту и навыку, люди этого разбора бесѣдуютъ очень-неохотно, и потому, обыкновенно, не затягивая разговора, удалялись на поиски въ иное мѣсто. Иногда Григорій, встрѣтивъ въ воротахъ человѣка съ полуобритой бородой, въ засаленномъ цвѣтномъ бумажномъ платкѣ и въ изорванной шинелишкѣ, пускался немедленно въ откровенныя съ

нимъ объясненія, увѣряя его, что здѣсь-де, братъ, нѣтъ тебѣ поживы никакой, право, нѣтъ, ступай съ Богомъ. А поймавъ у себя въ домѣ подобнаго человѣка, онъ во избѣжаніе, по его мнѣнію, лишнихъ хлопотъ, потаскавъ незваного гостя за чубъ, выпроваживалъ его въ-зашей. Веселый дворникъ Иванъ тѣшился въ такихъ случаяхъ иначе: онъ заставлялъ вора лѣзть въ тѣсную подворотню, и погонялъ его сзади съ разными поговорками метлой.

Но если какой-нибудь счастливый находчикъ проносилъ подъ-мышкой попавшееся ему гдѣ-нибудь платье, то Григорій съ преспокойною совѣстью торговалъ и нерѣдко покупалъ вещь, коли ее отдавали за безцѣнокъ и она годилась ему въ передѣлку. «А мнѣ что» говаривалъ онъ: «я почемъ знаю? Нѣшто я укралъ? Украдено, такъ не у насъ.»

Въ праздникъ, Григорій любилъ одѣваться кучеромъ, лѣтомъ въ плисовый поддѣвокъ, зимой въ щегольское полукафтанье и плисовые шаровары, а тулупъ накидывалъ на плечи. У него была и шелковая низенькая, развалистая шляпа. Такъ онъ снижевалъ нерѣдко за воротами, сложа руки, насвистывая сквозь зубы, или лакомясь мочонымъ горохомъ, который доставалъ изъ краснаго, какъ жаръ, платка. Такіе платки нынѣ въ рѣдкость; они назывались «бубновыми», и бѣлые бубны, вытравленные по алому полю какой-нибудь кислотой, вскорѣ обращались просто въ дырочки, что̀ и подавало Григорію поводъ подбирать по-временамъ горошины съ земли, обдувать ихъ и съѣдать по-одиначкѣ. Иванъ, сидя рядомъ, или насупротивъ, предпочиталъ кочерыжки, а если ихъ не было, рѣпу. Вкусы того и другаго мирились лѣтомъ надъ недозрѣлымъ зеленымъ и жесткимъ крыжовникомъ, не крупнѣе гороха, и оба дворника запасались тогда почти-ежедневно двумя или тремя помадными банками этого лакомства, которое носила по улицѣ уродливая, пирогомъ повязанная старуха, вскрикивая пѣтухомъ: «крыжовникъ спѣла-ай! крыжовникъ садовай, махровай», и пр. Она не заламывала головы на верхнія окна, а косилась обыкновенно въ под-

вальныя жилья, и за копеечку нагребала помадную башку вѣрхомъ.

Орѣховъ Григорій не терпѣлъ, увѣряя, что грызть орѣхи прилично только дѣвкамъ!

Въ этомъ состоялъ весь праздникъ Григорія; изрѣдка только онъ напивался въ волю, поставивъ напередъ какого-нибудь земляка, на цѣлые сутки, на свое мѣсто. Не припявъ напередъ этой мѣры, онъ не гулялъ никогда. Всегдашняя поговорка его, ко-

гда кто поминалъ праздникъ, была: «Какой нашему брату праздникъ!» Онъ совершенно соглашался съ однимъ мастеровымъ, который даже о Рождествѣ, какъ о праздникѣ, отозвался однажды съ примѣсью философской хандры, сказавъ со вздохомъ: «Что за праздникъ нашему брату! тутъ и всего-то три дня; не успѣешь не то что погулять, а и на съѣзжую попасть». Ну, наперед не угадаешь, братъ, гдѣ будешь, замѣтилъ-было недогадливый Григорій, но мастеровой отвѣчалъ, пожавъ плечами: «Нѣтъ, не берутъ; первые три дня не приказано брать никого». Но годовые праздники, при всей малозначительности своей для Григорія, какъ дни пированья, замѣчательны были для него тѣмъ, что онъ ходилъ по порядку собирать подать со всѣхъ постояльцевъ. И у него, какъ у самого хозяина, квартиры всѣ были расцѣнены по доходу, отъ гривенничка, получаемаго по два раза въ годъ съ прежалкаго и прекислаго переплетчика, проквашеннаго насквозь затхлымъ клейстеромъ, — и до красненькой двухъ квартиръ втораго жилья. Онъ перенялъ у остряка Ивана давать постояльцамъ своимъ прозванія по числу рублей, получаемыхъ отъ нихъ къ Рождеству и къ Святой: «двугривенный переплетчикъ», «трехрублевый чиновникъ» и проч. Этимъ

способомъ, о которомъ слухи доходили иногда до честолюбивыхъ жильцовъ, ему даже удавалось повышать водочный окладъ, и жилецъ поступалъ тогда съ трехрублеваго въ пятирублевый разрядъ. Въ случаѣ перехода новаго жильца, Григорій умѣлъ сообщить ему всегда заблаговременно, до наступленія праздниковъ, свѣдѣніе, сколько получалось обыкновенно отъ его предшественника. Съ жильцовъ безпокойныхъ, которые постоянно возвращались домой по ночамъ, Григорій иногда попастоятельнѣе требовалъ *на чай*, увѣряя, что за ними-де хлопотъ очень-много.

У Григорія былъ еще небольшой промыселъ: онъ занимался въ своемъ кругу оборотишками по небольшому домашнему банку и отдавалъ, за вѣрнымъ поручительствомъ, или подъ заклады, до сотни рублей въ ростъ. Болѣе восьми или десяти со ста въ мѣсяцъ ему рѣдко удавалось взять; а если его попрекали такимъ запросомъ, увѣряя, что изъ казны можно взять за пять или за шесть со ста, то онъ, махнувъ рукой, говорилъ преспокойно: «ну, такъ поди въ казну; а не то вотъ къ графскому каммердинеру: тотъ съ тебя возьметъ по двадцати въ мѣсяцъ, да еще расписку, что залогъ имъ купленъ у тебя, да не дождавшись сроку и продастъ его, коли

хорошій покупатель найдется». Григорій не видалъ тутъ никакого грѣха; я, говоритъ, никого не неволю, никому не напрашиваюсь; мои пятьдесятъ рублей мѣсто не пролежатъ у меня и въ сундукѣ. Что дѣло это надо дѣлать тайкомъ — это онъ очень-хорошо понималъ; но не потому тайкомъ, чтобъ оно было дѣло виноватое, а потому-де, что извѣстно ужь, во всякомъ дѣлѣ надо беречься отъ придирки, да знать его про-себя; тутъ, пожалуй, попадешься за всякую бездѣлицу и во всемъ виновать останешься. Какъ старый дворникъ и уличный петербургскій житель, которому нерѣдко случалось сталкиваться и дружиться съ народомъ всякаго разбора, Григорій былъ не только коротко-знакомъ со всѣми плутнями петербургскихъ мошенниковъ, но понималъ отчасти языкъ ихъ, и молодой сосѣдъ его, Иванъ, бралъ у бывалаго пріятеля своего иногда уроки въ этомъ полезномъ знаніи. «Стырить камлюхъ», т. е. украсть шапку; «перетырить жулилу коньки и грабли», т. е. передать помощнику-мальчишкѣ сапоги и перчатки; «добыть бирку», т. е. пашпортъ; «увести скамейку», т. е. лошадь, — все это понималъ Григорій безъ перевода и однажды больно насмѣшилъ веселаго Ивана, когда они сидѣли въ праздникъ рядкомъ за воротами, упиваясь

чадомъ смердячихъ плошекъ; небольшая шайка проходила въ это время, какъ видно было, отъ разъѣзда театра, и увидѣвъ товарища, поставленнаго для наблюденія за *ширманами* (т. е. за карманами) пѣшеходовъ, встрѣтила его вопросомъ: *что клею?* т. е. много ли промыслилъ? А Григорій отвѣчалъ преспокойно: *бабки, веснухи, да лепень,* т. е. деньги, часы, да платокъ; и мошенники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Григорія, не зная, мазурикъ ли это, т. е. товарищъ ли, или предатель? Иванъ научился также отъ Григорія пугать мошенниковъ и узнавать ихъ въ толпѣ; стоитъ только сказать: «стрема», т. е. берегись! и всякій мазурикъ сейчасъ же кругомъ оглянется.

Отъ-чего же, спросите, Григорій, какъ и всѣ товарищи его, зная и встрѣчая людей этихъ иногда и съ поличнымъ, зная даже нерѣдко, по слухамъ, кто, что и гдѣ укралъ — отъ-чего же онъ не ловилъ ихъ, не доносилъ на нихъ куда слѣдовало, а смотрѣлъ на все это равнодушно, какъ на постороннее для него и безвредное дѣло? Отъ-того, что у него были свои понятія и убѣжденія, свой взглядъ и своя житейская опытность, переходящая съ поколѣнія на поколѣніе. Противу такихъ укоренившихся и воплотившихся доводовъ спорить трудно. Григорій былъ твердо, логически убѣжденъ, что виноватъ тотъ, кто попался, а не тотъ, кто укралъ; что только открытое преступленіе вина, и наконецъ, что всегда виноватъ будетъ тотъ, кто гласно впутается въ такое опасное дѣло. У Григорія была на это сотня нелѣпыхъ примѣровъ въ запасѣ, какъ одинъ будто виноватъ остался за то, что донесъ на вора, а другой за то, что его впутали въ свидѣтели; какъ третьяго затаскали въ распросахъ и показаніяхъ и присудили *за разнорѣчіе* о такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ ровно ничего не зналъ, и сказалъ одинъ разъ, что ничего не знаетъ, а въ другой разъ, что не знаетъ ничего; какъ такого-то взяли и посадили за то, что онъ остановился мимоходомъ и поглядѣлъ на плывущій по водѣ трупъ, или такъ-

называемое «мертвое тѣло»; какъ такого-то записали и осудили прикосновеннымъ къ дѣлу за то, что онъ вздумалъ-было вступиться, когда при немъ хотѣли ограбить человѣка; словомъ, Григорій почиталъ себя человѣкомъ опытнымъ, и, по привычкѣ, судилъ о подобныхъ дѣлахъ весьма-хладнокровно.

Григорій зналъ наизустъ звонъ каждаго изъ жильцовъ. Просыпаясь ночью отъ звона, который мгновенно производилъ такой переворотъ въ жильцахъ или постояльцахъ собственной его квартиры, онъ ворчалъ обыкновенно про себя спросонья: «двугривенный баринъ — ну, не горячись, поспѣешь»; потомъ медленно поворачивался, почесывался, зѣвалъ, накидывалъ свой тулупишко, и взявъ ключи, отправлялся боскомъ по мерзлому снѣгу, попадая путемъ-дорогою правою рукою въ лѣвый рукавъ тулупа; не находилъ спросонья рукава, останавливался еще разъ подъ воротами, проворчавъ: «кой лѣшій, на глухо что̀ ли рукавъ-этъ пришитъ!» потомъ кричалъ вслухъ: «сейчасъ» — а ворчалъ, впрочемъ, не совсѣмъ про себя: «постой, тебѣ говорятъ; надорвешься; замерзъ, что̀ ли тамъ!» Но, растворивъ наконецъ калитку, Григорій обыкновенно дѣлался вѣжливѣе и мягче въ обращеніи своемъ и пропускалъ жильца молча, или даже ино-

гда проговаривалъ, будто нѣхотя, пополамъ съ позѣвкомъ: «извольте-съ». У Ивана была на этотъ счетъ другая замашка: онъ, какъ человѣкъ веселый и живой, не заставлялъ долго дожидаться у воротъ; но если время было уже поздно, то, раскланиваясь съ вошедшимъ, говорилъ только, стоя на морозѣ босикомъ въ одной рубахѣ: «у насъ, сударь, былъ тоже одинъ такой, что̀ все поздно домой приходилъ — да хорошій баринъ, спасибо, вотъ какъ и ваша милость, все бывало на чай даетъ». Замѣтьте: *на чай*, а не на водку; у Ивана былъ землякъ–полотёръ, человѣкъ довольно-тонкаго обращенія, и у него-то Иванъ выучился объясняться нѣсколько–вѣжливѣе.

Остается сказать нѣсколько словъ о семейныхъ, родственныхъ, хозяйственныхъ и вообще домашнихъ отношеніяхъ нашего Григорія.

Плохъ ли онъ былъ, хорошъ ли, честенъ по-*своему*, или по-*нашему*, много ли, мало ли заработывалъ, а кормилъ дома, въ деревнѣ, семью. И онъ, какъ прочіе, разсказывалъ о бытѣ своемъ все одно и то же: «Вишь, пора тяжелая, хлѣба Господь не родитъ, земли у насъ малость — а тутъ подушное, оброкъ, земство... за отца плати, потому-что слѣпъ; ну, за отца все бы еще ничего — а то и за дѣда плати, потому-что и дѣдъ еще живъ, и даже не слѣпъ, а только всю зиму на печи сидитъ, какъ сидѣлъ когда-то Илья Муромецъ; — да еще за двухъ малыхъ ребятъ, за одного покойника, да за одного живаго.

Еще на десятокъ годовъ станетъ Григорія, можетъ-статься и на полтора; тамъ — либо пойдетъ онъ и самъ сядетъ на печь, сбывъ дѣла; либо займется въ деревнѣ торговлей, коли деньги тутъ не пропадутъ въ закладахъ. Пріѣдетъ домой, привезетъ сотни три-четыре — вырубитъ подъ избой продольное окно, подопретъ висячій ставень шестомъ и развѣситъ въ лавочкѣ пучковъ десятокъ лычныхъ и пеньковыхъ веревокъ, обротей, недоуздковъ, да три вѣнка рѣпчатаго лука; поставитъ бочку дегтя, другую меда — онѣ и по пословицѣ

вмѣстѣ живутъ, десятокъ ременныхъ кнутовъ, тесаныхъ дугъ, оглобель, лаптей, пряниковъ, тесемокъ и нѣсколько вязанокъ барашекъ. Вотъ и всѣ припасы и вся торговля; а если вы думаете, что Григорій при такихъ оборотахъ изъ-за хлѣба на квасъ не заработаетъ, такъ ошибаетесь; онъ человѣкъ бывалый: деготь у него будетъ такой нескончаемый, что онъ изъ одной бочки, въ-разницу, двѣ, либо три нацѣдитъ; медъ онъ пластаетъ и размазываетъ такъ мастерски, что коли за чаемъ не высосешь картузной бумаги, на которую наклеитъ онъ четверку, такъ и вкусу этому меду не узнаешь. А веревки, наконецъ... да веревкамъ его конца нѣтъ; онъ мѣряетъ ихъ маховыми саженями, и намахаетъ вамъ ихъ столько, сколько угодно,

вотъ только въ глазахъ рябитъ, какъ пойдетъ разводить руками; дѣло дорожное — взять нѣгдѣ, такъ и берутъ.

Иванъ, я думаю, не пойдетъ въ деревню, а пойдетъ, надумавшись, либо въ кучерà, либо станетъ зимою ледъ колоть, а лѣтомъ яблоками торговать; весной же и осенью перекупать и продавать, что̀ случится, на толкучемъ. Удали его въ дворникахъ тѣсно, а дома скучно; со столичнымъ образованіемъ человѣку въ такой глуши жить тяжело...

В. ЛУГАНСКІЙ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ

ШАРМАНЩИКИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Взгляните на этого человѣка, медленно переступающаго по тротуару; всмотритесь внимательнѣе во всю его фигуру. Разодранный картузъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ вырываются длинные, какъ смоль черные волосы, осѣняя худощавое загорѣвшее лицо, куртка безъ цвѣта и пуговицъ, грязный шарфъ, небрежно обмотанный вокругъ смуглой шеи, холстинные брюки, изувѣченные сапоги и наконецъ огромный органъ, согнувшій фигуру эту въ три погибели, все это составляетъ принадлежность злополучнѣйшаго изъ петербургскихъ ремесленниковъ — шарманщика. — Въ особенности наблюдайте за нимъ на улицѣ: лѣвая рука его съ трудомъ вертитъ мѣдную ручку, прикрѣпленную къ одной

изъ сторонъ органа; звуки то заунывные, то веселые вырываются изъ инструмента, оглашая улицу, между-тѣмъ, какъ взоры хозяина внимательно устремлены на окна домовъ; онъ прислушивается къ ма-

лѣйшему крику, зову, и едва встрѣчаетъ привѣтливый взглядъ, какъ тотчасъ ставитъ свою шарманку и начинаетъ играть лучшую пьесу своего репер-

гуара. Каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ трубъ, позабывъ уваженіе къ человѣческимъ ушамъ, заверещитъ неестественно и нескладно, — посмотрите, какъ старательно завертитъ онъ рукою, думая тѣмъ загладить недостатки пискливаго своего инструмента и не возбудить въ слухѣ вашемъ непріятнаго ощущенія. Форточка отворяется, пятакъ

или грошъ, завернутый въ бумажку, подаетъ къ

ногамъ его въ награду за труды, но часто, весьма-часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ уже давно привыкъ къ такой жизни. — Какая бы на улицѣ ни стояла погода, знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ, съ тою же шарманкою на спинѣ, — и все для того, чтобъ получить мѣдный грошъ, а иногда и «надлежащее распеканье» отъ дворника, присланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка его кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себѣ представить, сколько ужасныхъ чувствъ волнуютъ горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи растрогать большею частію несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для добыванія хлѣба, самое жалкое, самое неопредѣленное есть ремесло шарманщика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копейку, не имѣя въ виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салопѣ, покрытомъ заплатками сверху до низу, продающая на Сѣнной площади вареный картофель, прикрываемый, для со-

храненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣстнымъ способомъ, то есть безъ помощи чего-нибудь постороняго, кромѣ тряпья, составляющаго ея исподнее платье, — приглашая гг. инвалидовъ и мужиковъ: «на картофель, на горячій, служба, служба! на «карто, на карто... кавалеръ, на горячій, на карто, «на карто...» и та даже совершенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба, достаточной величины, чтобы накормить двухъ-трехъ пострѣлятъ мужескаго или женскаго пола, что очень часто трудно бываетъ разобрать, если судить по одной одеждѣ. Шарманщикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пятиэтажнаго дома или подымаясь изъ своего подвала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ ли ему скудный его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ ли онъ столько денегъ, чтобы въ концѣ мѣсяца заплатить за квартиру, — большею частію уголъ, занимаемый имъ у той же торговки картофелемъ, которая за неисправный платежъ будетъ въ правѣ прогнать его со двора. — Вникнувъ хорошенько въ моральную сторону этого человѣка, находишь, что подъ грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало — совѣсть. Онъ могъ бы, какъ другіе бѣдняки, просить подаяніе; что останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ онъ цѣлый день на спинѣ

шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣлые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что же вынуждаетъ его на такіе подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаяніемъ или плутовствомъ безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добродѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далекъ я также отъ мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злополучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что въ шарманщикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни многое достойно вниманія. И если вы со мною согласны, то мнѣ нѣчего и просить васъ читать далѣе: вы это сдѣлаете сами... Я намѣренъ заняться своимъ героемъ со всѣмъ подобающимъ усердіемъ...

II.

РАЗРЯДЫ ШАРМАНЩИКОВЪ.

Трудно опредѣлить происхожденіе слова *шарманщикъ;* тѣмъ болѣе трудно, что оно, кажется, родилось на Руси и обязано жизнію простолюдью. Назвать незнакомое лицо или предметъ безъ основанія, часто даже безъ очевиднаго смысла, хотя подъ-часъ и характеристически-мѣтко, свойственно русскому человѣку, который, какъ вы знаете, «за словомъ въ карманъ не полѣзетъ»; недосугъ ему затрудняться въ причинахъ, почему и какъ, а тутъ же, экспромтомъ, отпуститъ онъ иногда такое, что послѣ думаешь, думаешь и все-таки не придумаешь, почему выразился онъ такъ, а не иначе, назвалъ органъ шарманкой, а не оглоблей, что̀ было бы для него все равно... Еслибъ я принадлежалъ къ

числу почтенныхъ мужей, называющихъ себя корнесловами, — то по поводу происхожденія слова шарманка предложилъ бы вамъ множество остроумныхъ догадокъ. «Всего вѣроятнѣе» сказалъ бы я: — «что первопачальное слово было: «ширман-«ка», и произошло отъ «ширмъ» изъ-за которыхъ «Пучинелла, донынѣ почти-всегдашній спутникъ «шарманщика, звонкимъ своимъ голосомъ призы-«ваетъ зѣвакъ и любопытныхъ. Такое предположеніе» присовокупилъ бы я съ бо́льшею увѣренностію: «тѣмъ болѣе основательно, что первые появившіеся у насъ органы были неразлучны съ кукольною комедіею, существующею съ незапамятныхъ временъ въ Италіи». — Но такъ-какъ и безъ того въ-продолженіе разсказа я не отчаяваюсь вамъ наскучить, то, оставивъ въ покоѣ происхожденіе слова, перехожу къ самому шарманщику. Съ перваго взгляда кажется, что всѣ шарманщики составляютъ одно цѣлое, одинъ классъ уличныхъ промышленниковъ; но въ сущности подлежатъ они безчисленнымъ разрядамъ, рѣзко отдѣляющимся другъ отъ друга, какъ занятіями, такъ и духомъ національности. Шарманщики въ Петербургѣ вообще бываютъ трехъ различныхъ происхожденій: Итальянцы, Нѣмцы и Русскіе. Между ними Итальянцы за-

нимаютъ первое мѣсто. Они неоспоримые основатели промысла, составляющаго у нихъ самобытную отрасль ремесленности, тогда какъ Русскіе и Нѣмцы не болѣе, какъ послѣдователи, которые хватаются за шарманку какъ за якорь спасенія отъ голодной смерти, или по неспособности, чаще по неохотѣ къ другому болѣе дѣльному ремеслу. — Шарманщики рѣдко начинаютъ свое поприще съ инструментомъ, отъ котораго получили названіе; ручной органъ или, какъ принято называть, шарманка, есть уже слѣдствіе улучшеннаго состоянія. — Тюлень, заключенный въ ящикѣ и показываемый толпѣ съ обычнымъ присловьемъ: «посмотрите, господа, на звѣря морскаго», высокій ящикъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ какимъ-то дребезжаніемъ вмѣсто музыки, называемый у шарманщиковъ «фортепьяно англезе», віола съ безконечнымъ скрипомъ и плясомъ хозяина и наконецъ флейта или кларнетъ, — вотъ средства, съ какими впервые дебютируетъ шарманщикъ на своей обширной и богатой разнообразными декораціями сценѣ — на улицахъ. — Послѣ уже, спустя два или три года, достигаетъ онъ счастливѣйшаго дня (если только до того времени не нашелъ другаго средства добывать хлѣбъ), блистающаго на блѣдномъ его горизонтѣ

какъ блудящій огонекъ, — вождѣленнаго и прекраснаго дня, въ который на скопленныя деньги покупаетъ онъ шарманку. — Съ этимъ пріобрѣтеніемъ осуществляетъ онъ всѣ надежды, всѣ мечты, и, взваливъ на спину свое сокровище, думаетъ только о томъ, какъ-бы обратить на себя вниманіе и получить возмездіе за всѣ пропавшіе труды. — То аккомпанируетъ онъ вальсъ Ланнера свистками и трелями, то присоединяетъ къ себѣ двухъ маленькихъ дѣтей, нанятыхъ у бѣдной трубочистихи или прачки, и заставляетъ ихъ выплясывать безсмысленный танецъ своего изобрѣтенія; то, если представляется счастливый случай, мѣняетъ тощую свою шарманку на другую несравненно меньшую, но представляющую почтеннѣйшей публикѣ съ одной стороны презанимательное зрѣлище: Наполеона въ синемъ фракѣ и трехъугольной шляпѣ, вертящагося вокругъ безносыхъ дамъ, съ ногъ до головы облѣпленныхъ фольгою. — Если владѣлецъ этого сокровища Итальянецъ, то онъ непремѣнно вступитъ съ вами въ разговоръ и, объясняя значеніе каждой куклы порознь, не утерпитъ, чтобъ не выбранить хорошенько Наполеона и Богъ вѣсть почему кружащихся съ нимъ австрійскихъ дамъ. Если ему снова случается накопить нѣсколько денегъ, желанія его

простираются тогда еще далѣе: онъ покупаетъ высокій органъ съ блестящими жестяными трубами, мѣдными бляхами, золотыми кистями, горделиво качающійся на зеленой тележкѣ, везомой бурою клячею. И дѣйствительно, такое пріобрѣтеніе достойно всѣхъ пожертвованій: во-первыхъ, органъ не приходится носить, слѣдовательно, менѣе труда; во-вторыхъ, его можно возить по дачамъ, гдѣ, какъ извѣстно, люди какъ-то добрѣе, самые солидные отцы семейства наклоннѣе къ невиннымъ буколическимъ удовольствіямъ, пріѣхавшіе гулять особенно расположены тратить деньги, а главное — много дѣтей, которыя вообще большіе любители кукольной комедіи и шарманки; все это имѣетъ значительно-благодѣтельное вліяніе на доходъ шарманщика, въ особенности если онъ обладаетъ умѣньемъ занять хорошую позицію и задать серенаду кстати. — Не всѣмъ, однако, улыбается фортуна; есть бѣдняки, до глубокой старости осужденные наигрывать одну и ту же арію на кларнетѣ, или выплясывать трепака по уличному паркету, устланному булыжникомъ, аккомпанируя себѣ віолою.

Впрочемъ, такъ начинаютъ карьеру свою одни только «мѣщане» этого класса промышленниковъ; «аристократія» вступаетъ на нее съ бо́льшею важ-

постію, съ бо̀льшимъ достоинствомъ. — Шарманщики-аристократы рѣдко ходятъ по одиначкѣ, но большею частію компаніею; одинъ несетъ богатую шарманку, увѣшанную бубенчиками, другой обезьяну въ гусарскомъ платьѣ и тирольской шляпѣ, третій ширмы и ящикъ, наполненный куклами, одѣтыми въ разноцвѣтное тряпье, испещренное блестками; шествіе закрываетъ старый осѣдланный пудель, служащій гусару въ тирольской шляпѣ вмѣсто лошади. Другіе блуждаютъ цѣлымъ оркестромъ; третьи присоединяютъ къ себѣ гаера, который на дирявомъ коврѣ дѣлаетъ salte mortale при завываніи шарманки; романсы съ акомпаньеманомъ арфы, ученыя собаки, двѣ или три скрипки и кларнетъ, разъигрывающіе вѣчно одинъ и тотъ же галопъ,—все это показываетъ уже нѣкоторымъ образомъ зажиточность хозяевъ и высоко ставитъ ихъ надъ многочисленнымъ классомъ «мѣщанства». Впрочемъ, и здѣсь, какъ всюду, разница сглаживается деньгами. Скромною жизнію, шарманщику-мѣщанину случается накопить маленькую сумму и тогда «аристократія» (живущая несравненно богаче, семействомъ, и если впадающая иногда въ крайнюю нищету, то единственно по духу спекуляціи, чрезвычайно, какъ увидимъ ниже, въ ней развитому)

спускается съ своихъ подмостокъ и, какъ-бы движимая добрымъ чувствомъ, сближается съ прежнимъ отверженцемъ, принимаетъ его въ компанію, или, если денегъ у него окажется болѣе, чѣмъ предполагалось, привязываетъ его къ себѣ и еще прочнѣйшими узами — узами родства. Нужно замѣтить, что деньги единственное условіе сближенія между двумя этими разрядами, вѣчно-враждующими...

III.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

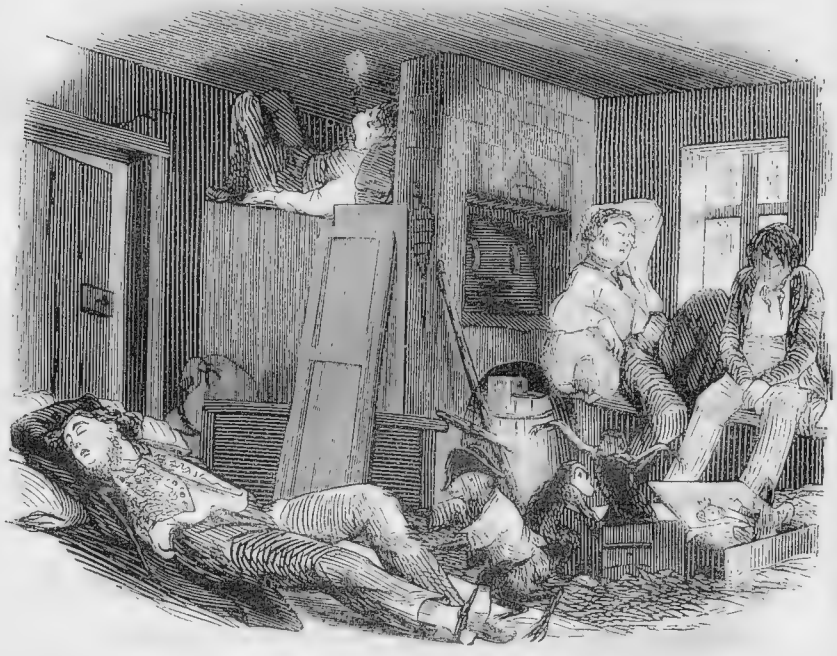
Происхожденіе ихъ чрезвычайно темно; большею частію получаютъ они жизнь подъ деревянною полуразвалившеюся кровлею хижины, живописно расположенной въ Апеннинскихъ Горахъ, переименованныхъ ими въ monte Pegpi. Родители ихъ—полунищіе горцы, исполняющіе, за недостаткомъ земли, или по сродной всѣмъ Итальянцамъ лѣности, скромную должность пастуховъ. Неимѣя достаточно хлѣба, чтобъ кормить часто многочисленное семейство, они отдаютъ дѣтей своихъ старому шарманщику, возвращемуся на родину и вынужден-

ному спустя нѣсколько времени снова приняться за шарманку и блуждать по бѣлому свѣту. Такимъ образомъ, мальчикъ покидаетъ родной кровъ, отца, мать и, ввѣрившись судьбѣ, спускается съ своихъ горъ, надѣясь когда нибудь увидѣть ихъ снова. Швейцарія, Тироль, Франція, Германія — вездѣ наигрываетъ онъ пять или шесть пѣсень, составляющихъ весь репертуаръ его; нѣтъ ни одного городка, бурга, селенія, которое не слышало бы ихъ по нѣскольку разъ. Наконецъ, доходятъ до него слухи, что гдѣ-то на сѣверѣ, въ Россіи, собратья его рѣдки, что тамъ можетъ онъ получить вѣрный барышъ: туда! а Pietroborgo! восклицаетъ бѣднякъ, и предпринимаетъ трудный походъ. Его не обманули: трудность дороги дѣйствительно вознаграждается грошами, довольно-щедро выбрасываемыми на дворы и улицы. Иногда направляетъ онъ путь свой не прямо къ столицѣ, но обходитъ сначала провинціи, посѣщаетъ города, ярмарки, деревни и, скопивъ нѣсколько денегъ, является въ столицу, гдѣ нанимаетъ работниковъ изъ своего званія. — Мало-по-малу, съ прибылью денегъ, Итальянецъ отстаетъ отъ бродячей жизни, заводитъ кругъ знакомства съ соотечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вѣчнаго

амура съ сложенными на крестъ руками, кошку, болтающую въ право и лѣво головою, Наполеона, окрашеннаго розовой краской, всѣхъ возможныхъ формъ, видовъ и несходствъ, и наконецъ женится на дочери одного изъ своихъ пріятелей. Заведшись такимъ образомъ хозяйствомъ, итальянскіе шарманщики неизвѣстно почему избираютъ жилище въ Подъяческихъ и Мѣщанской. Маленькій двухъ-этажный деревянный домъ, выкрашенный всегдашнею зеленогрязною краскою и возвышающійся въ

углу темнаго двора, служитъ имъ убѣжищемъ. Наружность такого рода строеній облѣплена обыкновенно галереей, на которую съ трудомъ взбираешься по шаткой лѣстницѣ, украшенной по угламъ (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плаваютъ яичныя скорлупы, рыбій пузырь и нѣсколько угольевъ; вообще лѣстницы эти, не считая уже спиртуознаго запаха (общей принадлежности всѣхъ петербургскихъ чорныхъ лѣстницъ), показываютъ совершенное неуваженіе хозяевъ къ тѣмъ, которымъ суждено спускаться и подниматься по нимъ. Квартира шарманщика почти всегда находится въ концѣ такой галереи, по причинѣ дешевизны, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, сдѣланныхъ изъ одной. Если вы хотите имѣть о ней точное понятіе, то потрудитесь нагнуться и войдти въ первую комнату. Первый предметъ, на которомъ остановятся ваши взоры, отуманенные слезою (по причинѣ спиртуозности лѣстницы), будетъ неимовѣрной величины русская печь, покрытая копотью и обвѣшенная лохмотьями, составляющими гардеробъ хозяевъ; стѣны и потолокъ усѣяны тѣми пріятными насѣкомыми, которыя пользуются честію носить названіе одинакое съ извѣстнымъ европейскимъ народомъ. (Я выразился бы и проще; но боюсь людей,

непривыкшихъ *сморкаться* тамъ, гдѣ есть возможность *обойтись посредствомъ платка)*... Стѣны эти окружены длинными скамьями, на которыхъ въ разныхъ чрезвычайно неграціозныхъ положеніяхъ лежатъ работники — Русскіе, Нѣмцы, Итальянцы, нанятые хозяиномъ, какимъ нибудь signor Charlotto Bonissy. Посреди комнаты стоятъ ящики съ соло-



мою и три или четыре обезьяны не перестаютъ съ ними возиться и пищать самымъ непріятнымъ дискантомъ; нѣсколько ширмъ, коробокъ съ куклами,

мѣшковъ съ мукою и макаронами разбросаны по разнымъ угламъ; кадка съ помоями издаетъ изъподъ печки особенно непріятный запахъ; дымъ, вiясь изъ коротенькихъ деревянныхъ трубокъ (необходимой принадлежности русскихъ работниковъ), наполняетъ освобожденное отъ хлама пространство; говоръ, хохотъ, писк обезьянъ, лай собакъ, визгъ дѣтей — заглушаютъ храпѣнье нѣсколькихъ шарманщиковъ, сверхъ-естественно согнувшихся на печкѣ, на лавкахъ и на полу. Наконецъ, одно маленькое окно пропускаетъ въ комнату нѣсколько лучей свѣта, и то не всегда, потому-что если въ компанiи есть хоть одинъ русскiй человѣкъ, то стекла непремѣнно залѣплены разными фигурками, съ извѣстнымъ искусствомъ вырѣзанными изъ сахарной бумаги, между которыми козелъ съ необыкновенно большими рогами и бородою прежде всѣхъ бросается въ глаза. Вторая комната представляетъ совершенно противоположное зрѣлище; тутъ тотчасъ замѣтно присутствiе женщинъ. Не только чистота и порядокъ составляютъ отличительное ея свойство, но даже замѣтно нѣкоторое притязанiе на роскошь: стѣнные часы огромнаго размѣра, годные для любой башни, съ привѣшенными вмѣсто гирь кирпичами; на окнахъ горшки съ жиденькими растенiями,

занавѣски, коммодъ, столъ съ блистающимъ какъ солнце самоваромъ, широкая постель, наконецъ шарманки различныхъ величинъ и свойствъ, въ рядъ расположенныя вдоль стѣны — показываютъ присутствіе самого хозяина. Едва часы пробили восемь, какъ все пародонаселеніе квартиры пробуждается, опоражниваетъ чашку щей или макаронъ и, взваливъ на плечи каждый свою принадлежность, спускается на улицу, гдѣ, раздѣлившись на партіи, принимаетъ разныя направленія. Главный промыселъ Итальянцевъ — кукольная комедія. Разумѣется та, которая доставляетъ на нашихъ дворахъ столько удовольствія подмастерьямъ въ пестрядинныхъ халатахъ, мамкамъ и дѣтямъ, а подъчасъ и взрослымъ, не похожа на ту, которую вывезъ онъ изъ своего отечества. Обрусѣвшій Итальянецъ перевелъ ее какъ могъ на словахъ русскому своему работнику, какому-нибудь забулдыгѣ, прошедшему сквозь огонь и воду и обладающему необыкновенною способностію врать не запинаясь и приправлять вранье свое прибаутками, — и тотъ уже переобразовалъ ее по-своему. Нигдѣ характеръ народнаго русскаго юмора такъ сильно не проявляется, какъ въ передѣлкахъ такого рода; нигдѣ такъ рѣзко не выказывается бѣднякъ, на фуфу зарабо-

тывающій копейку. Въ діалогахъ Пучинелла русскаго произведенія и соотвѣтствующихъ ему персонажей, въ ихъ дѣйствіяхъ, въ самомъ расположеніи комедіи, ими представляемой, вы тотчасъ найдете родство съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ слова набраны только для риѳмы и не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ риѳмы, съ тѣми сказками, гдѣ все дѣлается по щучьему велѣнью и ни въ чемъ разскащикъ ни себѣ, ни слушателямъ не отдаетъ отчета. Напримѣръ, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, я никакъ не могъ добиться почему въ извѣстной уличной комедіи, особенно любимой народомъ, является лицо совершенно постороннее дѣйствію, ни съ которой стороны, по-видимому, не нужное, — лицо, извѣстное подъ именемъ «*Петрушки*», безъ котораго, какъ вы знаете, не обходится ни одно уличное представленіе? Или по какой причинѣ прежде, нежели (въ той же комедіи) чортъ, — чрезвычайно похожій на козла, — долженъ увлечь Пучинелла, являются на сцену два арапа, играющіе палкою и прерывающіе дѣйствіе? — для чего?... Попробуйте добиться у шарманщика! — «Нѣтъ-съ, «ужь оно такъ, прежде-съ арапы, а ужь послѣ «чортъ уноситъ Пучинелла, ужь такъ водится, такъ «быть слѣдуетъ», — отвѣчаетъ онъ, оставивъ васъ

въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ появленія Петрушки и обоихъ арапoвъ.

Впрочемъ, кукольная комедія не есть еще единственный ресурсъ итальянскаго шарманщика; ученыя обезьяны, уличный гаеръ составляютъ также исключительную его принадлежность и кромѣ того жена и дочери (разумѣется, если таковыя есть на лицо) не мало способствуютъ къ благосостоянію дома. Выражаясь такъ, я хочу сказать только, что мать выливаетъ изъ воска херувимчиковъ, разъигрывающихъ на вербахъ не маловажную роль, а дочери, хорошенькія Итальяночки съ продолговатыми личиками, шьютъ по заказу платья, или раскрашиваютъ модныя картинки и верхушки помадныхъ банокъ. Вообще, итальянскіе шарманщики не представляютъ намъ толпу безпутныхъ бродягъ, но напротивъ того картину скромныхъ и тихихъ ремесленниковъ. Они чрезвычайно любятъ свое ремесло и считаютъ его благороднымъ искусствомъ, художествомъ; я никогда не забуду, какъ разъ одинъ изъ нихъ, на вопросъ мой: «каково идутъ дѣла его въ Петербургѣ?» отвѣчалъ мнѣ ломанымъ французскимъ языкомъ: «Oh! mon signore, nous «povero artisto pas bien vivere à Pietroborgo, a Pietro«borgo o n'aime pas beaucoup ces artisto... le publico

«ne pas aimer la musica signore...» Страсть къ благородному искусству часто простирается до того, что Итальянецъ проводитъ цѣлые мѣсяцы на улучшеніе шарманки; онъ облепливаетъ ее разными фигурками, украшеніями, прикрѣпляетъ къ сторонамъ ея трехугольникъ, бубенчики, тарелки, турецкій барабанъ, навѣшиваетъ колокольчики и, приведя все въ движеніе веревочкою, привязанною къ ногѣ, гордо посматриваетъ на своихъ собратій, воображая себя обладателемъ восьмаго чуда въ мірѣ. — Помѣщикъ, показывающій вновь выстроенный домъ свой, не пропуская малѣйшей подробности, и хвастающій даже устройствомъ тѣхъ мѣстъ, куда никто не заходитъ безъ настоятельной нужды, не такъ старается вырвать у васъ похвалу, какъ шарманщикъ, только-что купившій шарманку. Онъ нѣсколько разъ откроетъ ее, развинтитъ, попроситъ васъ посмотрѣть внутренность, пощупать, погладить, повертѣть ручкою, наконецъ, опредѣлить ея цѣнность, — и все для того только, чтобъ не уронить въ вашемъ мнѣніи себя и горемычное ремесло свое. Имѣя столько средствъ, итальянскіе шарманщики легко могли бы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вернуться въ свои горы, обезпеченные на всю жизнь, но природное влеченіе къ деньгамъ и спе-

куляціямъ часто ввергаетъ ихъ снова въ нищенское состояніе. То фабрика гипсовыхъ фигуръ, какъ извѣстно, раскупающихся плохо и за безцѣнокъ, то постройка балагана на Адмиралтейской Площади, гдѣ показываютъ ученыхъ обезьянъ, китайскія тѣни, кукольную комедію, что̀ все въ общей сложности представляетъ хозяину болѣе издержекъ, нежели барыша, то наконецъ попытка основать какое-нибудь ремесленное заведеніе, — одно изъ такихъ предпріятій, рано ли, поздно ли, разоряетъ бѣднаго труженика въ пухъ и снова вынуждаетъ бродить по улицамъ съ шарманкою, сбирать по грошу и кормить семейство кускомъ черстваго хлѣба, добываемаго трудомъ и потомъ.

IV.

РУССКІЕ И НѢМЕЦКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Хотя шарманка рѣдко бываетъ удѣломъ Нѣмцовъ, все-таки сходство промысла даетъ имъ мѣсто въ общемъ классѣ, нами описываемомъ. Нѣмецкіе шарманщики бываютъ двухъ родовъ. Одни приходятъ изъ Швейцаріи, Тироля, Германіи и промышляютъ съ самаго дѣтства, другіе образовались въ Петербургѣ слѣдствіемъ какихъ-нибудь жизненныхъ переворотовъ. Вообще, частный бытъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ не представляетъ большаго интереса. Они живутъ кучками на Сѣнной и Гороховой въ самомъ жалкомъ и незавидномъ положеніи. Ужь въ томъ отчасти ихъ натура виновата. Итальянецъ, напримѣръ, преданъ своему ремеслу душой и тѣломъ; онъ оборотливъ, смѣтливъ, хитеръ, веселъ и весе-

лостію своею завлекаетъ, интересуетъ, электризуетъ свою публику; Нѣмецъ — сущая флегма; онъ вялъ, небреженъ и не возбуждаетъ никакого участія въ русскомъ человѣкѣ, который любитъ, чтобъ его тѣшили, нежалѣя усилій. Онъ никогда не постарается васъ позабавить, произвести на васъ пріятное впечатлѣніе; напротивъ, вся его цѣль — надоѣсть кому-нибудь одною и тою же скучною аріею и получить деньги отъ выведеннаго изъ терпѣнія обывателя, съ условіемъ оставить его въ покоѣ.

Вотъ политика нѣмецкаго шарманщика, не всегда приносящая денежный результатъ. Впрочемъ, средства ихъ промысла довольно-многочисленны: органъ, издающій пискливые звуки—«по всей деревнѣ Катинька», сопровождаемые заунывнымъ акомпаньеманомъ хозяина; арфа, на которой обыкновенно играетъ сухощавая Нѣмка въ огромномъ чепцѣ и черной шали, Нѣмка съ лоснящимся краснымъ лицомъ и необыкновенно вострымъ носомъ, — въ то время, какъ мужъ ея выдѣлываетъ на своей скрипкѣ быстрыя варіаціи; ученыя собаки, прыгающія на заднихъ лапахъ, подъ музыку знаменитой поѣздки Мальбруга въ походъ и боязливо посматривающія на плечистаго хозяина, вооруженнаго бичемъ, годнымъ для слона; віола съ

приплясываніемъ и присвистываніемъ маленькаго Тирольца, одѣтаго въ національный костюмъ; наконецъ, бродячіе оркестры, состоящіе или исключительно изъ однихъ тромбонъ, оглушающихъ скромныхъ жителей дворовъ, или изъ двухъ–трехъ скрипокъ да кларнета. Кромѣ того, подобно Итальянцамъ, Нѣмцы–шарманщики имѣютъ еще частные промыслы; приготовляютъ зажигательныя спички, курительныя свѣчи, порошки, воспитываютъ щенковъ, которыхъ, по окончаніи курса, передаютъ инвалиду съ раздутой губой, а инвалидъ сбываетъ ихъ чувствительнымъ томнымъ барынямъ, носящимъ букли и ридикюль, или чиновникамъ, отцамъ семейства, любящимъ дѣлать сюрпризы дочерямъ и не находящимъ для такого употребленія ничего лучше мохнатыхъ болонокъ или курносыхъ мопсовъ.

Нѣмецкихъ шарманщиковъ въ Петербургѣ немного; большею частію они не долго остаются въ этомъ званіи, ни сколько не соотвѣтствующемъ ихъ характеру.

Выгнанный хозяиномъ безродный подмастерье, закутившійся лакей, прикащикъ, пожертвовавшій хозяйскими деньгами пристрастію къ орляпкѣ, свайкѣ и картамъ, а иногда и бѣднякъ, лишенный

мѣста несправедливымъ барином, составляютъ незначительную часть русскихъ шарманщиковъ, ежедневно шлифующихъ петербургскіе тротуары. Непреодолимое влеченіе оставлять послѣдній грошъ въ заведеніи подъ фирмою: «съ роспивочной», рано или поздно заставляетъ его обратиться къ Итальянцу, содержащему шарманщиковъ. Правда, и русскіе шарманщики живутъ иногда въ независимости отъ Итальянца-хозяина, но ужь не иначе, какъ компаніею; рѣдко, весьма рѣдко кто-нибудь изъ нихъ отдѣляется отъ толпы и живетъ одинъ съ своимъ органомъ; ему нужно непремѣнно «компанство», товарищи; онъ вообще склоненъ къ общественной жизни. Селятся они на Петербургской Сторонѣ, въ скромной лачужкѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ огородами; четвертая же, какъ водится, смотритъ въ узкій переулокъ, въ перспективѣ котораго возвышается пестрая будка. Въ этихъ жилищахъ выказывается вполнѣ характеръ почтенныхъ нашихъ соотечественниковъ, народныхъ виртуозовъ, со всею ихъ безпечностію. Хотя горе (часто залетающее къ русскому шарманщику) приводитъ его иногда въ такое положеніе, что хоть ложись да умирай съ голоду; но не смотря на то, въ немъ, какъ и въ каждомъ русскомъ простолюдинѣ, не

угасаетъ стремленіе къ «художеству». Онъ непремѣнно оклеиваетъ стѣны своей лачуги любопытными картинками: Торжество Мардохея, Аманъ у ногъ своей любовницы, мужики Долбило и Гвоздило, побивающіе Французовъ, видъ города Сызрани (такого рода пейзажи состоятъ обыкновенно изъ маленькихъ правильныхъ пригорковъ въ видѣ сахарныхъ головокъ, расположенныхъ одинъ на другомъ съ травкою на каждой вершинкѣ и увѣнчанныхъ рядомъ кривыхъ куполовъ), портной въ страхѣ и тому подобныя созданія отечественной фантазіи рѣзко выдаются красными, пунцовыми и желтыми пятнами на закопченыхъ стѣнахъ. Рядомъ съ изображеніемъ какого-нибудь фельдмаршала, занимающаго съ лошадью все поле картины, вы увидите верхушку помадной банки съ надписью: *а ла віолетъ*, или надъ трогательною сценою, погребеніе кота мышами, тотчасъ же прилѣпленъ портретъ кизляръ-аги.

Нѣтъ ничего безпечнѣе русскаго шарманщика; онъ никогда не заботится о слѣдующемъ днѣ, и если случается ему перехватить кой-какія деньжонки, обезпечивающія его на нѣсколько дней, онъ не замедлитъ пригласить товарищей въ ближній кафе-ресторанъ, гдѣ за сходную цѣну можно получить

пиво, селедку и чай, подаваемый въ помадныхъ банкахъ. Какъ неаполитанскій лазарони, онъ не будетъ работать, если денегъ, добытыхъ утромъ, достаточно на вечеръ; нашатавшись до сыта, нашъ виртуозъ возвращается домой и, если усталость не клонитъ его на жиденькій тюфякъ, служащій ему постелью, онъ предается мирнымъ занятіямъ, сроднымъ мягкой его душѣ: слушаетъ, какъ одинъ изъ его товарищей, грамотей труппы, читаетъ добытыя на толкучкѣ брошюрки. Его въ особенности восхищаютъ книги: «Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго Скитника, въ брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и курьёзный разговоръ души его при переѣздѣ чрезъ рѣку Стиксъ»; «Анекдоты Балакирева»; «Похожденія Ваньки Каина со всѣми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою»; «Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ»; «Козелъ-бунтовщикъ или Машина свадьба»,—сочиненіе удивительное, въ эпиграфъ которому приложено: «всѣ сочиненія теперь въ пыли, а это только-что взято изъ были»; «Кандрашка Булавинъ»; «Вредъ отъ пьянства» — книги, въ особенности послѣдняя, чрезвычайно назидательныя, но приносящія какъ читателямъ, такъ и слушателямъ мало существенной пользы. Къ удивле-

нію, въ публикѣ, русскій шарманщикъ какъ-то не общежителенъ, онъ мало обращаетъ вниманія на своихъ слушателей, всегда почти пасмуренъ, недоволенъ собою, развѣ завлечетъ его дружескій ударъ по плечу знакомаго кучера съ привѣтствіемъ: «эхъ! братъ Ванюха!!!»

V.

УЛИЧНЫЙ ГАЕРЪ.

Чердакъ одного изъ огромныхъ домовъ, окружающихъ Сѣнную Площадь, служитъ обыкновенно мѣстомъ его рожденія. Какая-нибудь прачка, горничная третьяго разряда, обманутая лакеемъ, раздѣляющимъ любовь свою между кабакомъ и мохоркою, причина появленія на свѣтъ будущаго уличнаго героя. Первый взглядъ, брошенный новорожденнымъ на полухмѣльнаго отца своего, бываетъ

часто послѣднимъ, прощальнымъ взглядомъ; непостоянный, вскорѣ послѣ рожденія на свѣтъ залога любви, бросаетъ свою подругу и чердакъ, съ твердымъ намѣреніемъ разъигрывать роль Ловласа въ другихъ болѣе удобныхъ мѣстахъ. Бѣдная женщина остается такимъ образомъ одна въ своемъ жилищѣ, гдѣ Спартанецъ не нашелъ бы лишней роскоши. Убѣдившись въ невѣрности своего любезнаго, она тотчасъ же принимается за работу; чувство матери придаетъ ей новыя силы и вскорѣ вознаграждаетъ она потерянное время. Между-тѣмъ, малютка ростетъ, онъ уже бѣгаетъ по комнатѣ, лепечетъ несвязныя слова и ѣстъ уголья и глину, заимствуя ихъ у печки — шалость, за которую мать имѣетъ причины не слишкомъ-строго взыскивать. Птичка покидаетъ гнѣздо, едва почувствуетъ свои силы и летитъ далеко въ небо, купаясь въ синевѣ его, или спускается въ гущу пахучей липовой рощи, оглашая звонкимъ чиликаньемъ песчаный берегъ близъ-журчащей рѣчки; точно также и герой нашъ оставляетъ родной чердакъ, почувствовавъ себя въ силахъ помощію рукъ и ногъ спуститься по грязной лѣстницѣ на улицу. Воспитаніе его окончено; природа была первымъ его наставникомъ, время довершитъ остальное. Тротуары и мостовая, давно по-

жираемые жадным его взором съ чердака, гдѣ получилъ онъ существованіе, появляясь ему теперь въ полномъ блескѣ, представляютъ тысячу развлеченій и удовольствій. Толпы такихъ же, какъ онъ, мальчишекъ, шаршапщики, кукольная комедія, бабки, лотки, установленные апельсинами и пряниками, солдаты, проходящіе по площади съ музыкою впереди, — все это до такой степени очаровываетъ молодое его воображеніе, что онъ готовъ лучше цѣлые сутки просидѣть на улицѣ подъ дождемъ, любуясь на воду, извергаемую жолобомъ, нежели идти домой. Но извѣстно всякому, даже нечитавшему дѣтскихъ прописей, что счастіе скоротечно и исполнено треволненій. — Едва минуло мальчугану восемь лѣтъ, какъ заботливая мать уже думаетъ о томъ, какъ бы доставить ему честное хлѣбное ремесло. То вталкиваетъ его въ общую колею уличной промышлености, привѣсивъ ему на шею деревянный ящикъ, наполненный спичками, снабдивъ его тросточками, сургучемъ, зелеными яблоками или, если есть кой-какія средства, избираетъ своему дѣтищу болѣе прочное ремесло, поручая его богатому мастеровому. Натянувъ на плечи толстый полосатый халатъ, мальчикъ становится подмастерьемъ. Хотя халатъ можетъ помѣстить

въ широкихъ полахъ своихъ трехъ такихъ молодцовъ, но подмастерье, уже вкусившій разъ свободы, чувствуетъ его тѣснымъ и, по возможности, старается стрясти съ себя это иго. Избалованные мальчишки-товарищи скоро увлекаютъ новичка; каждое воскресенье отправляются они на Крестовскій на цѣлый день, гдѣ проявляется въ-первые идея о кутежѣ. Съ пряниковъ и кедровыхъ орѣховъ переходитъ на трубку, съ трубки на вино; бѣднякъ, увлеченный болѣе и болѣе, дѣлается негодяемъ и кончаетъ обыкновенно карьеру свою у хозяина воровствомъ или побѣгомъ.

Выгнанный хозяиномъ или бѣжавшій отъ него, онъ случайно сталкивается съ содержателемъ труппы кочующихъ фигляровъ; мать ли его стираетъ бѣлье на эту труппу, или онъ самъ заводитъ знакомство, однимъ словомъ, бывшій подмастерье дѣлается членомъ труппы, въ качествѣ портнаго или сапожника, съ назначеніемъ перекранвать извѣстныя лохмотья или приставлять подметки. Но званіе это, вмѣсто того, чтобъ доставить ему кусокъ хлѣба, дѣлается источникомъ всѣхъ его бѣдъ и несчастій. Фигляры, волтижоры, канатные плясуны являются передъ нимъ господами, героями;

страждущее самолюбіе не даетъ ему покоя ни днемъ ни ночью; ему грезится бархатный камзолъ, шитый блестками, рукоплесканія, дружба и радушіе фигляровъ, вмѣсто презрѣнія, и онъ рѣшается, во что бы ни стало, достигнуть высокой для него цѣли. Хитрый хозяинъ, подмѣтивъ эту слабость и не имѣя особеннаго желанія платить своему работнику, предлагаетъ ему вмѣсто денегъ услуги; бѣднякъ съ восторгомъ принимаетъ предложеніе и ввѣряетъ свои члены бичу и палкѣ хозяина. Тутъ наступаетъ для него трудная школа, и если онъ до конца выдерживаетъ ее, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ удостоивается пріема въ компанію. Разумѣется, претензіи его на жалованье считаются дерзостію и потому онъ немедленно переходитъ въ другую труппу уже дѣйствующимъ лицомъ, съ правомъ быть выставленнымъ на аффишѣ. Въ этихъ труппахъ герой нашъ обязанъ выполнять всѣ возможныя *амплуа* по благоусмотрѣнію антрепренера, какого-нибудь г. Каспара, Вейнерта, Добраднини и т. д. Начиная съ обязанностей ламповщика и кончая почетнымъ званіемъ волтижера, переходитъ онъ всѣ состоянія: поочередно является передъ почтеннѣйшей публикой кловномъ, Кассандромъ, паяцомъ, чортомъ, глотаетъ шпаги, за-

жженый лѣнъ, подымаетъ гири, играетъ въ пантомимахъ, кончающихся обыкновенно тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица, безъ исключенія, исчезаютъ въ исполинской пасти холстянаго чорта; дѣятельность его иногда баснословна: онъ въ одно и то же представленіе сзываетъ зрителей, продаетъ билеты на входъ, дѣлаетъ salte mortale, танцуетъ на канатѣ, перепрыгиваетъ помощію трамплина чрезъ двѣнадцать солдатъ, танцуетъ на лошади, играетъ какую-нибудь роль въ слѣдующей за симъ пантомимѣ и часто довершаетъ представленіе колѣнцемъ изъ русской пляски, отхваченнымъ съ примадонною труппы. Но непродолжительна блестящая эпоха его жизни; когда масляная, а за тѣмъ и святая недѣли миновали, онъ вынужденъ безчестить (такъ выражается гаеръ) благородное ремесло свое, вступивъ гаеромъ къ богатому шарманщику, съ условіемъ получать по двадцати пяти копѣекъ мѣди съ рубля, добытаго на дворахъ и улицахъ.

Должно замѣтить, что уличный гаеръ всегда почти Русскій; балаганные его товарищи, будучи иностранцами, тотчасъ же по истеченіи праздниковъ уѣзжаютъ за границу, оставивъ его на произволъ судьбы. Спустясь съ своихъ подмостокъ на

худощавый коверъ, бывшій Геркулесъ показываетъ намъ свое искусство при завываніи шарманки и гудѣніи тамбурина. Большую часть года уличный гаеръ проводитъ у шарманщиковъ, и это время составляетъ несчастнѣйшую часть его жизни.

Деньги, получаемыя на улицахъ, едва достаточны на содержаніе, а такъ какъ онъ любитъ послѣ дневныхъ трудовъ поспбаритствовать, то нажитое въ балаганѣ мало-по-малу исчезаетъ въ заведеніяхъ. Съ каждымъ днемъ положеніе его становится хуже и хуже; къ концу года у него остается одно платье и онъ уже, по русскому обычаю, сбирается угостить товарищей на послѣдній камзолъ, шитый блестками, какъ является хозяинъ балагана и завербовываетъ его на слѣдующіе праздники. Безъ этого прощай и камзолъ и человѣкъ, все бы погибло! Не смотря на скудную жизнь уличнаго гаера у шарманщика, онъ не унываетъ духомъ, и хотя наружность его пасмурна, смотритъ онъ изъ подлобья и всегда ворчитъ, но это продолжается только до минуты, когда онъ входитъ на дворъ, намѣреваясь дать представленіе. Въ то время, какъ одинъ изъ его товарищей разстилаетъ на мостовой тощій коверъ, служащій ему ареною, гаеръ гордо посматриваетъ на толпу,

сбѣжавшуюся смотрѣть на него. Взгляните, съ какою самодовольною улыбкою сбрасываетъ онъ съ себя

длиннополый сюртукъ, скрывающій пунцовый камзолъ и широкіе бѣлые шаравары. Бубенъ и шарманка играютъ интродукцію, гаеръ встряхиваетъ

курчавою головою, отходитъ нѣсколько шаговъ назадъ и, разбѣжавшись, становится на руки; salte mortale слѣдуютъ одно за другимъ, публика рукоплещетъ, гроши сыплются изъ всѣхъ оконъ, но гаеръ ничего этого не примѣчаетъ; у него давно на носу стулъ, на которомъ сидитъ маленькая дѣвочка, взятая изъ толпы.... Унылые звуки «лучинушки» возвѣщаютъ конецъ представленія; гаеръ надѣваетъ снова сюртукъ, нахлобучиваетъ на взъерошенные свои волосы избитую шляпу и покидаетъ дворъ, преслѣдуемый тою же публикою, еще долго не покидающею его.

Не всѣ уличные гаеры случайно попадаютъ въ тяжкое свое ремесло; есть такіе, которые посвящаются ему съ самаго дѣтства. Дѣти стараго фигляра или гаера, они по неволѣ должны идти по стопамъ отца и обыкновенно кончаютъ жизнь или на этомъ поприщѣ, или отъ неудачнаго salte mortale. Положеніе ихъ самое несчастное; отъ колыбели до гроба обречены они неимовѣрнымъ трудамъ, не имѣя другаго способа кормить себя, тогда какъ гаеръ по призванію имѣетъ всегда время отказаться отъ гаерства, коль-скоро почувствуетъ его тягостнымъ. Часто случается, что проведши нѣсколько лѣтъ въ

этомъ званіи, онъ возвращается къ прежнему ремеслу своему и вы не мало удивитесь, увидѣвъ того самаго гаера, которымъ восхищались на дворѣ, который такъ ловко ходилъ на рукахъ, держалъ на носу стулъ и повертывалъ на мизинцѣ тамбуринъ, съ шиломъ или ножницами въ рукахъ.

VI.

ПУБЛИКА ШАРМАНЩИКА.

Въ осенній вечеръ, около семи часовъ, партія шарманщиковъ поворотила съ грязнаго канала въ узкій переулокъ, обставленный высокими домами. Шарманщики замѣтно устали. Одинъ изъ нихъ, высокій мужчина флегматической наружности, лѣниво повертывалъ ручкою органа и едва передвигалъ ноги; другой, навьюченный ширмами, бубномъ и складными козлами, казалось, пересталъ уже и думать отъ усталости; рыжій только мальчикъ съ ящикомъ куколъ ни мало не терялъ энергіи.

Шарманщики, кажется, намѣреваются войдти въ ворота одного знакомаго и прибыльнаго дома.

Такъ! нѣтъ сомнѣнія! Комедія будетъ! они вошли на дворъ; вотъ уже заиграли какой-то вальсъ и раздался пронзительный крикъ пучинелла.

Оборванный мальчишка, который до того времени спокойно сидѣлъ на тумбочкѣ, игралъ камешкомъ и дразнилъ сестру съ двумя маленькими ребятишками на рукахъ, вдругъ вскочилъ, сдѣлалъ братьямъ еще гримасу и, перескочивъ чрезъ всю группу, сломя голову бросился на дворъ.

Будочникъ, стоявшій тутъ же, съ прилѣпленною къ стѣнѣ будкою, снисходительно улыбнулся и понюхалъ березинскаго. Два солдата, занятые весьма интереснымъ разговоромъ, замѣтивъ вошедшихъ въ домъ шарманщиковъ, остановились, съ минуту оставались въ нерѣшимости и, наконецъ, вошли. Баба съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и вѣникомъ подъ мышкою, послѣдовала ихъ примѣру; однимъ словомъ, эффектъ былъ произведенъ.

Отъ-чего же бы и намъ не зайдти?

Дворъ широкъ и просторенъ; на него выходитъ до сотни оконъ.

Посреди двора уже поставлены ширмы; флегматическій носитель шарманки успѣлъ уже уставить свою ношу на складныя козла и игралъ интродукцію. Представленіе не могло замедлиться, потому-

что на публику нельзя было жаловаться: она сбѣгалась со всѣхъ сторонъ. Но шарманщикъ не переставалъ оглядывать окна, изъ которыхъ начинали высовываться головы любопытныхъ, естественно ожидая отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ толпы сгруппировавшихся вокругъ него зѣвакъ.

Крикъ пучинелла раздается въ другой и третій разъ, верхніе этажи населяются, оживляются, кучки самыхъ разнообразныхъ головъ перевѣшиваются на подоконники; видѣнъ и чиновникъ, въ пестромъ халатѣ, красной ермолкѣ, и съ трубкою въ зубахъ; рядомъ съ нимъ артель работниковъ заняла цѣлыя шесть оконъ сряду; хорошенькая женщина и болонка помѣстились на сафьянной подушкѣ, брошенной на окно; кое-гдѣ выглянуло нѣсколько размалеванныхъ лицъ, обратившихъ на мгновеніе общее вниманіе.

Чиновникъ Ѳедосей Ермолаевичъ, весьма почтенный человѣкъ, занимавшій выгодное мѣсто, и котораго самъ директоръ однажды потрепалъ по плечу, также былъ пробужденъ послѣ обѣденнаго отдыха призывными криками пучинелла.

— Терешка! что это, братецъ, тамъ такое? закричалъ Ѳедосей Ермолаевичъ, зѣвая и потягиваясь.

— Шарманщики, судырь, отвѣчалъ Терешка, дѣлая движеніе рукою и головою къ окошку.

— Да какъ же это они, братецъ... того?...

Но тутъ новый крикъ пучинелла совершенно разбудилъ Ѳедосея Ермолаевича, онъ потянулся еще разъ, всталъ съ постели и заспанными глазами посмотрѣлъ на дворъ.

— Папинька, то, то, то, они вотъ все, вотъ такъ, вотъ все играютъ? спросилъ маленькій Ермолай Ѳедосѣевичъ, таща всѣми силами отца къ окну. Ребенокъ гнусилъ, произнося послѣднія слова на распѣвъ, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему быть любопытнымъ и подавать большія надежды.

— Шарманщикъ, душечка....

— Нѣтъ, нѣтъ, то вотъ они, вотъ такъ, вотъ все играютъ? продолжалъ ребенокъ, требуя непремѣннаго объясненія.

— Шарманщикъ, душечка....

— Нѣтъ, нѣтъ, то, они все такъ....

Но и мы, не находя отвѣтъ Ѳедосея Ермолаевича удовлетворительнымъ, спустимся лучше внизъ вмѣстѣ съ нянькою, торопливо выносившею пискливаго ребенка, который не давалъ ей покоя цѣлые три часа.

Комедія должна начаться сію минуту, публикѣ нѣкуда уже было помѣститься.

Два солдата, долго колебавшіеся вмѣшаться въ толпу, стояли теперь на первомъ планѣ; ихъ плотно окружала орда мастеровыхъ въ изодранныхъ армя-

кахъ, съ выпачканными сажею лицами, мамки, няньки, кормилицы съ ребятишками всѣхъ сортовъ

и возрастовъ пестрѣли въ толпѣ яркими сарафанами; деньщикъ, возвращаясь съ четверткою вакштаба, которую съ нетерпѣніемъ ожидалъ вновь произведенный прапорщикъ, казалось, позабылъ своего господина; босоногая дѣвчонка, обстриженная въ кружокъ, стояла въ какомъ-то безсмысленномъ созерцаніи, держа въ рукахъ корзинку съ копеечными сухарями; толстый баринъ въ очкахъ, вышедшій подышать свѣжимъ воздухомъ, раздѣлялъ общее нетерпѣніе; трое писарей съ лихими ухватками подшучивали надъ шарманщикомъ, который перемѣнилъ уже два мотива и съ самой недовольной миной переходилъ на третій; съ улицы подходила безпрестанно толпа всякаго сброда, даже два монтера остановились у входа воротъ, завернувъ правую ногу назадъ и картинно упершись на тросточку.

Толпа волновалась и шумѣла; всѣ ожидали, всѣ требовали представленія; одинъ только знакомый намъ мальчишка бѣгалъ кругомъ какъ гончая собака, обнюхивалъ каждаго, высовывалъ языкъ всѣмъ, кто ему не нравился, щипалъ изподъ-тишка дѣтей и, протянувъ руку, готовился стащить пятый сухарь у дѣвочки, какъ вдругъ надъ шарманкою показался пучинелла. Пучинелла принятъ

съ восторгомъ; характеромъ онъ чудакъ, крикливъ, шумливъ, забіяка, однимъ словомъ, обладаетъ всѣми достоинствами, располагающими къ нему его публику. — Здравствуйте, господа! самъ пришелъ сюда, васъ повеселить, да себѣ что-нибудь въ карманъ положить! Такъ начинаетъ пучинелла. Его привѣтствіе замѣтно поправилось; солдатъ подошелъ поближе, мальчишка сдѣлалъ гримасу, одинъ изъ мастеровыхъ почесалъ затылокъ и сказалъ: «ишь ты!» тогда какъ другой, его товарищъ, схватившись за бока, заливался уже во все горло.

Но вотъ хохотъ утихаетъ; пучинелла спрашиваетъ музыканта, взоры всѣхъ обращаются на его флегматическаго товарища.

— А что тебѣ угодно, г. пучинелла? отвѣчаетъ шарманщикъ.

Пучинелла проситъ его сыграть: «по улицѣ мостовой»; музыкантъ торгуется: да что съ тебя, мусью? 25 рублей ассигнаціями!

Пучинелла. Да я и отъ роду не видалъ 25 рублей, а по моему полтора рубля шесть гривенъ.

Музыкантъ. Ну, хорошо, мусью пучинелла, мы съ тобою разсчитаемся. Сказавъ это, онъ принимается вертѣть ручкою органа.

Звуки «по улицѣ мостовой» находятъ теплое со-

чувствіе въ сердцахъ зрителей: дюжій парень шевелитъ плечами, раздаются прищолкиваніе, притопываніе.

Но вотъ надъ ширмами является новое лицо: капитанъ-исправникъ; ему пуженъ человѣкъ въ услуженіе; музыкантъ рекомендуетъ мусью пучинелла.

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагородіе? спрашиваетъ пучинелло.

— Что ты очень хорошій человѣкъ, не желаешь ли идти ко мнѣ въ услуженіе?

Пучинелла торгуется; онъ что-то не довѣряетъ ласкамъ капитана-исправника; публика живо входитъ въ его интересы.

Капитанъ-исправникъ. Экой, братецъ, ты со мною торгуешься! много ли, мало ли ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то, чтобы обижаться, а всѣми силами стану стараться!

Капитанъ-исправникъ. У меня, братецъ, жалованье очень хорошее, кушанье отличное, пудъ мякины, да полъ-четверика гнилой рябины, а если сходишь къ мамзель Катерины и отнесешь ей записку, то получишъ 25 рублей награжденія.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородіе, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смѣется довѣрчивому пучинелла, который побѣжалъ за мамзель Катериною. Вотъ является и она сама на сцену, танцуетъ съ капитаномъ-исправникомъ и уходитъ. Толпа слушаетъ разиня ротъ, у нѣкоторыхъ уже потекли слюнки.

Новыя затѣи: пучинелла хочетъ жениться; музыкантъ предлагаетъ ему невѣсту; въ зрителяхъ совершенный восторгъ отъ девяносто-девяти-лѣтней Матрены Ивановны, которая живетъ «въ Семеновскомъ Полку, на уголку, въ пятой ротѣ, на Козьемъ-Болотѣ».

Хотя пучинелла и отказывается отъ такой невѣсты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучитъ у ширмъ и зоветъ нареченную. Вмѣсто Матрены Ивановны выскакиваетъ собака, хватаетъ его за носъ и теребитъ что есть мочи.

Публика приходитъ въ неистовый восторгъ: «тащи его, тащи..... такъ, такъ, тащи его, тащи, тащи!....» раздается со всѣхъ сторонъ; пучинелла валится на край ширмъ и самымъ жалобнымъ голосомъ призываетъ доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будетъ стоять визитъ.

Является докторъ, исцѣляетъ пучинелла и въ благодарность получаетъ отъ него оплеуху.

За таковое нарушеніе порядка и общественнаго

спокойствія, исполненный справедливаго негодованія капитанъ – исправникъ отдаетъ пучинелла въ солдаты.

— Ну–ка, становись, мусью, говоритъ капралъ, вооружая его палкою, слушай! на кра-улъ!

По исполнительной командѣ, пучинелла начинаетъ душить своего наставника въ право и въ лѣво, къ величайшему изумленію зрителей. Ясно, что такого рода буянъ, сумасбродъ, безбожникъ, не можетъ болѣе существовать на свѣтѣ; мѣры нѣтъ его наказанію; человѣческая власть не въ состояніи унять его, и потому самъ адъ изрыгаетъ чорта, чтобы уничтожить преступника.

Комедія кончается; Петрушка, лицо неразгаданное, миѳическое, неумѣстнымъ появленіемъ своимъ не спасаетъ пучинелла отъ роковой развязки, и только возбуждаетъ въ зрителяхъ недоумѣніе. Неунывающій пучинелла садится верхомъ на чорта (необыкновенно похожаго на козла), но чортъ не слушается; всадникъ зоветъ Петрушку на помощь, но уже поздно: приговоръ изреченъ и пучинелла погибаетъ образомъ, весьма достойнымъ сожалѣнія, т. е. исчезаетъ за ширмами.

Раздается финальная арія, представленіе кончилось. Публика чрезвычайно довольна, но когда

шарманщикъ взялъ бубенъ, завертѣлъ его на мизинцѣ и сталъ обходить зрителей, толпа замѣтно стала рѣдѣть. Первыми дезертерами оказались два солдата и баба съ вѣникомъ подъ мышкою; ревъ дѣтей, на минуту умолкнувшій, возобновился съ бо̀льшей силой и заставилъ мамокъ поскорѣй удалиться; словомъ, изъ толпы утекали поминутно. Къ совершенному отчаянію шарманщика, даже и самъ толстый господинъ въ очкахъ, остановившійся послушать комедію, посмотрѣлъ на бубенъ, подносимый ему шарманщикомъ, какъ-бы не понимая чего хотѣлось просителю; съ горя, шарманщикъ обратился къ ложамъ, т. е. къ окнамъ, въ которыхъ все еще торчали головы любопытныхъ; наконецъ, одинъ пятакъ упалъ, звеня и прыгая, на мостовую, за нимъ другой, потомъ третій, брошенный собственноручно сыномъ Ѳедосея Ермолаевича, которому папенька вручилъ его съ наставленіемъ: «брось ему, душенька, въ бубенъ».

— Нѣтъ, нѣтъ, то, то, они вотъ, такъ вотъ все играютъ? твердилъ упрямый мальчишка....

Пятакъ какъ-то неловко упалъ между камнями; тутъ чиновникъ въ красной ермолкѣ, не давшій рѣшительно ничего и болѣе другихъ хлопотавшій о

начатіи комедіи, принялъ необыкновенное участіе въ судьбѣ шарманщика.

— Направо, направо, кричалъ онъ, указывая ему пальцемъ на то мѣсто, куда упалъ пятакъ. Еще правѣе... эхъ, братецъ! не туда! говорятъ тебѣ, правѣе.

— На-право, теперь еще немножко назадъ, слышался голосъ изъ другаго окошка.

— «Эхъ вы», думалъ шарманщикъ, нагибаясь, чтобы поднять деньги, «хлопотать-то ваше дѣло, на то вы мастера, а вотъ какъ самому что-нибудь положить, такъ нѣтъ.... эхъ! житье, житье!»

Шарманку сняли, и подъ звуки плачевной музыки она тронулась съ мѣста; толпа расходилась, чѣмъ бы, кажется, и все должно было кончиться, но тутъ случилось обстоятельство, котораго пропустить невозможно. Дождь, накрапывавшій еще до окончанія комедіи и непримѣчаемый увлекшеюся публикою, полилъ какъ изъ ведра; чиновникъ въ очкахъ, по благоразумному своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, полѣзъ въ карманъ, чтобы вытащить оттуда платокъ и обернуть имъ еще новую шляпу, какъ къ совершенному своему изумленію вмѣсто платка вытащилъ чью-то руку, уже прежде нырнувшую туда за платкомъ.

Чиновникъ обернулся, но мальчишка, нашъ старый знакомый (это былъ онъ), однимъ движеніемъ руки вырвался изъ тисковъ оскорбленнаго чиновника, рванулся впередъ и исчезъ въ толпѣ.

«Держи! держи!» закричалъ чиновникъ; «держи! держи!» раздалось повсюду, «держи!» закричали мастеровые.

Дворъ опустѣлъ до единаго; одинъ только мужикъ, восторженно хохотавшій отъ самаго начала до развязки, остался на прежнемъ мѣстѣ; улыбка удовольствія еще не покидала лица его; онъ осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стояла шарманка, не забылъ посмотрѣть на окна, которыя запирались отъ проливнаго дождя и, сдѣлавъ недовольную мину, отправился къ воротамъ.

Подъ воротами онъ встрѣтилъ бѣдную собаченку, дрожавшую отъ холода и прижимавшуюся къ стѣнкѣ. Мужикъ остановился, посмотрѣлъ на нее пристально, нагнулся къ ней какъ можно ближе и произнесъ: «озябла!...» послѣ чего тотчасъ же покинулъ дворъ, весьма довольный собою.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Случалось ли вамъ идти когда нибудь осенью поздно вечеромъ по отдаленнымъ петербургскимъ улицамъ?

Высокія стѣны домовъ, изрѣдка освѣщенныя тусклымъ блескомъ фонарей, кажутся еще чернѣе неба; мѣстами, зданія и сѣрыя тучи сливаются въ одну массу и огоньки въ окнахъ блестятъ какъ движущіяся звѣздочки; дождь съ однообразнымъ шумомъ падаетъ на кровли и мостовую; холодный вѣтеръ дуетъ съ силою и, забиваясь въ ворота, стонетъ жалобно; улицы пусты, кое-гдѣ плетется развѣ запоздалый пѣшеходъ или тащится извощикъ-ночникъ, проклиная ненастье; но скоро все утихаетъ, изрѣдка только слышатся продолжительный

свистъ на каланчѣ, или скрипъ барки, качаемой порывами вѣтра, и снова все погружается въ безмолвіе.

Погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе духа и вамъ какъ-то невольно становится грустно.

Постепенно одна за другою приходятъ на умъ давно забытыя горести; одно печальное, неотрадное наполняетъ душу и невыразимая тоска овладѣваетъ всѣмъ существомъ вашимъ....

Вы входите въ глухой, темный переулокъ; сердце ваше сжимается еще сильнѣе прежняго.

Высокіе заборы исчезаютъ въ темнотѣ; полуразвалившіяся лачужки безъ признака жизни, все пусто, ни живой души, развѣ пробѣжитъ мокрая собачонка, фыркая и чутко обнюхивая, въ тщетной надеждѣ напасть на слѣдъ потеряннаго хозяина....

Вдругъ посреди безмолвія и тишины раздается шарманка; звуки «Лучинушки» касаются слуха вашего и фигура шарманщика быстро проходитъ мимо.

Вы какъ-будто бы ожили, сердце ваше сильно забилось, грусть мгновенно исчезаетъ и вы бодро достигаете дома. Но не скоро унылые звуки «Лучинушки» перестанутъ носиться надъ вами; долго еще станетъ мелькать жалкая фигура шарманщика,

встрѣтившаяся съ вами въ темномъ переулкѣ поздно ночью и вы невольно подумаете: можетъ-быть въ эту самую минуту продрогшій отъ холода, усталый, томимый голодомъ, одинокій среди безжизненной природы, вспоминалъ онъ родныя горы, старуху-мать, оливу, виноградъ, черноокую свою подругу и невольно спросите вы: для чего, какимъ вѣтромъ занесенъ онъ Богъ-знаетъ куда, на чужбину, гдѣ ни слова ласковаго, ни улыбки привѣтливой, гдѣ, вставши утромъ, не знаетъ онъ чѣмъ окончится день, гдѣ ему холодно, тяжело....

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ-СТОРОНА.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ-СТОРОНА.

Учись, другъ мой, часто мнѣ говаривала покойная бабушка, — когда я былъ еще ребенкомъ, — учись, выростешь да будешь уменъ, поѣдешь въ Петербургъ на службу, станешь носить шитый мундиръ, заживешь въ золотыхъ палатахъ на самой Петербургской-Сторонѣ на самой Дворянской-Улицѣ. Ты вѣдь дворянинъ.

Не знаю почему, а моя бабушка, никогда не бывъ въ Петербургѣ, имѣла высокое понятіе о Петербургской-Сторонѣ, можетъ-быть отъ-того, что у нашего деревенскаго священника былъ сынъ, служившій въ Петербургѣ.

Вамъ это странно? Погодите. Часто священникъ, обѣдая по праздникамъ въ нашемъ домѣ, разсказывалъ о своемъ сынѣ, какъ онъ живетъ въ столицѣ, какъ нерѣдко имѣетъ счастіе говорить съ генералами. При всемъ уваженіи къ священнику, бабушка, слушая разсказы его о сынѣ, кажется, не всему безусловно вѣрила и почти всегда говаривала: «дай-то Богъ мнѣ до смерти увидѣть, отецъ Петръ, вашего Ивана Петровича».

Желаніе старухи сбылось.

Въ одно прекрасное лѣто, Иванъ Петровичъ пріѣхалъ въ отпускъ къ своему батюшкѣ, отцу Петру, и *въ одинъ прекрасный день* явился къ намъ въ гости, въ какомъ-то невиданномъ въ нашихъ краяхъ мундирѣ, при шпагѣ съ треуголкою подъ мышкой.

Мы съ бабушкой разсматривали пріѣзжаго Петербургца какъ рѣдкаго звѣря; наконецъ она не вытерпѣла, подсѣла къ нему и закидала его разными современными вопросами о столицѣ, о скороходахъ и проч... Я уже забылъ эти вопросы, но недавно, перечитывая путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля, нашелъ что̀-то очень-похожее на нихъ въ простодушныхъ вопросахъ, дѣлаемыхъ заѣзжимъ Европейцамъ царицей Океанійскихъ Острововъ.

— Эдукованный человѣкъ, сказала бабушка, — когда ушелъ Иванъ Петровичъ: — много свѣта видѣлъ, да кажется привираетъ немного поповичъ: я, говоритъ, живу на самой Петербургской-Сторонѣ да еще въ Большой Дворянской Улицѣ!... Что онъ за большой дворянинъ такой?!... А впрочемъ, прибавила она, вздохнувъ отъ глубины души, чѣмъ нелегкая не шутитъ? Теперь свѣтъ вотъ какъ пошелъ!

И старуха быстро начала вертѣть однимъ указательнымъ пальцемъ около другаго.

Это было очень давно. Впрочемъ, и до-сихъ-поръ есть еще въ отдаленныхъ провинціяхъ люди, думающіе, что если Петербургъ хорошъ, то въ Петербургѣ Петербургская-Сторона должна быть верхъ совершенства; если дворяне высшее сословіе въ государствѣ, то какова же Дворянская Улица, да еще въ столицѣ?!

Бабушка и чиновникъ Иванъ Петровичъ во время онѣ представили моему дѣтскому воображенію Петербургскую Сторону какимъ-то эльдорадо, стороной волшебной, фантастической. Часто, бывало, читая въ *Тысячѣ и одной ночи* описаніе небывалаго замка, состроеннаго по всѣмъ правиламъ восточной

фантазіи, я воображалъ его въ столицѣ на Петербургской-Сторонѣ, непремѣнно въ Большой Дворянской Улицѣ, гдѣ всякій житель казался мнѣ такимъ большимъ дворяниномъ, что и сказать нельзя! то выѣзжающимъ съ визитомъ къ сосѣду въ золотой каретѣ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, то на охоту, окруженнымъ сотней егерей и доѣзжачихъ, на лихихъ коняхъ, при звукѣ трубъ и роговъ. И Богъ-знаетъ чего не рисовала мнѣ моя дѣтская фантазія!...

И вотъ прошло много лѣтъ. Давно уже любознательная бабушка лежитъ на деревенскомъ кладбищѣ. Молодыя березки, посаженныя на ея могилѣ, уже разрослись большими деревьями. Священникъ отецъ Петръ тоже умеръ. Не знаю, живъ ли Иванъ Петровичъ? до сихъ ли поръ обитаетъ онъ въ Дворянской Улицѣ? или переѣхалъ на Литейную, обзавелся лысиной, каретой, связями и важностію?... а мнѣ между-тѣмъ довелось пожить въ Петербургѣ, довелось увидѣть и Петербургскую-Сторону и Дворянскую Улицу.

Сравнивъ существенность съ моей прежней мечтой, сравнивъ видѣнное со слышаннымъ отъ бабушки и чиновника, я на опытѣ извѣдалъ справедли-

вость пословицы покойнаго отца Петра: *видьніе паче слуха*, и народной поговорки: *славны бубны за горами!...* Безотчетно вспомнилъ страницу исторіи Кайданова, гдѣ весьма краснорѣчиво описанъ Александръ-Македонскій и — каюсь — почти было-усомнился въ величіи, мудрости и храбрости *означеннаго героя*, даже готовъ былъ отъ души признать его миѳомъ.

Если у васъ много денегъ, если вы живете въ центрѣ города, катаетесь по паркетной мостовой Невскаго-Проспекта и Морскихъ улицъ, если ваши глаза привыкли къ яркому свѣту газа и блеску роскошныхъ магазиновъ, и вы, по врожденной человѣку способности, станете иногда жаловаться на судьбу, станете отъискивать причины для своихъ капризовъ, для своихъ мнимыхъ несчастій, то совѣтую вамъ прогуляться на Петербургскую-Сторону, эту самую бѣдную часть нашей столицы; посмотрите на длинные ряды узкихъ улицъ, изъ которыхъ даже многія не вымощены, обставленныхъ деревянными домами, чѣмъ далѣе отъ Большаго-Проспекта, тѣмъ тише, мрачнѣе, бѣднѣе... Вспомните, что въ нихъ живутъ десятки тысячь бѣдныхъ, но честныхъ тружениковъ, часто веселыхъ и

счастливыхъ по-своему и, вѣрьте, вамъ станетъ совѣстно вашихъ жалобъ на судьбу. Послѣ страшной тьмы узкаго грязнаго переулка, едва освѣщаемаго въ одномъ концѣ тусклымъ фонаремъ, вы оцѣните почти солнечный свѣтъ газа; послѣ неровной мостовой, толкающей васъ безпрестанно подъ бока, вы спокойно вздохнете, когда коляска ваша плавно покатится по торцевой мостовой; послѣ вида на мелочную лавочку съ разбитыми стеклами, ваши глаза пріятно отдохнутъ на зеркальныхъ окнахъ магазиновъ, уставленныхъ изъисканными предметами роскоши.

У всякаго свой вкусъ; но мнѣ кажется иногда очень полезно прогуляться по Петербургской-Сторонѣ.

Петербургская-Сторона прежде была лучшая часть города; здѣсь былъ дворецъ Петра-Великаго (который и до-сихъ-поръ сохраняется на берегу Невы, какъ драгоцѣнная рѣдкость); здѣсь жили люди именитые, какъ видно изъ названія Дворянскихъ-Улицъ; но въ-послѣдствіи многіе дворцы выстроились на другой противоположной сторонѣ и городъ, торгуя съ Москвой и центральными губерніями Россіи, началъ расширяться въ московской

заставѣ, а Петербургская-Сторона, отрѣзанная отъ центра города рѣкой, лежащая на сѣверѣ къ безплоднымъ финскимъ горамъ и болотамъ, начала упадать и сдѣлалась убѣжищемъ бѣдности. Какой нибудь бѣднякъ-чиновникъ, откладывая по нѣскольку рублей отъ своего жалованья, собираетъ небольшой капиталъ, покупаетъ почти за безцѣнокъ кусокъ болота на Петербургской-Сторонѣ, мало-помалу выстроиваетъ на немъ изъ дешеваго матеріала деревянный домикъ и, дослуживъ до пенсіона и сѣдыхъ волосъ, переѣзжаетъ въ свой домъ доживать вѣку — почти такъ выстроилась большая часть теперешней Петербургской-Стороны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пойдти по улицамъ и прочитать надписи на воротахъ домовъ. Здѣсь на желтыхъ дощечкахъ красуются всѣ чины, отъ коллежскаго регистратора до статскаго совѣтника. Большинство домовъ остается за титулярными совѣтниками и чиновниками 8-го класса; домовъ статскихъ совѣтниковъ мало, дѣйствительныхъ статскихъ и далѣе очень мало; есть домы отставныхъ канцеляристовъ, унтер-офицеровъ, отставныхъ камер-музыкантовъ, истопниковъ, придворныхъ лакеевъ, даже придворныхъ Араповъ. Домовъ купеческихъ немного и то болѣе на сторонѣ, прилежа-

щей къ Васильевскому-Острову, около Николы Морскаго; здѣсь лѣтомъ живетъ много биржевыхъ дрягилей и купцовъ псковскихъ и ржевскихъ, торгующихъ пенькой и льномъ.

Одинъ знакомый мнѣ старикъ разсказывалъ, что когда-то давно, во время его молодости, лѣтъ пятьдесять назадъ, онъ искалъ на Петербургской-Сторонѣ квартиру, прочелъ на воротахъ довольно опрятнаго домика надпись: *домъ отставнаго Арапа NN.*, и постучалъ въ ворота.

(NB. Тогда колокольчиковъ у воротъ домовъ Петербургской-Стороны не было, да и теперь не вездѣ есть эта роскошь.)

На стукъ моего знакомаго вышелъ изъ калитки сѣдой старичекъ въ бѣломъ халатѣ и такомъ же колпакѣ, что, при необычайной бѣлизнѣ лица, дѣлало его очень похожимъ на Альбиноса.

— Что вамъ угодно? спросилъ бѣлый старичекъ.

— Мнѣ нужно видѣть хозяина дома, отвѣчалъ мой знакомый.

— Я самъ хозяинъ, къ вашимъ услугамъ; и Альбиносъ приподнялъ колпакъ...

— Вы... хозяинъ?!...

— Точно такъ.

— Такъ вы... вы господинъ Арапъ?

— Точно такъ.

— Извините меня, я думалъ... я привыкъ...

— Ничего. Что вамъ угодно?...

— Я ищу квартиры; у васъ, кажется, есть.

— Прошу покорно.

Бѣлый Арапъ повелъ моего знакомаго смотрѣть квартиру; но квартира менѣе занимала моего знако-

маго, нежели мысль: отъ-чего Арапъ такъ побѣлѣлъ? Положимъ, отъ старости голова побѣлѣла; такъ рожа должна бы остаться черна, какъ сапогъ, а то и рожа бѣлая!? Думалъ, думалъ мой знакомый, ходя изъ комнаты въ другую, и наконецъ кое-какъ обиняками, тонко и вѣжливо далъ замѣтить Альбиносу свое удивленіе, отъ-чего дескать у него такая бѣлая рожа.

— Это не васъ первыхъ удивляетъ, спокойно замѣтилъ старичекъ: — я сталъ Арапомъ собственно по благоволенію начальства.

— Начальства?

— Точно такъ. Вотъ изволите видѣть: я служилъ просто истопникомъ, а какъ пришло время выходить въ отставку, жена и говоритъ мнѣ: «Григорій Ивановичъ, проспсь, чтобъ тебя отставили Арапомъ: вѣдь Арапамъ пенсіону вдвое больше». Штука! подумалъ я, и пошелъ къ начальнику, попросилъ какъ слѣдуетъ, представилъ резоны, жена дескать, дѣти... Вотъ онъ, — спасибо, былъ добрый человѣкъ,—представилъ меня Арапомъ и отставили меня съ арапскимъ пенсіономъ, а лицо-то у меня какое Богъ создалъ, милостивый государь!... Послѣ меня еще человѣка три вышло въ отставку тоже Арапами.

— И всѣ бѣлые?

— Точно такъ.

— Гдѣ же они?

— Живутъ здѣсь, неподалеку.

—

Бѣдные, по-большой-части неудобные домы небогатыхъ домохозяевъ почти всегда занимаются жильцами, живущими весьма не широко.

Положимъ жилъ-былъ человѣкъ, занимавшій мѣсто не важное по своему значенію, не важное по жалованью, но такъ называемое теплое мѣсто, благословенное свыше, доставляющее своему обладателю разныя блага, необходимыя для жизни, и жилъ чиновникъ на этомъ мѣстѣ долго, женился, обзавелся многочисленнымъ семействомъ; но жилъ безразсудно, что̀ называется безъ пути, не оглядываясь на прошедшее, не думая о будущемъ, водилъ дружбу съ знатью, давалъ великолѣпные вечера и обѣды, игралъ по большой въ преферансъ и проч. и вдругъ нечаянно объѣлся и умеръ. — На его мѣсто не замедлилъ явиться другой, который очень обязательно попросилъ съѣхать съ казенной квартиры семейство своего предшественника. Правительство, всегда попечительное, назначило женѣ и дѣтямъ умершаго, сообразно его жалованью, пен-

сіонъ; но пенсіонъ оказался ничтожнымъ для людей, привыкшихъ жить въ роскоши; ни мать, ни дѣти никогда не заботились узнать что-нибудь полезное, выучиться какому-нибудь рукодѣлію, а въ городѣ жить дорого, и вотъ онѣ, взваливъ свои пожитки, остатки прежней роскоши, на ломовыхъ извощиковъ, бредутъ печальною толпой на Петербургскую-Сторону.

Бѣдный чиновникъ-мечтатель, бросившій свой родной городъ и пріѣхавшій, что̀ называется, на обумъ искать въ столицѣ счастія, оглядывается съ ужасомъ на свое положеніе и удаляется на Петербургскую-Сторону — тамъ для него есть квартира по его карману, тамъ ему все напоминаетъ его родной провинціяльный городокъ.

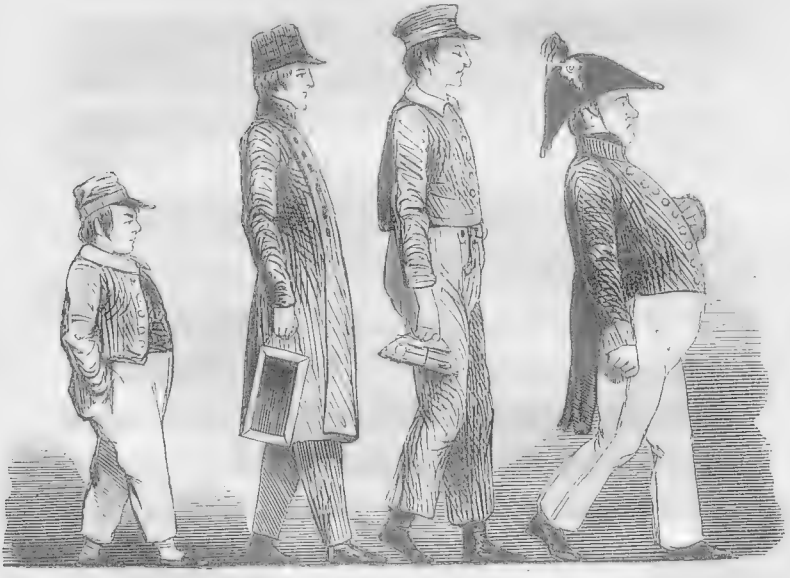
И освистанный актеръ, и непризнанный поэтъ, и оскорбленная чѣмъ-нибудь на бѣломъ свѣтѣ дѣвушка, всѣ убѣгаютъ на Петербургскую-Сторону, разселяются по мезонинамъ и въ тишинѣ предаются своимъ фантазіямъ.

На Петербургской вы найдете и несчастнаго купца-банкрота по глупости или по излишней довѣрчивости къ людямъ.

(NB. Банкроты, такъ называемые, злостные не

живутъ на Петербургской-Сторонѣ. Они любятъ шумъ и блескъ.)

Найдете заштатнаго чиновника; найдете юнаго чиновника, незахотѣвшаго учиться, который теперь живетъ на четырехъ стахъ рубляхъ жалованья; найдете бѣднаго по благороднаго родителя-провинціяла, привезшаго кучу сыновей для опредѣленія въ учебныя казенныя заведенія. Его можно легко замѣтить по важной осанкѣ, по здоровому красному лицу, по военному мундиру безъ эполетъ, треугольной шляпѣ съ перомъ и по тремъ четыремъ



недорослямъ въ нанковыхъ сюртукахъ и фуражкахъ, чинно идущимъ за нимъ. Любопытно видѣть, какъ это существо, полное сознанія своего достоинства, вѣжливо, любезно, почти робко дастъ дорогу каждому встрѣчному на тротуарѣ; сразу замѣтно и желаніе показать передъ сыновьями примѣръ тонкости свѣтскаго обращенія, и боязнь не обидѣть какъ-нибудь невзначай лицо можетъ-быть ему нужное современемъ.

На Петербургской вы найдете мастеровъ безъ подмастерьевъ и работниковъ, горничныхъ безъ барынь и барынь безъ горничныхъ, сады безъ деревьевъ и деревья безъ саду, растущія такъ-себѣ, Богъ знаетъ какъ и для чего; есть даже рѣчка Карповка, въ которой иногда не бываетъ воды и есть переулки постоянно покрытые лужами; въ этихъ переулкахъ плаваютъ утки, растутъ и цвѣтутъ болотныя травы и разныя водоросли.

На Петербургской вы можете отыскать людей, убившихъ весь свой вѣкъ и состояніе на тяжбы; впрочемъ, они рѣдко показываются на свѣтъ Божій и когда прочее народонаселеніе движется, суетится, топчетъ грязь по улицамъ и переулкамъ или крашеные полы на домашнихъ вечерахъ, эти несчаст-

ные сидятъ дома надъ бумагами, выводя въ тишинѣ невинные крючки.

На улицахъ ихъ не встрѣтишь; они не гуляютъ; они преданы своей мысли, своей цѣли. Самое лучшее средство ловить этихъ людей утромъ часу въ девятомъ у Мытнаго-Перевоза; сюда они собираются, чтобъ переѣхать въ Сенатъ, обремененные связками и свертками бумагъ. Одинъ мой знакомый разсказывалъ, что въ старые годы онъ часто видалъ тамъ одного худаго, чахлаго старичка, который съ видимымъ усиліемъ приносилъ подъ мышкой тяжелое толстое березовое полѣно, тщательно завернутое въ клѣтчатый бумажный платокъ; садясь въ лодку, онъ бережно клалъ его къ себѣ на колѣни, любовно глядѣлъ на него и укутывалъ заботливо, словно мать ребенка.

— Берегите, берегите его, Иванъ Ивановичъ, часто смѣясь говорили старичку молодые чиновники: — не равно простудится ваше полѣно, станетъ кашлять, спать не дастъ.

— Полно-те смѣяться, отвѣчалъ старичекъ:—оно мнѣ и такъ не даетъ спать.

— Да отъ-чего же?

— Развѣ я вамъ не разсказывалъ?

— Нѣтъ, право нѣтъ!...

— Ой разсказывалъ!...

— Нѣтъ, намъ не разсказывали; можетъ-быть Петру Петровичу разсказывали, а намъ нѣтъ.

— А можетъ-быть; Петру Петровичу точно я разсказывалъ. Это дѣло прелюбопытное, отъ этого полѣна зависитъ все мое состояніе; оно, изволите видѣть, милостивые государи, не простое полѣно, оно мое сердечное, образцовое... въ 17.. году я ставилъ подрядъ на дрова... и старикъ въ тысячный разъ разсказывалъ своимъ обычнымъ слушателямъ, какъ онъ ставилъ куда-то дрова по подряду, какъ ему не заплатили вполнѣ всѣхъ денегъ, потому, будто бы дрова были короче нежели положено по условію, какъ онъ съ премьеръ майоромъ А. и провинціяльнымъ секретаремъ Б., призвавши ихъ въ свидѣтели, взялъ собственными руками изъ кучи своихъ дровъ полѣно, такъ безъ выбору, зря, спряталъ его, завелъ дѣло... и проч... и теперь для доказательства, въ случаѣ потребуетъ надобность, постоянно, отправляясь въ Сенатъ, беретъ свое полѣно, высчитываетъ сколько носовыхъ платковъ износило это полѣно и т. п., словомъ, говорилъ пока лодка не привалила къ другому берегу и его слушатели не

разбѣгались по разнымъ направленіямъ; тогда и онъ вздохнувъ давалъ мѣдную монету лодочнику, бралъ полѣно подъ мышку и отправлялся въ Сенатъ.

На Петербургской вы найдете несчастныхъ аферистовъ, но только аферистовъ совершенно уничтоженныхъ аферами, незнающихъ за что ухватиться и собирающихъ въ тишинѣ всевозможные способы какъ бы вывернуться, выбиться или выползть изъ своего труднаго положенія.

(NB. Чуть аферистъ начнетъ оживать — сейчасъ же бросаетъ Петербургскую-Сторону; говорятъ, для нихъ тамъ нездоровъ климатъ и неспособно мѣстоположеніе.)

Впрочемъ, я говорю о большинствѣ населенія Петербургской-Стороны; собственно о колоритѣ ея. Ее перерѣзываетъ чистый прекрасный Каменноостровскій-Проспектъ, на которомъ стоитъ красивое зданіе Александровскаго-Лицея и годъ отъ году выстроиваются прекрасные домики частныхъ людей. Сторона ея, прилежащая къ Тючкову-Мосту, украшена кадетскими корпусами и другими огромными каменными зданіями. Здѣсь уже исчезаетъ патріархальная жизнь Петербургской-Стороны, здѣсь часто

вы увидите и карету и генеральскіе эполеты и щегольскія парныя дрожки доктора или экономa, часто услышите стройный хоръ полковой музыки, перѣдко мимоходомъ замѣтите на окнахъ богатыя занавѣси, въ комнатахъ изящную бронзу и порядочныя картины; здѣсь уже пьютъ шампанское, ѣдятъ трюфели и курятъ сигары, хотя больше домашняго приготовленія, однако всегда положенныя въ иностранный ящикъ съ краснымъ бандеролемъ; здѣсь толкуютъ объ оперѣ, хоть часто и не безъ грѣха, читаютъ журналы, судятъ о французскомъ спектаклѣ, правда часто по-наслышкѣ... Словомъ, здѣсь Петербургская-Сторона просвѣтилась.

Лѣтомъ вся вообще Петербургская-Сторона оживаетъ вмѣстѣ съ природой. Дачеманія, болѣзнь довольно люто свирѣпствующая между Петербургцами, гонитъ всѣхъ изъ города; люди, по словамъ одного поэта:

И скачутъ и ползутъ
И ѣдутъ и плывутъ

вонъ изъ Петербурга, кто побогаче подальше, а бѣдняки — на Петербургскую-Сторону; она, говорятъ, та же деревня, воздухъ на ней чистый, дома больше деревянные, садовъ много, къ островамъ близко, а главное недалеко отъ города; всего иному

три, иному только пять верстъ ходить къ должности.

Въ-слѣдствіе такого разсужденія, всѣ домы и домики, всѣ мезонины и чердаки занимаются дачниками; мелочные лавочники закупаютъ припасовъ втрое противъ обыкновеннаго; клавикордная улица, ведущая къ крестовскому перевозу, гремитъ отъ дрожекъ и заселяется безчисленнымъ множествомъ всякихъ торговцовъ и промышленниковъ; каждый вечеръ улицы и переулки оживляются гуляющими, толпами разноцвѣтныхъ дамъ и кавалеровъ... Идите по не очень ровному и немного шаткому досчатому тротуару и вы увидите въ подвальныхъ этажахъ, почти у ногъ своихъ, разныя трогательныя семейныя картины: то мужа играющаго на скрипкѣ въ то время, какъ жена кормитъ кашей грудного ребенка, то строгаго отца, дерущаго за уши сына, то семейство за чаемъ, то семейство встрѣчающее или провожающее гостя, то лицо безсмысленно смотрящее на улицу; въ среднемъ этажѣ, часто играетъ фортепьяно и шаркаютъ чьи-то ноги въ кадрилѣ или галопадѣ. Если на бѣду сторы спущены, вы можете, отъ нѣчего дѣлать, задуматься: кто тамъ танцуетъ? молодая ли пансіонерка, думающая, что

вся жизнь человѣка есть одинъ непрерывный веселый танецъ? или старая дѣва, пишущая хитрые вензеля ногами вокругъ человѣка, котораго она хочетъ во что бы то ни стало очаровать и сдѣлать своимъ мужемъ? или толстая барыня, мать огромнаго семейства, прыгающая до поту, такъ, съ дуру? или шаркаетъ молодой человѣкъ въ кадрилѣ передъ гадкой разрумяненной старухой, женой своего начальника? можетъ-быть, это первый опытъ его... какъ бы назвать?... ну, положимъ, его умѣнья жить въ свѣтѣ, съ которымъ онъ пойдетъ очень далеко и вы современемъ встрѣтитесь съ нимъ уже съ человѣкомъ важнымъ и значительнымъ... а если вы не любите мечтать передъ опущенными сторами — идите далѣе; вы можете услышать на мезонинѣ тихіе звуки гитары и пѣсню:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Ты не повѣришь, какъ ты мила!...

Иногда высоко на чердакѣ чихнетъ кто-нибудь очень громко, а съ улицы ему скажутъ: желаю здравствовать.

Вездѣ жизнь!

За то какъ замираетъ Петербургская-Сторона на зиму! Съ появленіемъ первыхъ желтыхъ листьевъ на деревьяхъ, дачники, словно перелетныя птицы,

перебираются въ центръ города; народонаселеніе уменьшается, сторона видимо пустѣетъ, становится день ото дня тише, мрачнѣе, печальнѣе, улицы покрываются грязью... И что это за улицы!... Кто проѣзжалъ Петербургскую-Сторону отъ Троицкаго-Моста на острова по Каменноостровскому-Проспекту, тотъ и не подозрѣваетъ существованія подобныхъ улицъ; сверните съ этого проспекта или съ Большаго хоть на право хоть на лѣво, и вы откроете бездну улицъ разной ширины, длины и разнаго достоинства, улицъ съ самыми разнообразными и непонятными названіями, увидите нѣсколько улицъ гребенскихъ, дворянскихъ, разночинныхъ, зеленыхъ, теряеву, подрѣзову, плуталову, односторонную, бармалѣеву, гулярную; тамъ есть даже Дунькинъ-Переулокъ и множество другихъ съ престранными кличками, есть даже улица съ именемъ и отчествомъ: *Андрей Петровичъ!* Иныя изъ нихъ вымощены камнемъ превосходно, другія тонутъ въ грязи и извощикъ осенью и весной ни за какія деньги не поѣдетъ по нимъ; по нѣкоторымъ будто для потѣхи разбросаны булыжники, которые, будучи втоптаны въ грязь и перемѣшаны съ ней, даютъ препепріятные толчки экипажамъ; еще нѣкоторыя выстланы поперегъ досками и ѣзда по

нимъ очень потѣшна, — ѣдешь будто по клавикордным клавишамъ.

На Большомъ-Проспектѣ Петербургской-Стороны часу въ пятомъ утра весной, очень дружно разговаривали два пріятеля, вышедшіе изъ одного дома, въ которомъ еще горѣли огни, хотя на дворѣ было уже довольно свѣтло.

Пріятели были молодые люди, опрятно одѣтые въ фраки съ какими-то свѣтлыми пуговицами.

— Ну прощайте! говорилъ одинъ другому.

— Нѣтъ не хочу, не хочу... А вѣдь мы славно покутили? а? Хозяинъ предобрый человѣкъ и шампанскаго было вволю.

— Ой-ли? а вы думаете это шампанское?

— А вы какъ думаете?

— Я думаю такъ-себѣ.

— Да и я почти то же... право!... а замѣтили вы, какъ на меня посматривала эта брюнеточка? а?...

— Замѣтилъ... А мнѣ все кажется, что это было просто шабли мусо...

— Да, да, именно шабли. Знаете, мнѣ чрезвычайно пріятно, что я такъ нечаянно познакомился съ такимъ прекраснымъ человѣкомъ.

— И мнѣ также, прощайте...

— Нѣтъ, погодите, куда вы? не хочу!...

— Чего вы не хотите?

— Не хочу «прощайте», лучше «до свиданія»! неправда ли лучше «до свиданія»? а? лучше «до свиданія»? а?

— Лучше; ну, до свиданія!

— Значитъ, вы меня навѣстите? а? навѣстите?

— Навѣщу, до свиданія!

— Погодите, куда вы?... до свиданія!!... а куда вы ко мнѣ прійдете?...

— Къ вамъ на домъ, въ вашъ домъ.

— Въ мой домъ?... хорошо, а гдѣ же мой домъ? а? гдѣ онъ, мой домъ, гдѣ?

— Въ улицѣ... извините, забылъ, такая мудреная улица, а у меня плохая память. Забылъ улицу, виноватъ, простите, забылъ.

— То-то забыли; въ Полозовой-Улицѣ. Понимаете? а? теперь до свиданія! приходите же! прійдете?

— Прійду, до свиданія!

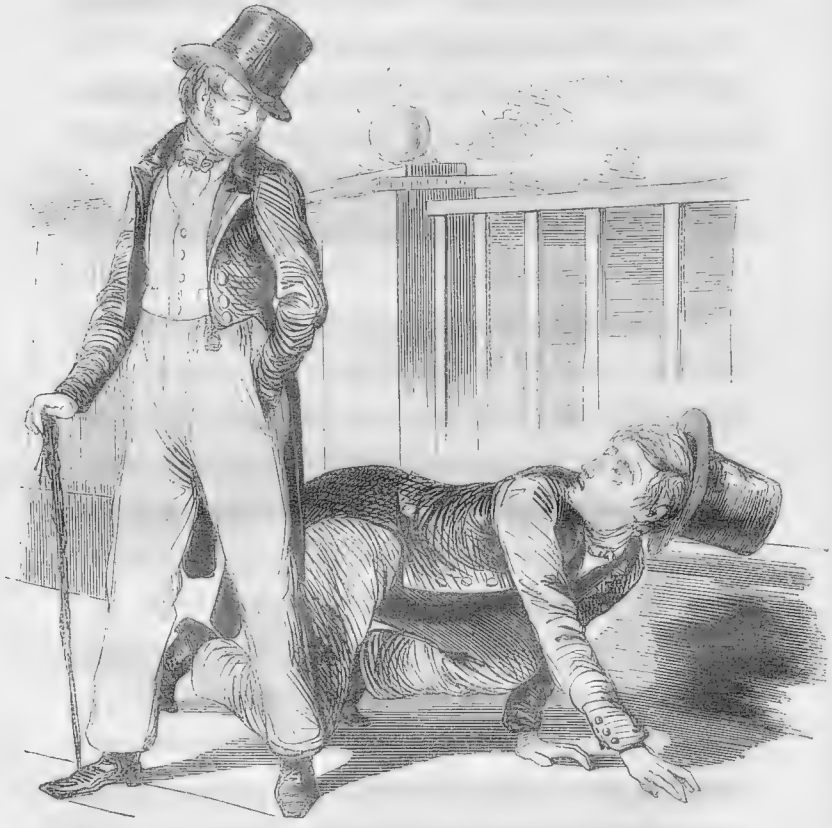
— До свиданія! А куда вы ко мнѣ прійдете?

— Въ вашъ домъ въ Подрѣзову-Улицу.

— Такъ и есть! опять забыли. У васъ гадкая память. Трудно было бы вамъ, еслибъ васъ теперь опять въ школу а?... трудно?

— Трудновато.

— Да, трудновато. Погодите, вотъ теперь не забудете моей улицы : слышите : полозова, полозова, полозова. Смотрите.



И одинъ пріятель поползъ по проспекту на четверенькахъ.

— Теперь не забудете?

— Нѣтъ, не забуду...

Пріятели разошлись въ разныя стороны. Я думалъ, что ползающій пріятель мистифировалъ другаго, пошелъ нарочно искать и нашелъ Полозову Улицу; но сколько ни разспрашивалъ у жителей, отъ-чего такое странное названіе у этой улицы? всѣ, будто сговорясь, отвѣчали: А такъ, обыкновенно названіе такое; какой же ей быть, коли не Полозовой?

На счетъ улицы Андрея Петровича, или Андрей Петровой я былъ немного счастливѣе.

Говорятъ, въ этой улицѣ жила когда-то счастливая чета, словно взятая живьемъ изъ романовъ Лафонтена; мужъ, Андрей Петровичъ, такъ любилъ жену, что и представить себѣ невозможно, а жена, Аксинья Ивановна, такъ любила мужа, что и вообразить невозможно (такъ выражалась разскащица Андрея Петровой улицы); вдругъ ни съ того ни съ другаго мужъ померъ, а жена осталась и тоже выкинула штуку: съѣхала съ ума съ печали, и вообразила, что она не Аксинья Ивановна, а Андрей Петровичъ, и что Андрей Петровичъ не умеръ, а только обра-

тился въ нее Аксинью, а въ существѣ остался Андрей Петровичемъ.

На свою прежнюю кличку она не откликалась, а когда ей говорили: «Андрей Петровичъ!» она всегда отвѣчала: *Ась?* и ходила въ мужскомъ платьѣ.

Народъ сходился смотрѣть на новаго Андрея Петровича и прозвалъ улицу Андрея Петрова.

(NB. Это одна изъ улицъ, куда извощики ни весной ни осенью не везутъ, боясь грязи.)

Еще замѣчательна на Петербургской-Сторонѣ одна изъ Зеленыхъ улицъ; она широка, обсажена большими деревьями и имѣетъ ворота при въѣздѣ и при выѣздѣ, такъ-что цѣлую улицу можно запереть на замокъ будто одинъ дворъ.

А прочія, не смотря на свое разное названіе, носятъ одинъ родственный отпечатокъ: вездѣ одинаковые или почти одинаковые домики съ мезонинами и безъ мезониновъ, палисадники въ два куста сирени или желтой акаціи, вездѣ мелочныя лавочки № 1 и въ лавкѣ бороды, продающія чай и шелкъ не на золотники и лоты, а на четвертаки, пятаки и другую монету... принимая ихъ за вѣсъ, чему туземцы ни мало не удивляются.

Жители Петербургской-Стороны обыкновенно обѣдаютъ дома; такъ называемой трактирной жизни здѣсь нѣтъ. Всякій женатый человѣкъ держитъ кухарку, которая кормитъ его, закупая припасы на Сытномъ-Рынкѣ, — вѣроятно, названномъ такъ потому, что на немъ кромѣ говядины, мучнаго товара и зелени ничего другаго не отыщете.

— А медъ, а грибы, а прочее? кричитъ обитатель Петербургской-Стороны.

— Медомъ и грибами можно быть сыту. Что же прочее?

— Напримѣръ: стекло, ведра, всякая деревянная посуда, гвозди, — это все есть на Сытномъ Рынкѣ.

Объ этомъ я спрашивалъ извѣстнаго корнеслова и онъ вотъ что отвѣчалъ мнѣ:

«Я зналъ одного храбраго человѣка, который, выпивъ рюмку водки, съѣдалъ самую рюмку т. е. стекло, иначе, говоря реторическимъ слогомъ, выпивъ содержимое, съѣдалъ содержащее и оставался невредимъ. У меня была лошадь, которая имѣла привычку грызть ведра и всякую деревянную посуду. И такъ, одни только гвозди кажутся матеріяломъ немного не съѣдомымъ, ну, да нѣтъ правила безъ исключенія!»

Такъ точно и я считаю исключеніемъ немногихъ холостяковъ, держащихъ на Петербургской-Сторонѣ кухарокъ, слѣдовательно, имѣющихъ у себя дома свой столъ; а вообще холостяки нанимаютъ у женатыхъ комнату съ прислугой и столомъ за 30 руб., а иногда и за 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Вамъ дадутъ за эту цѣну низенькую комнатку въ 1-мъ этажѣ съ ходомъ черезъ кухню; или на мезонинѣ, куда вы подымаетесь по крутой, темной, деревянной лѣстницѣ со скрипомъ; утромъ дѣвка или баба

принесетъ вамъ воды умыться; поставитъ самоваръ, иногда почиститъ сапоги, иногда вымететъ комнату, и почти всегда въ урочное время поставитъ передъ вами щи, еще что-нибудь, и еще что-нибудь.

Но по-большей-части жильцы обѣдаютъ вмѣстѣ съ хозяевами, свыкаются съ ними и составляютъ одно мирное семейство. — Обѣдъ вообще состоитъ изъ трехъ кушаньевъ. Комната обыкновенно бываетъ оклѣена обоями фіолетоваго или буро-зеленаго цвѣта съ разными сценами изъ миѳологіи.

(NB. Это самые дешевые обои; ихъ покупаютъ домохозяева въ лавочкѣ на Садовой недалеко отъ Щукина-Двора; платятъ по $2^1/_2$, иногда и по 2 копейки серебромъ за кусокъ и украшаютъ ими комнаты своихъ жильцовъ.)

Иногда еще въ щеляхъ подъ обоями бываютъ своего рода неприхотливые жильцы; иногда отъ оконъ сильно дуетъ; иногда, стѣны ли промерзаютъ или отъ какой другой тайной причины, бываетъ просто холодно въ комнатѣ; но это случайности, правда, частыя, а все-таки случайности.

Жители Петербургской-Стороны рѣдко принимаютъ къ себѣ жильцовъ съ часомъ. «Чай дѣло дорогое», обыкновенно говорятъ отдающіе квартиру,

«къ вамъ пожалуютъ, милостивый государь, гости, гости чай любятъ, а взять съ васъ дорого не приходится, да вы и не дадите. Да и вамъ: то пальемъ несладко, то сладко, возникнутъ неудовольствія!... Боже мой! а у меня такая натура, что мнѣ это ножъ вострый въ сердце; я люблю обходиться съ благородными людьми дружественно. А вотъ, вамъ самоваръ поставитъ Авдотья на мой счетъ и за уголья ничего не положу... хоть нонче, правду сказать, уголья стали дороги, рѣдкостны... Да-съ, вотъ вамъ комната, ею останетесь довольны, добрая комната... Не на улицу окнами, я не стану скрывать, за то прямо на солнце, для цвѣтовъ очень полезно, да и птичка, если у васъ есть, станетъ пѣть цѣлый день; пожалуй и нахлѣбникомъ я васъ возьму, обѣдъ пристойный, безъ этихъ французскихъ бульоновъ, безе да всякихъ артишоковъ, а пристойный штаб-офицерскій обѣдъ, смѣю сказать; я самъ люблю пообѣдать; у меня, что я ѣмъ, то и нахлѣбникамъ, а чай уже свой имѣйте, и для васъ выгоднѣе и для меня спокойнѣе.

Недалеко отъ корпусовъ живутъ унтер-офицерши, держащія коровъ, и пускаютъ къ себѣ жильцовъ, или такъ называемыхъ нахлѣбниковъ рублей за пятнадцать или за семьнадцать съ полтиной на

ассигнаціи въ мѣсяцъ. Здѣсь даютъ человѣку мѣсто для кровати въ общей комнатѣ съ хозяевами и кормятъ его ежедневно обѣдомъ и ужиномъ большею частію молочнымъ. — Подобныя квартиры почти всегда занимаютъ юноши.

Люди пожилые съ просѣдью, съ цвѣтомъ лица красноватымъ, презираютъ молочную пищу, говорятъ, что они давно вышли изъ пеленокъ, и, платя гдѣ-нибудь за уголъ рубль серебромъ, обѣдаютъ постоянно у молочнаго лавочника, за гривенникъ въ день. Странно, что ни одинъ лавочникъ не возьмется кормить васъ обѣдомъ помѣсячно, и всегда на подобное предложеніе отвѣчаетъ:

— Статочное ли дѣло; у насъ не *растеряція*, — гдѣ у насъ обѣдъ! мы и сами обѣдаемъ что̀ Богъ послалъ.

А приходите къ нему каждый день, и онъ съ удовольствіемъ дастъ покушать своихъ щей или пирога и студню съ хрѣномъ и квасомъ, и возьметъ за обѣдъ гривенникъ.

Люди, недавно переѣхавшіе на Петербургскую съ той стороны или изъ провинціи, пока еще не опознаются на мѣстѣ и не поймутъ нравовъ жителей, берутъ обѣды у единственнаго какого-то кухмистера и платятъ по рублю ассигнаціями за обѣдъ изъ

четырехъ кушаньевъ. Кушаньевъ, правда, дается четыре, какъ ни считай, хоть съ супа до пирожнаго, хоть съ пирожнаго до супа включительно; но человѣкъ не больной, съѣвшій всѣ четыре кушанья, если не заболѣетъ, то по какому-то страшному закону природы получаетъ позывъ на ѣду и начинаетъ думать: какъ бы мнѣ, или гдѣ бы мнѣ сегодня еще разъ пообѣдать?

Проѣзжая по одной изъ довольно большихъ улицъ Петербургской-Стороны, вы увидите на углу этой улицы и перпендикулярнаго къ ней переулка, большой шестъ съ прибитой къ нему доской темно-синезеленовато-сѣраго цвѣта; на доскѣ большими желтыми буквами написано: *Кухмистеръ .....овъ пріуготовляетъ*—и болѣе ничего. Величина ли доски не позволила окончить надпись, или старикъ Сатурнъ, пролетая надъ Петербургской-Стороной, задѣлъ косой за эту вывѣску и отбилъ любопытное поясненіе: что̀ *пріуготовляетъ кухмистеръ?* во всякомъ случаѣ вещь или снадобье, которое пріуготовляетъ ....овъ, остается загадкой для публики. Впрочемъ, человѣкъ, одаренный способностью мышленія и соображенія, особливо голодный, можетъ легко сообразить, что хотя кухмистеру и не запрещено *пріуготовлять* лакъ, ваксу, фейерверки и что-нибудь подобное,

однако всего ближе ему *пріуготовлять* кушанье. На этомъ основаніи, догадливый читатель можетъ своротить съ улицы въ узкій переулокъ и болѣе помощію обонянія, нежели зрѣнія отыскать жилище кухмистера. Это жилище — деревянный бревенчатый домикъ въ два этажа. Хозяинъ, т. е. кухмистеръ, встрѣтитъ васъ въ пріемной комнатѣ въ два окна на дворъ; надъ окнами висятъ клѣтки, въ клѣткахъ чиликаетъ чижикъ и поетъ датскій жаворонокъ; между окнами стоитъ столъ, накрытый скатертью не въ первой чистотѣ; подлѣ стола два стула, обтянутые кожей; противъ кожаный диванъ; надъ нимъ зеркало. Здѣсь кухмистеръ принимаетъ своихъ посѣтителей, увѣряетъ ихъ, что на Петербургской-Сторонѣ только и можно кушать именно у него, что онъ за поясъ заткнетъ Французовъ, что Французы только хвастаютъ, а Русскій ихъ всегда осилитъ и очень-ловко приводитъ въ примѣръ этому войну 12 года. Языкъ и выраженія кухмистера тихи, гибки, убѣдительны, какъ человѣка, который хочетъ попавѣдаться о здоровьѣ вашего кармана. — Получа плату на обѣдъ за мѣсяцъ впередъ, кухмистеръ уже выражается рѣзче, какъ русскій человѣкъ, у котораго нѣкоторымъ образомъ вы въ рукахъ. Если человѣкъ, получающій обѣдъ,

поймаетъ въ супѣ таракана и представитъ его кухмистеру съ замѣчаніемъ, что дескать это лишнее, я за это и денегъ не платилъ, тогда кухмистеръ отвѣчаетъ, — это такъ-себѣ.

— Какъ такъ-себѣ? просто гадость!

— Что вы? какъ гадость! благодаря Бога, мы за гадость денегъ не беремъ!

— Это тараканъ!

— Какой тараканъ! таракана мы бы увидѣли и сами, это просто побѣгушечка...

Если еще продолжаютъ спорить, то кухмистеръ начинаетъ грубить, замѣчаетъ, что онъ невиненъ, если на кухнѣ завелись тараканы, и для всякаго не намѣренъ перемѣнять квартиры. — «А впрочемъ, коли случится что такое въ кушаньѣ, то пожалуй пришлите, я перемѣню» прибавитъ онъ подъ-конецъ немного мягче.

— На что же оно вамъ?

— Въ хозяйствѣ сдастся; вотъ на печкѣ въ другой комнатѣ сидитъ слѣпой старикъ мой отецъ, все съѣстъ! — только подавай.

При концѣ мѣсяца, кухмистеръ даетъ кушанья лучше, порціи больше; иногда изумляетъ неожиданно курицей или вычурнымъ пирожнымъ или майонезомъ изъ дичи, который онъ называетъ га-

лантиромъ. — Сейчасъ видно, что кухмистеру хочется завербовать васъ на другой мѣсяцъ.

На Петербургской-Сторонѣ, какъ въ бѣдной части города, нѣтъ ни театровъ, ни фокусниковъ, ни звѣринцевъ, словомъ никакихъ удовольствій, способствующихъ убить праздное время за деньги; да и вообще замѣчаютъ, что жители Петербургской-Стороны не охотники до сценическихъ представленій и даже рѣдко посѣщаютъ Александрынскій-Театръ. Мнѣ кажется, это обвиненіе несправедливо, а вѣрнѣе, что простынетъ хоть какая горячая охота отъ путешествія съ Петербургской-Стороны въ Александрынскій-Театръ по осенней сырости и слякоти или зимней вьюгѣ и морозу; но что Петербургцы въ свободные часы, какъ и всѣ люди, любятъ посмѣяться и поплакать отъ чужаго горя, этому служитъ доказательствомъ жажда, съ какою, говорятъ, они старались во время дно достать билетъ на представленія въ домашнемъ театрѣ — куда пускали и за деньги, — какого-то стараго весельчака, который устроилъ-было театръ на Петербургской-Сторонѣ.

Жилъ-былъ, говорятъ, нѣкогда въ Петербургѣ на Петербургской-Сторонѣ старикъ съ состояніемъ и чинами, старикъ превеселаго характера и предоброй души. Его Богъ не благословилъ законными дѣтьми,

за то старикъ держалъ у себя полонъ домъ воспитанницъ, любилъ ихъ, какъ родныхъ, любовался ими и не могъ на нихъ насмотрѣться.

Какъ-то въ день имянинъ старика воспитанницы ему сдѣлали *сюрпризъ*, одѣлись не то пастушками,

не то богинями, словомъ драпировались какъ-то въ родѣ женщинъ на картинкахъ древней греческой

миѳологіи, надѣли на голову вѣнки, въ руки взяли подносъ и поднесли на немъ въ подарокъ имянинницу своей работы кошелекъ... При этомъ хоромъ запѣли стихи, написанные по случаю имянинъ какимъ-то старымъ учителемъ:

Твое къ тебѣ обратно притекаетъ,
Пріими къ душѣ пылая пылъ сердецъ!
Отъ Пинда даръ къ тебѣ здѣсь привлекаетъ
Сонмъ дѣвъ, прими ихъ трудъ ты какъ отецъ!
Хоть богинями одѣты
Любимъ мы тебя какъ дѣти
Намъ подобныхъ съищешь гдѣ ты?...

Старику очень понравились и кошелекъ, и пѣсня, и костюмировка воспитанницъ; эта новость пріятно расшевелила его засыпающія чувства; онъ расцаловалъ богинь и тутъ же далъ себѣ слово устроить театръ. Театръ былъ устроенъ очень недалеко отъ Малаго-Проспекта и улицы, ведущей къ Крестовскому-Перевозу. Для этого очистили обширный мучной амбаръ, возвысили сцену, сдѣлали углубленіе для оркестра изъ дешевыхъ обоевъ, состроили декораціи, занавѣсъ былъ изъ бѣлаго холста, подымался и опускался какъ стора; на немъ была изображена огромная одинокая лира; вокругъ лиры не было ни обычныхъ облаковъ, ни лавроваго вѣнка,

ни даже цвѣточной гирлянды. Въ театрѣ были поставлены простыя бѣлыя длинныя скамьи изъ досокъ, мѣста на скамейкахъ не были раздѣлены ни чѣмъ, но на нихъ были написаны нумера, такъ-что каждый посѣтитель садился на нумеръ; нумеровъ было до ста; прямо противъ сцены красовалась ложа учредителя театра, обклеенная дешевыми обоями; надъ партеромъ висѣла деревянная звѣзда; въ нее ставили обыкновенно шесть свѣчекъ; это называлось люстрой. Кромѣ этого въ оркестрѣ горѣло четыре свѣчки. Оркестръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ и баса; иногда баса замѣняла флейта или кларнетъ. Музыканты были аматёры; на сценѣ, кромѣ воспитанницъ учредителя, играли знакомые чиновники и старый учитель, говорятъ, неподражаемый комикъ. Этотъ театръ, разумѣется, сначала былъ домашнимъ, но въ послѣдствіи, говорятъ, можно было получать билеты и за деньги.

Даромъ ли, за деньги ли, но театръ всегда былъ полонъ, громкія рукуплесканія и *браво* явно говорили за удовольствіе зрителей. Онъ оживлялъ однообразіе Петербургской-Стороны; объ немъ говорили, спорили и когда, со смертію учредителя, закрылись представленія, то всѣ не въ шутку загрустили. Вскорѣ послѣ этого подоспѣло наводненіе;

объ немъ заговорили въ свою очередь; оно сдѣлалось современною новостью и театръ былъ позабытъ какъ и все на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что на Петербургской могъ бы существовать театръ не дорогой, чисто народной; для него бы нашлись своя публика и свои пьесы, сообразныя съ потребностью, вкусомъ и мѣстными отношеніями жителей. Иногда на Петербургской-Сторонѣ полковые музыканты и кантонисты представляютъ у себя въ казармахъ разные водевили. Какъ они играютъ, объ этомъ судить не наше дѣло, но всегда всѣ мѣста въ этихъ театрахъ бываютъ заняты и много публики печально возвращается домой, немогши достать билетовъ. Обыкновенно здѣсь за первыя мѣста платятъ 30 коп. сер., а за послѣднія гривенникъ. Кухарка, обсчитывающая господина, лакей-пройдоха и т. п., являясь на сценѣ, находятъ здѣсь живое сочувствіе.

Почти рядомъ съ театромъ какой-то аферистъ выстроилъ во время оно на Петербургской-Сторонѣ на Маломъ-Проспектѣ деревянный гостиный дворъ — и до-сихъ-поръ стоитъ это зданіе; съ колонадой вокругъ, почернѣлое, ветхое, снутри разобранное, но снаружи сохраняющее еще всѣ наружныя формы; очень грустное чувство наводитъ это зданіе, стоящее, лучше сказать разрушающееся посреди ма-

ленькихъ домиковъ и грязныхъ улицъ; все въ немъ мертво, черно; окна и двери страшно темнѣютъ, словно глазныя ямы на мертвомъ черепѣ. Ни жизни, ни звука въ этихъ развалинахъ, только иногда, проходя мимо вечеромъ, услышишь осторожный трескъ, потомъ сопъ и гдѣ-нибудь покажется изъ двери оборванная дѣвчонка, украдкой тянущая полугнилую доску или бревно, да иногда изъ-подъ фундамента залаетъ на проходящаго какая-то собака.

Собственныхъ лошадей и экипажей на Петербургской очень мало, и то почти только по Большому-Проспекту къ Тючкову-Мосту и въ окрестностяхъ кадетскихъ корпусовъ. Петербургцы болѣе ѣздятъ на извощикахъ, а еще болѣе любятъ ходить пѣшкомъ; отъ этого извощиковъ очень мало на Петербургской-Сторонѣ: весной, осенью и зимой часу въ 9-мъ вечера вы не найдете рѣшительно ни одного извощика, развѣ на Большомъ-Проспектѣ, да и то не всегда; еще зимой стоятъ нѣсколько санокъ въ Малой-Дворянской, у домика Петра-Великаго, откуда они перевозятъ черезъ Неву на ту сторону къ Гагаринской-Пристани и къ Мраморному-Дворцу.

Трактировъ и кафе-ресторановъ, гдѣ бы можно было пообѣдать или позавтракать, на Петербургской

рѣшительно не имѣется; правда, на Большомъ-Проспектѣ у Сытнаго-Рынка и въ Большой-Дворянской есть нѣсколько вывѣсокъ съ надписью *въ ходъ взавьдьніе*, но въ нихъ только пьютъ чай извощики и простой народъ; одно изъ этихъ *завьдьній*, стоящее почти у самаго Самсоновскаго-Моста, называется *Мысъ Доброй Надежды;* здѣсь когда-то, очень давно, бывало, кутятъ выпускные студенты Медицинской-Академіи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, вдругъ неожиданно на углу Малаго-Проспекта и улицы, ведущей къ Крестовскому-Перевозу, появилась вывѣска съ надписью *Кондитерская;* она красовалась, привлекала вниманіе проѣзжающихъ и проходящихъ по воскресеньямъ на Крестовскій-Островъ, и, простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ, внезапно скрылась, исчезла. Содержалъ эту кондитерскую какой-то хромой ветеранъ наполеоновской службы; хвалилъ своимъ посѣтителямъ Наполеона, со слезами на глазахъ показывалъ портретъ, висѣвшій за стекломъ въ углу кондитерской, и очень мало продавалъ своихъ издѣлій.

Я думаю многіе помнятъ этотъ удивительный портретъ, просто сказать, лубочной гравировки картину, на которой былъ представленъ Наполеонъ

во весь ростъ, вершка въ полтора величиной, въ узкихъ брюкахъ съ руками какъ-то нелѣпо заложенными въ брюки. Въ жаркій лѣтній день послѣ обѣда, гуляя по Петербургской-Сторонѣ, я зашелъ въ эту кандитерскую и спросилъ порцію мороженаго. «Слушаю-съ» сказалъ мальчикъ, стоявшій у прилавка, и опрометью бросился изъ комнаты.

Прошло минутъ десять; я успѣлъ препорядочно разсмотрѣть картину, изображающую Наполеона, изумился храбрости, съ какою были придѣланы руки къ брюкамъ, а мальчишки все не было; наконецъ дверь отворилась, вошла довольно пожилая женщина въ чепчикѣ и уставила на меня вопрошающіе глаза.

— Скоро ли будетъ мороженое?

Женщина молча вышла.

Немного погодя, дверь полуотворилась; изъ-за нея высунулась лысая голова хозяина кандитерской, пожилаго человѣка. Я опять спросилъ мороженаго. Голова исчезла, а явился мальчикъ и объявилъ, что мороженое не заморозилось и будетъ не раньше какъ черезъ два часа. Я спросилъ лимонаду. Мальчикъ побѣжалъ очень скоро и пропалъ; опять вышла прежняя женщина и сказала мнѣ, что лимонадъ вышелъ.

— Дайте хоть оршаду?

Женщина ушла и явилась сначала лысая голова хозяина, а за ней туловище, одѣтое въ сѣрый панковый сюртукъ. Хозяинъ прихрамывая подошелъ ко мнѣ и заговорилъ какими-то странными звуками въ родѣ тѣхъ, какъ уличные мальчишки дразнятъ въ подворотню собакъ.

— Что такое?

— Оршеадъ кисъ-кисъ, оршеадъ скисъ и проч... Всилу я догадался, что оршадъ окисъ, и хозяинъ на препепонятномъ русскомъ нарѣчіи предложилъ мнѣ выпить чашку шеколаду или стаканъ воды съ сахаромъ.

Такъ дебютируя, новая кандитерская не могла долго существовать, что и случилось; но къ удивленію всѣхъ, вывѣска, исчезнувъ съ Малаго-Проспекта, какъ добрый нырокъ, вдругъ явилась на Большомъ. Здѣсь подъ тою же вывѣскою также ничего нельзя было отъискать, также за дверью висѣла гравюра, также на гравюрѣ рисовался въ мундирѣ Наполеонъ, съ руками запущенными въ брюки, и хромой лысый хозяинъ по старому мало продавалъ и много разсказывалъ про Наполеона.

Кромѣ обыкновенныхъ церковныхъ праздниковъ и торжественныхъ дней, большинство публики на

Петербургской-Стороне, состоящее изъ чиновниковъ, служащихъ въ Сенате, въ губернскихъ местахъ и т. п., имеетъ свой праздникъ, продолжающійся несколько дней, растягивающійся или укорачивающійся, смотря по силе мороза; этотъ праздникъ — *рѣкоставъ*.

Если осенью утромъ вы увидите на первой линіи Васильевскаго-Острова необыкновенныя толпы людей прилично одетыхъ, которые смѣясь и весело разговаривая тянутся отъ Исакіевскаго-Перевоза къ Тючкову-Мосту, неся подъ мышками портфели и бумаги, то можете быть увѣрены, что праздникъ начался, и что ледъ на Невѣ если не сталъ, то рѣшительно не позволяетъ переправиться на ту сторону... Иногда этотъ праздникъ продолжается цѣлую недѣлю и болѣе. Въ это время, начинаются у жителей Петербургской-Стороны визиты, вечерники, дружескій преферанчикъ, танцы и разныя удовольствія, словно на святкахъ, несмотря на дороговизну жизненныхъ припасовъ.

Жизненные припасы, особливо говядина, въ это время возвышаются въ цѣнѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, до постройки постояннаго Тючкова-Моста, на Петербургской во время рѣкостава бывала дешева дичь, потому-что деревенскіе жители, привозя

дичь, не могли переправить ее на ту сторону и должны были сбывать на Петербургской, а Петербургская-Сторона не любитъ набивать цѣны; — но теперь и этого не случается — островъ закупаетъ все и платитъ хорошо.

Неговоря о торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ свадьбахъ, имянинахъ значительныхъ лицъ и т. п., гдѣ бываетъ музыка, вообще жители Петербургской-Стороны на своихъ вечерахъ пляшутъ подъ фортепьяно; здѣсь не играетъ, какъ напримѣръ въ Коломнѣ, нанятый за три цѣлковыхъ на всю ночь франтъ Нѣмецъ, а по-большей-части какая нибудь старая *дѣвица* по родству, по знакомству, по пріязни, по различнымъ отношеніямъ, иногда просто за старое платье, за фунтъ кофе или за полтинникъ; она играетъ роль среднюю между мужчиной и женщиной; ей *дѣвицы* шепчутъ всякія тайны и *кавалеры* говорятъ что-то въ полголоса, а она то погрозитъ пальцемъ на розовое платьице, то сдѣлаетъ гримасу вицмундиру, то поглядитъ на синій фракъ и значительно сведетъ съ него глаза на хозяйскую дочку и заиграетъ галопадъ: все закружится, запляшетъ, и синій фракъ галопируетъ съ хозяйской дочкой...

Но чаще всего обходятся танцовальные вечера даже и безъ дешевой музыкантши, а играетъ хо-

зяйка или хозяйская дочь, или сестра, очередуясь съ какой-нибудь родственницей, или пріятельницей; въ такомъ случаѣ, послѣ каждой кадрили, дѣвушки спѣшатъ къ фортепьяно благодарить игравшую; кто ей дѣлаетъ реверансъ, кто жметъ руки, кто ни съ того, ни съ другаго, цалуетъ ее прекрѣпко — это дѣлаютъ по-большой-части дѣвушки, танцовавшія *съ кавалеромъ по душѣ*. Кавалеры тоже благодарятъ музыкантшу; нѣкоторые острятъ при этомъ случаѣ, а нѣкоторые очень простодушно говорятъ:

— Извините, сударыня, мы васъ совсѣмъ замучили.

— Напротивъ мнѣ очень пріятно, отвѣчаетъ *она* еще простодушнѣе.

Въ домахъ, гдѣ нѣтъ фортепьянъ, а есть дѣвушки, часто пляшутъ подъ скрипку. Въ такихъ домахъ никогда не переводится знакомство съ скрипачемъ. Еще иногда пляшутъ подъ гитару; но это больше случается на холостыхъ вечеринкахъ. Тамъ часто слышится удалая пѣсня, отчаянные аккорды гитары и привизточка и звонъ стакана, но Богъ съ ними! этихъ вечеровъ мы не станемъ описывать.

Послѣдняя степень танцовъ бываетъ просто *подъ языкъ*. Я не шутя говорю это. Человѣкъ — странное животное, ему когда весело, онъ запляшетъ и подъ

языкъ; еще, пожалуй, самъ станетъ и плясать и напѣвать для себя танецъ.

О подобномъ вечерѣ на Петербургской-Сторонѣ вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый туземецъ.

Сошлись какъ-то мы въ Дмитріевъ-день на именины къ нашему добрѣйшему Дмитрію Дмитріевичу... Вѣдь вы его знаете?

— Нѣтъ.

— Очень жаль; всѣ знаютъ Дмитрія Дмитріевича; онъ добрый малый, старый холостякъ и большой охотникъ до фонтановъ. Вотъ пришли мы къ нему на именины посидѣть вечерокъ; пришло насъ человѣка четыре, да пришелъ его добрый старинный пріятель и кумъ, даже другъ, можно сказать, полицейскій офицеръ съ женою. Дмитрій Дмитріевичъ крестилъ всѣхъ дѣтей у этого офицера, такъ вотъ къ куму и привелъ, знаете, по родству, офицеръ свою жену и трехъ дочерей, крестницъ Дмитрія Дмитріевича, дѣвушекъ уже взрослыхъ; хотя Дмитрій Дмитріевичъ живетъ холостякомъ, ну да онъ человѣкъ пожилой, притомъ же кумъ, не грѣхъ его навѣстить дѣвицамъ въ торжественный день; жена офицера принесла куму въ подарокъ чайную

чашку съ золотой надписью: *въ знакъ любви;* кумъ былъ очень радъ, поставилъ чашку на коммодъ въ гостиной и всѣмъ ее показывалъ; всѣ осматривали чашку, читали надпись и поздравляли именинника съ подаркомъ, а сосѣдъ Иванъ Ивановичъ, поставивъ ее на ладонь, легонько пощелкалъ по ободочку указательнымъ пальцемъ и, прислушавшись къ звону, сказалъ, что подарокъ цѣнный, крѣпкій и навѣрное проживетъ лѣтъ сотню, если его не разобьютъ. Всѣ очень смѣялись этому; Иванъ Ивановичъ большой весельчакъ и душа компаніи. — Хозяинъ тутъ же приказалъ подавать чай. Послѣ чего выпили по рюмкѣ мадеры — не какой-нибудь мадеры, а отличной буцовской, вотъ съ угла Большаго-Проспекта. Выпивши, мы принялись за карты, а дамы за постилу.

Дмитрій Дмитріевичъ любитъ, чтобъ у него было весело, а тутъ видитъ, что дамы съѣли всю постилу, да имъ уже и дѣлать больше нѣчего, видимо наровятъ уйдти домой, уже и перчатки старуха натягиваетъ. — Куда вы? кума! говоритъ онъ, да я васъ не пущу! да у меня пирогъ есть съ угремъ и съ визигой. Кума отговариваться, кумъ упрашивать, подняли такой шумъ и крикъ, что я уже не могу

хорошенько доложить вамъ, кто изъ нихъ первый въ этомъ содомѣ заговорилъ о танцахъ; слышу, что Дмитрій Дмитріевичъ проситъ Ивана Ивановича поиграть на скрипкѣ. Послали къ Ивану Ивановичу за скрипкой. Не скоро пришелъ посланный безъ скрипки. Кухарка, говоритъ, Ивана Ивановича ушла куда-то въ гости, заперла квартиру и ключъ унесла. Послали еще къ кому-то за скрипкой и тамъ не достали, — а офицерскія дочки давай дуться: «мы бы, говорятъ, сегодня у Дмитрія Осиповича цѣлый вечеръ танцовали». Тутъ Иванъ Ивановичъ показалъ себя; составилъ четыре пары, уставилъ ихъ какъ слѣдуетъ въ кадриль и давай напѣвать кадриль, знаете, изъ тирольскихъ пѣсень. Всѣ много смѣялись, говорили: «вотъ смѣшно! ужасть какъ смѣшно», а все-таки плясали. Дмитрій Дмитріевичъ былъ въ восторгѣ, что кума и ея три дочери прыгали по гостиной. Въ 6-й фигурѣ, Иванъ Ивановичъ изобрѣлъ новую какую-то фигуру, безпрестанно напѣвая:

Ужь кутить, такъ кутить,
Я женюсь, такъ и быть.

Дмитрій Дмитріевичъ не плясалъ, а слыша часто, что Иванъ Ивановичъ, толкая дамъ то въ ту, то въ другую сторону, кричалъ: *шенъ, крестъ, шенъ,*

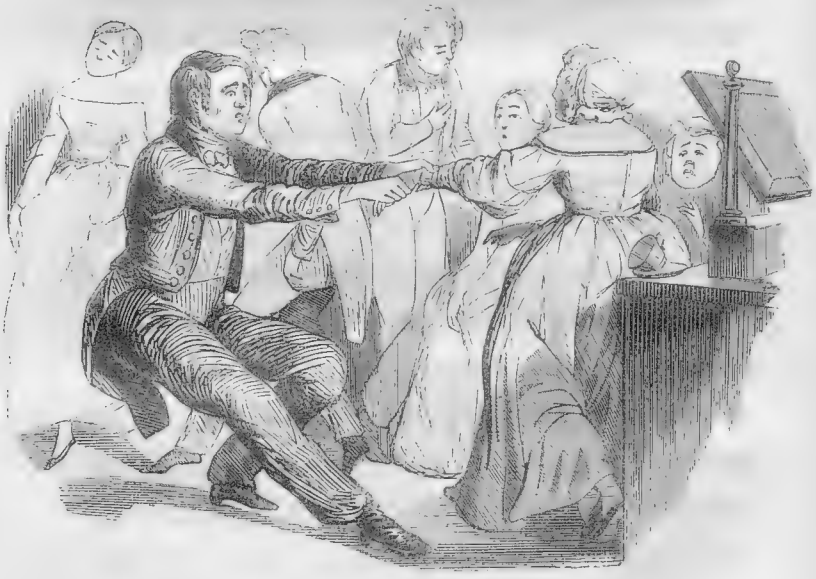
крестъ!!! — въ восторгѣ подпѣвалъ на тотъ же голосъ:

Кума шенъ, кума крестъ,
Кума шенъ, кума крестъ.

И вдругъ, не теряя такты, завопилъ страшнымъ голосомъ на тотъ же мотивъ:

Кума дальше отъ коммода!
Кума чашку разобьешь!!!...

Оканчивая послѣдній стихъ, онъ сильно потянулъ



куму за обѣ руки отъ коммода, но уже было поздно: кума растанцовалась, забыла о тѣснотѣ комнаты, о

коммодѣ и, выдѣлывая какіе-то на, все пятилась къ коммоду, пока не столкнула съ него спиной чашки.

Кадриль кончился печально. Хозяинъ принялъ *разбитіе чашки* на коммодѣ за дурной знакъ, немного даже прихворнулъ, но черезъ недѣлю оправился; только и осталось, что между пріятелями и теперь называютъ Дмитрія Дмитріевича: *Ахъ ты кумашёнъ этакой!...*

Описывая разсказъ моего знакомаго о Дмитріѣ Дмитріевичѣ, охотникѣ до фонтановъ, я вспомнилъ, что точно видѣлъ на Петербургской-Сторонѣ небольшой садъ, съ разными дѣтскими бесѣдочками изъ хмѣля и другихъ вьющихся растеній; почти передъ каждой бесѣдкой этого сада да и такъ, просто на перекресткахъ дорожекъ, были фонтаны или лучше сказать пародіи на фонтаны, потому-что они брызгали не выше полуаршина отъ земли, иной струей въ питочку, а иной въ снурокъ, какимъ обыкновенно обвязываютъ сахарныя головы; эти гидравлическія игрушки были устроены самимъ хозяиномъ дома, безъ помощи ученыхъ механиковъ, просто по русской смѣтливости. Хозяинъ какой-то, кажется, титулярный совѣтникъ, чуть ли не по счетной части, насмотрѣлся въ Петергофѣ на фонтаны и

имѣя маленькій домъ и садикъ, захотѣлъ непремѣнно обзавестись фонтанами у себя дома; но для этого потребовалась вода, да еще стоящая выше уровня сада; провесть воду издалека рѣшительно было невозможно для бѣднаго домохозяина; оставалось одно: устроить огромный резервуаръ, вырыть колодецъ и накачивать изъ колодца воду; но и это требовало издержекъ единовременныхъ на устройство колодца и машины и всегдашнихъ на работника для накачиванія воды, а фонтановъ очень хотѣлось титулярному совѣтнику. Вотъ онъ и пустился на хитрости: съ своего дома, съ конюшенъ и со всѣхъ сараевъ свелъ водосточныя трубы въ одну огромную бочку, которая, стоя на возвышенныхъ подмосткахъ, служила резервуаромъ; отъ бочки провелъ жестяныя трубочки по всему саду и фонтаны были готовы — при обычныхъ дождяхъ въ Петербургѣ, на скудость которыхъ намъ грѣшно на Бога жаловаться, фонтаны титулярнаго совѣтника брызжутъ-себѣ по маленьку зелененькой водицей — и хозяинъ доволенъ и гости не насмотрятся на хитрую выдумку.

Кстати, говоря о фонтанахъ собственнаго произведенія, нельзя не упомянуть о множествѣ прекрасныхъ рукодѣлій, дѣлаемыхъ на Петербургской-

Сторонѣ; здѣсь бѣдные чиновники въ свободное отъ службы время часто занимаются разными полезными предметами: кто клеитъ изъ картона прекрасныя вещи, кто раскрашиваетъ эстампы, кто лѣпитъ изъ воску разныя фигуры, кто разводитъ цвѣты, и эти по-видимому бездѣльныя занятія при казенномъ жалованьѣ даютъ средства недостаточнымъ чиновникамъ существовать безбѣдно.

На Петербургской есть чиновникъ, имѣющій у себя превосходную коллекцію кактусовъ, едвали не единственную въ Петербургѣ; онъ занимается этимъ предметомъ съ любовью, покупаетъ дорого рѣдкіе виды привозныхъ кактусовъ, самъ выписываетъ ихъ изъ-за границы и, разводя у себя на Петербургской-Сторонѣ, продаетъ ихъ почти за безцѣнокъ.

У насъ до-сихъ-поръ по какому-то нелѣпому предразсудку, часто по ложному стыду, чиновные люди считаютъ за униженіе открыто продавать что нибудь своей работы и никогда въ томъ не признаются; между-тѣмъ, понуждаемые бѣдностію, втихомолку продаютъ свои издѣлія за безцѣнокъ въ магазины, гдѣ вы заплатите за нихъ вдесятеро. Не лучше ли заплатить за нихъ дешевле изъ первыхъ рукъ и для публики и для продавателя? Кажется бы такъ, а попробуйте, не будучи коротко знакомы

чиновнику, сказать ему: переплетите мнѣ, Иванъ Ивановичъ, книгу, я вамъ заплачу, что будетъ стоять. Увидите, какъ обидится Иванъ Ивановичъ, какъ онъ будетъ готовъ или нагрубить вамъ, или на васъ пожаловаться за оскорбленіе. — И вы заплатите вашему переплетчику, положимъ, 5 руб. за книгу, которую для того же переплетчика переплететъ тотъ же Иванъ Ивановичъ за рубль мѣди. Вотъ почему переплетчикъ ходитъ зимой въ бекешѣ съ пятисотнымъ бобромъ на воротникѣ, а Иванъ Ивановичъ бѣгаетъ въ холодной шинелишкѣ, купленной за 50 руб. на Апраксиномъ-Дворѣ.

Часто мнѣ приходитъ въ голову, отъ-чего люди совѣстятся продавать плоды своихъ трудовъ? и отъ-чего не краснѣя продаютъ труды своего ближняго?

Подходя очень и своими строеніями и правами жителей къ провинціяльнымъ городамъ, Петербургская-Сторона не лишена общей провинціяльной заразы: *сплетней* — на Петербургской это болѣзнь эпидемическая. Исключеній, разумѣется, наберется довольно; но все-таки это исключенія.

(NB. Я говорю о жителяхъ вообще и о женщинахъ въ особенности).

Узелъ, гдѣ завязываются всѣ сплетни, резервуаръ, куда онѣ стекаются и откуда расходятся, есть ме-

лочныя лавочки; сюда собираются кухарки съ новостями и рыночными и домашними; сюда заходитъ вдова-салопница купить на пять копѣекъ сахару и оставить на сотню желчи на своихъ сосѣдокъ; сюда приходитъ заспанный лакей, и продавъ на гривну бумаги, украденной у барина, разсказываетъ всю его подноготную; между-тѣмъ смѣтливая борода-хозяинъ продаетъ, покупаетъ, вѣситъ и привѣшиваетъ и не проронитъ ни одного слова — это ему нужно для соображенія по торговлѣ; онъ всегда знаетъ кому можно дать въ долгъ и даже знаетъ, на сколько кому можно вѣрить.

Но съ перваго взгляда кажется всего удивительнѣе, что на Петербургской скорѣе всего вы узнаете — разумѣется, если захотите — всѣ семейныя тайны, всѣ отношенія, всѣ сердечныя печали и радости обитателей великолѣпныхъ палатъ той стороны. Это отъ весьма простой причины: каммердинеры и другіе приближенные служители вельможъ имѣютъ на Петербургской-Сторонѣ или свои домики, или своихъ пріятелей; имѣютъ здѣсь связи, знакомства, посѣщаютъ общества, въ которыхъ важничаютъ важностью своихъ господъ, словно грачи въ павлиньихъ перьяхъ, и чтобъ заинтересовать, изумить бѣдняковъ, часто потѣшаютъ ихъ разсказами изъ

жизни другой сферы, гдѣ ѣдятъ на золотѣ и фарфорѣ, постоянно одѣваются въ бархатъ и блонды, дышатъ ароматнымъ воздухомъ; но и тамъ все люди какъ люди, чаще плачутъ, нежели смѣются.

Съ удовольствіемъ, съ жадностію выслушиваютъ жители Петербургской-Стороны тайны салоновъ и спѣшатъ передать ихъ своимъ ближнимъ и пріятелямъ, чтобъ удивить въ свою очередь ближнихъ и пріятелей.

Слуги вельможъ, иногда очень осторожные на той сторонѣ, считаютъ себя на Петербургской какъбы за-границей, на другой землѣ, въ другой части свѣта и смѣло даютъ волю языку, часто даже, для эффекта, на-половину привирая къ истиннымъ фактамъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, причина сплетней на Петербургской вообще и сплетней о высшемъ кругѣ въ особенности.

Петербургская-Сторона граничитъ съ одной стороны съ Крестовскимъ-Островомъ; ея набережная, противоположная Крестовскому, уставлена порядочными домиками, т. е. дачами, окаймлена садами, гдѣ часто лѣтомъ бываютъ разныя неприхотливыя увеселенія; то горятъ бумажные китайскіе фонари, то играетъ музыка и тому по-

добное. Но описаніе этого края я отложу до другаго времени; онъ составляетъ что-то общее съ Крестовскимъ и потому, я надѣюсь, мы съ нимъ еще встрѣтимся, говоря о Крестовскомъ. О Крестовскомъ можно поразсказать многое, была бы охота слушать.

Е. ГРЕБЕНКА.

19 сентября, 1844.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ УГЛЫ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 11 февраля 1845 года.

Цензоръ *А. Никитенко*.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ УГЛЫ.

(Изъ записокъ одного молодаго человѣка.)

Атъ даецца. внаймы угалъ, на второмъ дварѣ, впадвалѣ, а о цене спрасить квартерпай хазяйкѣ Акулины Ѳедотовпѣ.

(*Ерлыкъ на воротахъ дома*).

омъ, на дворъ котораго я вошелъ, былъ чрезвычайно огроменъ, ветхъ и неопрятенъ; меня обдало нестерпимымъ запахомъ и оглушило разнохарактернымъ крикомъ и стукомъ: домъ былъ наполненъ мастеровыми, которые работали у растворенныхъ оконъ и пѣли. Въ глазахъ у меня запестрѣли отрывочныя надписи вывѣсокъ, которыми былъ улѣпленъ домъ изнутри съ такою же тщательностію, какъ и снаружи: дѣлаютъ троуръ и гробы и на прокатъ отпускаютъ; мѣдную и лудятъ; изъ иностранцевъ Трофимовъ; рус-

ская привиллегированная экзаменованная повивальная бабка Катерина Брагадини; пансіонъ; Александровъ въ приватности Куприяновъ. При каждой вывѣскѣ изображена была рука, указующая на входъ въ лавку или квартиру, и что-нибудь поясняющее самую вывѣску: сапогъ, ножницы, колбаса, окорокъ въ лаврахъ, диванъ красный, самоваръ съ изломанной ручкой, мундиръ. Способъ пояснять текстъ рисунками выдуманъ гораздо прежде, чѣмъ мы думаемъ: онъ перешелъ въ литературу прямо съ вывѣсокъ. Наконецъ, въ угловомъ окнѣ четвертаго этажа торчала до-красна нарумяненная женская фигура, лѣтъ тридцати, которую я сначала принялъ тоже за вывѣску; можетъ-быть я и не ошибся. На дворѣ была еще ужасная грязь; въ самыхъ воротахъ стояла лужа, которая, вливаясь на дворъ, принимала въ себя лужи, стоявшія у каждаго подъѣзда, а потомъ уже съ шумомъ и журчаніемъ величественно впадала въ помойную яму; въ окраинахъ ямы копались двѣ свиньи, собака и четыре ветошника, громко распѣвавшіе:

Полно, барыня, не сердись,
Вымой рожу, не лѣпись!

Но то, что я видѣлъ здѣсь, было ничтожно предъ тѣмъ, что ожидало меня впереди. Уголъ, какъ увѣ-

домляла записка, отдавался на заднемъ дворѣ: нужно было войдти во вторыя ворота. Я вошелъ и увидѣлъ опять дворъ, немного поменьше перваго, но въ тысячу разъ непріятнѣе; цѣлыя моря открывались передо мною; съ ужасомъ взглянулъ я на свои сапоги и хотѣлъ воротиться; казалось, не было здѣсь аршина земли, на которой можно было бы ступить не рискуя увязнуть по уши. Я рѣшился сначала держаться какъ-можно-ближе стѣны, потому-что окраины двора были значительно выше средины; но то была обманчивая и страшная высота, образовавшаяся отъ множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами изъ оконъ; ступивъ туда, нога вязла по колѣно и въ то же время въ носъ кидался непріятный и рѣзкій запахъ. Я смѣкнулъ, что лучше послѣдовать извѣстной пословицѣ и, оставивъ въ покоѣ окраины двора, пошелъ серединою. Самоотверженіе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: черезъ двадцать шаговъ, которые я по предчувствію направилъ къ двери съ навѣсомъ, прямо противъ воротъ, я замѣтилъ, что нога моя съ каждымъ шагомъ стала вязнуть менѣе, еще нѣсколько шаговъ — и я очутился у двери, ведущей въ подвалъ; поскользнулся и полетѣлъ... или правильнѣе, поѣхалъ, — разумѣется внизъ, — въ по-

ложеніи весельчаковъ, катающихся съ горъ на масляницѣ; сапоги по ступенямъ лѣстницы застучали какъ барабанъ. Я летѣлъ очень недолго; ударился обо-что-то ногой; вскочилъ, осмотрѣлся: темно, пахнетъ гнилой водой и капустой; дѣло ясное: сѣни. Ищу двери. Наткнулся на лоханку: пролилъ; наткнулся на связку дровъ: чуть опять не упалъ. Что-то скрипнуло, чѣмъ-то ударило меня по лбу и въ сѣняхъ стало свѣтлѣй. Въ полуотворившейся двери я увидѣлъ женскую фигуру. Кривая и старая баба гнѣвно спросила, что я тутъ дѣлаю, потомъ, недождавшись отвѣта, объявила мнѣ, что много видала такихъ мазурниковъ, да у ней нѣчего взять, и что она сама бы украла, еслибъ не грѣхъ, да не стыдно. Вы меня покуда еще не знаете, но узнавъ хорошенько, увидите, что я человѣкъ щекотливый: принять меня за вора значило нанесть смертельную обиду моему костюму и моей физіономіи. Я не выдержалъ и назвалъ старуху дурой. Есть много людей, которые равнодушнѣе перенесутъ названіе мошенника, чѣмъ дурака; старуха, вѣроятно, была изъ такихъ: при словѣ «дура» она какъ-то страшно содрогнулась и взвизгнула; ямки рябыхъ щекъ ея налились кровью.

— Дура? вскричала она запальчиво: — я дура?

нѣтъ, молодъ еще, чтобъ я была дура... Когда я жила въ Даниловѣ... весь Даниловскій-Уѣздъ знаетъ, что я не дура... Пономарица ко мнѣ въ гости хаживала... Дура, я дура!

Старуха принялась доказывать, что она не дура, не забывая называть меня дуракомъ и мазурикомъ. Изъ устъ ея летѣли брызги мнѣ на лицо и на платье. Вообразить положеніе, въ которомъ она находилась, можетъ только тотъ, кто видалъ бѣшеную собаку.

Я сначала хотѣлъ усмирить старуху, но сообразивъ, что мнѣ время дорого, а между-тѣмъ она вѣрно пойдетъ жаловаться квартальному надзирателю, и нужно будетъ дожидаться въ конторѣ, а можетъ-быть до окончанія дѣла и въ арестантской, разсудилъ за лучшее поскорѣй уйдти по-добру по-здорову. Я уже прошелъ больше половины перваго двора, какъ вдругъ долетѣли до меня слѣдующія слова, которыя заставили меня воротиться.

— Ну... зачѣмъ ты пришелъ... Коли ты не воръ, докажи зачѣмъ ты ко мнѣ, *дурь*, пришелъ?... Въ гости, что ли пришелъ? Я тебя не звала... Ну скажи, зачѣмъ ты пришелъ?

Я объяснилъ старухѣ причину моего прихода и она вдругъ смягчилась. Нѣтъ, она сдѣлала больше: вынула изъ кармана мѣдный пятакъ, и совѣтовала мнѣ потереть имъ ушибенное мѣсто на лбу. Я не противился — изъ благодарности. Сердце мое таково, почтенные читатели, что оно не можетъ долго питать ненависти: я простилъ старухѣ ея минутную запальчивость и отправился съ нею смотрѣть квартиру, въ которую входъ былъ черезъ дверь, противоположную ударившей меня по лбу.

Старуха ввела меня въ довольно большую комнату, въ которой царствовалъ матовый полусвѣтъ,

какой любятъ художники; полусвѣтъ выходилъ изъ пяти низкихъ окошекъ, которыя снаружи казались стоящими на землѣ, а внутри были неестественно далеки отъ пола. Комната была вышиною аршина въ три съ половиной и имѣла свой особенный воздухъ, подобный которому можно встрѣтить только въ винныхъ погребахъ и могильныхъ склёпахъ. На лѣво отъ двери огромная русская печка съ вывалившимися кирпичами; остальное пространство до двери было завалено разнымъ хламомъ; полъ комнаты дрожалъ и гнулся подъ ногами; щели огромныя; концы нѣкоторыхъ досокъ совсѣмъ перегнили, такъ-что когда ступишь на одинъ конецъ доски, другой поднимается. Стѣны комнаты были когда-то оштукатурены: кой-гдѣ еще сохранились крестообразно расположенныя дранки, какія обыкновенно приготовляются подъ штукатурку; нѣкоторыя изъ сохранившихся дранокъ, переломившись, торчали перпендикулярно; но главное украшеніе стѣнъ состояло не въ дранкахъ и не въ остаткахъ штукатурки: его составляли продолговатыя кровавыя, впрочемъ невинныя пятна, носившія на себѣ слѣды пальцовъ и оканчивавшіяся тощими остовами погибшихъ жертвъ, да густые слои расположенной по угламъ и подъ окошками въ видѣ гирляндъ и

гардинъ, паутины, которая тонкими нитями въ разныхъ направленіяхъ пересѣкала комнату, попадая въ ротъ и опутывая лицо. Одна изъ досокъ потолка, чернаго и усѣяннаго мухами, выскочила однимъ концомъ изъ-подъ средняго поперечнаго бруса и торчала наклонно, чему казалось обитатели подвала были очень рады, ибо вѣшали на ней полотенца свои и рубахи; съ тою же цѣлію черезъ всю комнату проведена была веревка, укрѣпленная однимъ концомъ за крюкъ, находившійся надъ дверью, а другимъ за верхнюю петлю шкафа: такъ называю я продолговатое углубленіе съ полочками, безъ дверей, въ задней стѣнѣ комнаты; впрочемъ, говорила мнѣ хозяйка, были когда-то и двери, но одинъ изъ жильцовъ оторвалъ ихъ и, положивъ въ своемъ углу на два полѣна, сдѣлалъ такимъ-образомъ искусственную кровать. Старуха была очень недовольна самоуправствомъ жильца, но вообще отзывалась о немъ весьма-хорошо.

— А кто онъ такой? спросилъ я.

— А кто его знаетъ — кто онъ такой. Хорошій человѣкъ, съ паспортомъ. У меня безъ паспорта никого; я ужь такая: хоть два цѣлковыхъ давай. Мало ли? пожалуй, есть всякія... у иной, кто хочетъ за гривну ночуй... а на утро ушолъ, глядь: у

кого сапоги, у кого рубашку, голицы... въ баню идти: мыло пропало... Хорошій жилецъ. Дома почитай никогда не живетъ, а домой прійдетъ спитъ, либо пауковъ жучитъ. «Что» скажешь «Кирьянычъ... охота тебѣ... съ этакой дрянью... да еще и въ руки берешь!...»

— А что, говоритъ, я душенькѣ врагъ что ли, своей, говоритъ: паука увижу, да не раздавлю. — «Ну дѣло, дѣло, Кирьянычъ, коли не мерзитъ: и душѣ во спасенье, и жильцамъ хорошо, и домъ простоитъ дольше.» — Ужь какъ я ему благодарна: всѣхъ пауковъ перевелъ; скажи на лѣкарство — за рубль не найдешь! словно въ палатахъ княжескихъ... Да вотъ однимъ не хорошъ: за эту дрянь не люблю.

Старуха указала на небольшую пепельнаго цвѣта полуобритую собачонку, которая въ то время вылѣзла изъ-подъ паръ, расположенныхъ въ правомъ углу отъ двери, и перехватывая зубами съ мѣста на мѣсто съ неистовой быстротою, безжалостно кусала свои грязныя ноги.

— Добро бы одну держалъ, продолжала старуха: —а то въ иной разъ вдругъ пятокъ соберется... подымутъ вой; извѣстно: ѣсть хотятъ. Кормить не

кормитъ, а любитъ; жить, говоритъ, не могу безъ собакъ... Шутишь! ну, да что говорить! я ужь такая... Вотъ сами увидите: у меня... я ничего не знаю... ничего не вижу...

Старуха сдѣлала рукою выразительный знакъ, на который я счелъ нужнымъ отвѣчать ей увѣреніемъ, что я не занимаюсь собачьей промышленостью, и продолжала:

— А что до чего дойдетъ: всякой за себя, Богъ за всѣхъ. Паспортъ есть: я не отвѣтчица. Махнула рукой... пусть, говорю, будутъ собаки; мнѣ изъ-за нихъ хорошему жильцу не отказывать. Да и что худаго въ собакѣ? такая же, прости Господи мое прегрѣшеніе, тварь, какъ и человѣкъ. Еще человѣкъ иной хуже: грѣха на немъ больше; сами изволите знать: языкъ... ученыя собаки бываютъ: поноску подастъ, ползаетъ, ей Богу... все совершенно какъ человѣкъ; веселѣй съ ними. Вотъ вы не изволите брезговать (я гладилъ сѣрую собачонку), а иные... право, разуму что ли въ нихъ нѣтъ?... Просто дрянь, механикъ какой-нибудь, выжига забубенная, а туда же: «стану я» говоритъ «вмѣстѣ «съ собаками въ собачьей конурѣ жить»... Собачья конура!... извѣстно иной фанфаронъ: на грошъ

аммуниціи, на рубль амбиціи... Квартирка чѣмъ не квартирка; лѣтомъ прохладно, а зимой ужь такое тепло, такое тепло, что можно даже чиновнику жить, и просторъ...

— А почомъ вы берете?

Началась ряда и состоялась по четыре рубля въ мѣсяцъ. Старуха божилась, что никто такъ дешево не живетъ и просила не сказывать остальнымъ жильцамъ настоящей цѣны.

— Всякое вамъ уваженіе сдѣлаю. У васъ ничего... Гдѣ! молодой еще человѣкъ: вѣрно ужь ничего...

Я хорошенько не понималъ, къ чему относились слова старухи, но смѣло отвѣчалъ: «ничего».

— А нельзя и безъ мебельки; на полу ужь какое спанье; развѣ отъ бѣдности. Кроватку поставлю... кипяткомъ выварю... широкая — хоть вдвоемъ... (старуха усмѣхнулась) покойно, очень покойно; только подальше отъ стѣны... ну да ужь я сама и поставлю...

Я далъ задатку и отправился за вещами. Перевозка стала мнѣ въ гривенникъ. Когда, сопровождаемый извощикомъ, я вошелъ съ узелкомъ и чубуками, въ шинели, надѣтой въ рукава, въ мое новое жилище, кровать уже была на своемъ

мѣстѣ: въ лѣвомъ углу, образуемомъ стѣною, противоположною окнамъ и тою, въ которой находился извѣстный шкафъ. Старуха немного прихвастнула на счетъ ея удобства, ибо постель была такова, что на ней двое могли спать развѣ по очереди; за то передъ нею стоялъ небольшой, только-что выскобленный столъ, съ отверзтіемъ въ боку, доказывавшимъ, что въ столѣ былъ когда-то и

ящикъ. Подвалъ, которому поутру какъ-будто чего-то не доставало, представлялъ полную совершенно-оконченную картину.

Есть обстоятельства невольно располагающія къ задумчивости при всей лѣни ума и безпечности характера; новый годъ, день рожденія, нечаянно встрѣченныя похороны, день переѣзда на новую квартиру — я знаю, что въ такихъ случаяхъ задумываются даже головы, которыя въ остальное время ни о чемъ совершенно не думаютъ. Было часовъ около девяти; начинались свѣтлыя петербургскія лѣтнія сумерки, а въ подвалѣ становилось темно. Мухи, сбираясь роями, словно добрыя пчелы, съ шумомъ и визгливымъ жужжаніемъ отправлялись къ потолку для ночлега. Сверчокъ пѣлъ за печкой; что-то ползало у меня по лицу, что-то иголкой кололо въ руку, — я сидѣлъ неподвижно на голыхъ доскахъ кровати...

Дверь скрипнула и въ комнатѣ раздались звуки, подобные звукамъ кастаньетъ.

Я вздрогнулъ и поднялъ голову.

Сѣрая фигура медленно шла въ правый уголъ и продолжая прищолкивать пальцемъ объ палецъ и языкомъ, съ видомъ совершенной безпечности кивала мнѣ головой.

Я молчалъ. Сѣрая фигура прошла къ своимъ на-

рамъ, сѣла и, положивъ лѣвую ногу на бедро правой, долго разсматривала сапогъ, говоря съ разстановкой : — Дратва скверная... ну да и ходьбы много... а толку хоть бы на грошъ... даже, кажется, мозоли натеръ... А что, вы, то-есть, здѣшніе?

— Здѣшній.

— Тэкъ-съ! А чья фамилія?

— Тростниковъ.

— Знаю. Онъ меня бивалъ. Съ нашимъ барином бывало каждый день на охоту... промаха по зайцу дашь, собакъ опоздаешь со своры спустить — подскачетъ да такъ прямо съ лошади. А заѣхалъ сюда

—здѣсь и побывшился... послѣ смерти, говорятъ, и часу не жилъ!... Подѣломъ!... Не дерись съ чужими людьми. Естафій Ѳомичъ Тростниковъ... какъ не знать. Задорной такой. Отъ него чай и вамъ доставалось?

— Я не знаю никакого Тростникова; я самъ Тростниковъ.

— Тэкъ-съ!... *Извинтите-съ*... а я думалъ, что и вы тоже господскій человѣкъ... просто съ глупости... Я три недѣли только еще изъ деревни... не бывать бы и вѣкъ здѣсь, кабы не молодая барыня... «Собаки и люди», говоритъ «душенька, насъ разоряютъ; не ждите любви отъ меня, душенька», говоритъ, «покуда будутъ у насъ въ домѣ собаки»— спорили, спорили, да наконецъ и вышло рѣшеніе: собакъ перевѣшать, а насъ распустить по оброку... ффпть (дворовой человѣкъ засвисталъ) катай-валяй въ разные города и селенія Россейской Имперіи, отъ нижеписаннаго числа срокомъ на одинъ годъ... Вотъ я сюда и махнулъ... водой на сомипѣ... восьмнадцать дёнъ плыли... все пѣли... въ перемѣшку гребли... Да вотъ, что станешь дѣлать! — и сѣлъ здѣсь какъ ракъ на мели: пѣтъ какъ пѣтъ мѣста! Проѣдаюсь на своихъ харчахъ, за кватеру плачу...

сапоги новые истаскалъ; лѣвый совсѣмъ худехонекъ.

Дворовый человѣкъ, отпущенный по оброку, зажегъ свѣтильню, укрѣпленную въ помадной банкѣ, наполненной саломъ; вытащилъ хранившійся въ изголовьѣ небольшой деревянный ящикъ, вынулъ оттуда дратву, шило и молотокъ; снялъ сапогъ съ лѣвой ноги и принялся за работу, напѣвая что-то про-себя.

Черезъ полчаса, дверь опять отворилась; вошелъ съ собачонкой въ рукахъ рослый плечистый мужикъ лѣтъ пятидесяти, одѣтый въ дублёный полушубокъ, съ мрачнымъ выраженіемъ лица, съ окладистой бородой. Взглядъ его, походка, тѣлодвиженія — все обличало въ немъ человѣка разсержен-наго или отъ природы сердитаго. Онъ прошелъ прямо къ своимъ нарамъ (вправо отъ двери), гнѣвно бросилъ на нихъ собачонку, которая тотчасъ начала выть; перекрестился на образокъ, висѣвшій надъ нарами; сѣлъ, потянулся, зѣвнулъ; закричалъ на собаку «молчи, пришибу!» потомъ хотѣлъ погладить ее, она оцарапала ему руку, соскочила съ наръ и начала скребстись въ дверь. Бородачъ бросилъ ей кусокъ хлѣба; она только понюхала; онъ началъ кликать ее къ себѣ, давая попеременно

разныя собачьи названія, уродливо исковерканныя; при каждой кличкѣ останавливался и пристально смотрѣлъ на собаку; но собака не унималась. Тогда бородачъ, выведенный изъ терпѣнія, топнулъ ногой и полчаса ругалъ собаку, рѣшительно не соблюдая никакого приличія въ выраженіи своего негодованія. Наконецъ, собака смолкла и забилась подъ нары. Бородачъ разлегся и принялся страшно зѣвать, приговаривая протяжно за каждымъ зѣвкомъ «Господи помилуй! Господи по...ми...милуй!»

. . . . . .

— А что, Кирьянычъ, сказалъ дворовый человѣкъ, отпущенный по оброку: — ка бы этакъ тебѣ вдругъ тысячь десять... а... что бы ты сталъ дѣлать?

— Ну а ты что?

— Десять тысячь! много десять тысячь. Опьешься! Нашему брату, дворовому человѣку, коли сытъ да пьянъ, да глаза подбиты... и важно... хоть трава не расти! да еще цѣловальники бы въ долгъ безъ отдачи вѣрили.

— Ну а баринъ-отъ?

— Баринъ, что баринъ? оброкъ отдалъ, да я и знать-то его не хочу... а и не отдалъ, Богъ съ нимъ... Побьетъ, побьетъ да не возъ навьетъ...

Десять тысячь! Горячо хватилъ — десять тысячь! Нѣчего по-пусту бобы разводить... четвертачокъ бы теперь и то знатно... ухъ! какъ бы знатно!.. на полштофчика, разогнать грусть — тоску...

— Ку... а... а... а... Господи пом... ми... луй... купи.

— Купи? Да гдѣ куплево-то? въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ нѣтъ ничего... Есть правда полтинничекъ... одинъ словно сиротинка прижался, да вѣдь знаешь самъ, голова, надо и на харчи. Съ голоду умереть не охота. Иное дѣло, кабы мѣсто найти... А то вотъ и сегодня у пятерыхъ по-пусту былъ... ну ужь только и господа, съ самаго съ-испода! Одинъ вышелъ худенькой... тощенькой... и на говядину не годится; въ комнатѣ три стула стоитъ, халатишко дыра на дырѣ... «у меня, милѣйшій мой», говоритъ, «главное дѣло, чтобъ чело-«вѣкъ честенъ былъ, аккуратенъ, учливъ, не пилъ «бы, не воровалъ»... За чѣмъ говорю воровать... хорошее ли дѣло воровать, сударь?.. *дай Господи своего не обозрить, кто чужому не радъ.* А много ли, говорю, жалованья изволите положить? — «пятнадцать рублёвъ, говоритъ. Меня ишда злость про-

брала... пятнадцать рублёвъ! «тэкъ-съ» говорю... (А туда же «не пей, не воруй»... да что у тебя украсть-то, голь саратовская?) Шапку въ охапку:— «Много довольны... мы не изъ такихъ, чтобы грабить нагихъ»... поклонъ да и вонъ... Къ другому пришолъ... толстый, рожа лопнуть хочетъ, красная... «Мнѣ самому» говоритъ «почитай что и человѣка не нужно... по утру фракъ да водки подать, приду изъ должности къ кухмійстеру сбѣгать, халатъ да водки подать, спать стану ложиться — сапоги снять да водки подать — вотъ и все. Да вотъ» говоритъ «у меня, видишь?» и показываетъ чорта такого... человѣкъ не человѣкъ, чортъ не чортъ... глаза пялитъ, облизывается. «Я, братецъ, вотъ посмотри» говоритъ, и ну по комнатѣ съ пугаломъ прыгать, а оно ему на плечо... рожи строитъ, кукишь показываетъ... «такъ ужь любитъ меня» говоритъ.... «Будешь за ней хорошо ходить, будетъ и тебѣ хорошо; а захвораетъ, убьется какъ нибудь... и жалованья тебѣ ни гроша, да еще, говоритъ, и того: у меня частный знакомый и надзиратели пріятели есть.» Покорнѣйше благодаримъ, говорю... много довольны... за господами за всякими хаживалъ, а за чертями, нѣчего сказать, не случалось. — «Это, братецъ, не чортъ — говоритъ — аблизіяна.»

Кирьянычъ страшно зѣвнулъ.

— Эхъ ты, сковая голова! спишь, а деньги есть... Далась тебѣ даровщинка. Развязывай мошну-то. На томъ свѣтѣ въ лазаретѣ сочтемся.

«Толкуй» сказалъ Кирьянычъ и докончивъ фразу, какъ слѣдовало, присовокупилъ со вздохомъ: — согрѣшили мы грѣшные; прогнѣвили Господа Бога... дѣло дрянь! На табакъ гроша нѣтъ... даве на щахъ останную гривну въ харчевнѣ проѣлъ... совсѣмъ въ посу завалило...

— Табачку свѣту нигдѣ нѣту! сказалъ дворовый человѣкъ горестно. И потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: — А и то сказать, какія у нашего брата деньги. Извѣстно наше богатство: кошля не на что сшить — по міру ходить. Иное дѣло у *барина*.

Мнѣ показалось, что камушекъ былъ закинутъ въ мой огородъ и догадка моя оправдалась: дворовый человѣкъ нечувствительно перешелъ къ тому счастливому дню, когда онъ, полный надеждами, прибылъ изъ деревни и до пріисканія мѣста занялъ уголъ въ подвалѣ. День тотъ былъ въ полной мѣрѣ торжественный: на новоселье было выпито семь

штофовъ. — Анъ пять! сказалъ Кирьянычъ. — «Семь, ежовая голова!»

— Пять, ѣдятъ те мухи съ комарами! Я какъ теперь помню, что пять! И между ними завязался жаркій споръ о количествѣ штофовъ.

— Ну да сколько бы ни было, заключилъ дворовый человѣкъ. — Я къ тому только сказалъ, что на Руси такое ужь обнаковеніе: послѣднюю копейку ребромъ, а новоселье чтобъ было справлено: иначе и счастья на новой квартирѣ не будетъ.

— И Господь того человѣка не забудетъ, кто должное исполняетъ, замѣтилъ Кирьянычъ.

— Послушай, братъ, сказалъ я.

— Дворовый человѣкъ вскочилъ и почтительно вытянулся передо мною.

— Чего изволите, сударь?

— На, вотъ, братецъ: купите себѣ вина.

— Слушаю-съ. Штофъ что ли брать прикажете?

— Бери штофъ.

Дворовый человѣкъ обмоталъ дратву вокругъ недочиненнаго сапога, надѣлъ его на лѣвую ногу, схватилъ мою фуражку и побѣжалъ. Черезъ пять

минутъ вино было на столѣ передъ моею кроватью вмѣстѣ съ двумя селедками, пяткомъ огурцовъ, тремя фунтами чернаго хлѣба и четверкой нюхальнаго табаку. Дворовый человѣкъ, отдавая мнѣ сдачу, почтительно извинился, что сдѣлалъ нѣкоторыя излишнія издержки. Кирьянычъ между тѣмъ сходилъ къ хозяйкѣ за стаканомъ.

— Начинъ съ хозяина, сказалъ дворовый человѣкъ, наливая.

Я отказался.

— Вона! воскликнулъ дворовый человѣкъ въ какомъ-то страшномъ испугѣ.—Гусь и тотъ пыньче пьетъ... И пословица говоритъ: ходи въ кабакъ, кури табакъ, вино пей и нищихъ бей — прямо въ царство нѣмецкое попадешь! Что жь вы душѣ своей что ли добра не желаете?

— Да вы бы въ-самомъ-дѣлѣ протащили немножко, прибавилъ флегматически Кирьянычъ. — У васъ лицо такое словно обожженный кирпичъ.

Но я опять отказался.

— Нѣчего дѣлать, сказалъ дворовый человѣкъ, хитро усмѣхаясь: — и не хотѣлъ бы, да надо пить. Выпилъ, подержалъ съ минуту стаканъ надъ лбомъ

и произнесъ протяжно: пошла душа въ рай, на самый на край! — Ну Кирьянычъ!

Но Кирьянычъ ничего не слыхалъ. Онъ глядѣлъ въ полъ, топалъ ногою, перескакивая съ мѣста на мѣсто, и кричалъ: посвѣти! посвѣти! Наконецъ онъ въ послѣдній разъ страшно топнулъ ногою, восторженно крякнулъ и возвратился къ столу. Лицо его сіяло торжественно.

— Полно тебѣ пауковъ-то губить. Лучше бы вонъ что по стѣнамъ-то ползаютъ; спать не даютъ... Пей пока не простыло!

— Не грѣхъ и выпить теперь, сказалъ Кирьянычъ самодовольно. — Прибавь Господи вѣку доброму человѣку! Перекрестился и выпилъ.

Когда было выпито по другому стакану, дворовый человѣкъ взялъ балалайку, заигралъ трепака и запѣлъ:

Въ понедѣльникъ
Савка мѣльникъ,
А во вторникъ
Савка шорникъ,
Съ середы до четверга
Савка въ комнатѣ слуга.
Савка въ тотъ же четвертокъ
Дровосѣкъ и хлѣбопекъ,

Чешетъ въ пятницу собакъ,
Свищетъ съ голоду въ кулакъ,
Въ день субботній все скребетъ
И подъ розгами реветъ;
Въ воскресенье Савка панъ —
Цѣлый день какъ стелька пьянъ!

Послышался странный стукъ въ двери, сопровождаемый страшнымъ мурыканьемъ.

— Ну, баринъ! воскликнулъ дворовый человѣкъ.

— Будетъ потѣха: учитель идетъ!

— Что за учитель?

Дверь отворилась настежь и, ударившись объ стѣну, оглушительно стукнула. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, въ комнату вошелъ полуштофъ, заткнутый человѣческою головой вмѣсто пробки: такъ называю я на первый случай господина въ свѣтлозеленой въ рукава надѣтой шинели, безъ воротника: воротникъ, понадобившійся на починку остальныхъ частей одѣянія, отрѣзанъ еще въ 1819 году. Между людьми, которыхъ зовутъ пьющими и настоящими пьяницами — огромная разница. Отъ первыхъ несетъ виномъ только въ извѣстныхъ случаяхъ и запахъ бываетъ сносный, даже для нѣкоторыхъ не чуждый пріятности: такіе люди, будучи большею частію тонкими политиками, знаютъ испы-

тапныя средства къ отвращенію смрадной рѣзкости винаго духа и не забываютъ ими пользоваться. Употребительнѣйшія изъ такихъ средствъ: гвоздика, чай (въ нормальномъ состояніи), гофмановы капли, пеперменты, фіялковый корень, наконецъ лукъ, чеснокъ. Отъ вторыхъ несетъ постоянно, хоть бы они недѣлю не брали въ ротъ капли вина, и запахъ бываетъ особенный, даже, если хотите, не запахъ — какъ-будто вамъ подъ носъ подставятъ бочку изъ-подъ вина, которая долго была заткнута, и вдругъ ототкнутъ. Такой запахъ распространился при появленіи зеленаго господина — я понялъ, что онъ принадлежитъ ко второму разряду. Всматриваясь пристально въ лицо его, я даже вспомнилъ, что оно не вовсе мнѣ незнакомо. Разъ какъ-то я проходилъ мимо зданія, съ надписью «питейный домъ». У входа, растянувшись во всю длину, навзничь, лежалъ человѣкъ въ ветхомъ фракѣ съ бѣлыми пуговицами; глаза его были закрыты; онъ спалъ; горячее лѣтнее солнце жгло его прямо въ голову и вырисовывало на лоснящемся, страшноизмятомъ лицѣ фантастическіе узоры; тысячи мухъ разгуливали по лицу, кучей тѣснились на губахъ, и еще тысячи вились надъ головой съ непрерывнымъ жужжаніемъ, выжидая очереди... долго съ тяжкимъ

чувствомъ (вы ужь знаете, что у меня чувствительное сердце) смотрѣлъ я на измятое лицо и оно глубоко врѣзалось въ мою память. Теперь онъ былъ одѣтъ нѣсколько иначе и казался немного старѣе. Кромѣ шинели, разодранной сзади, по середнему шву, четверти на три, одежду его составляли рыжіе сапоги съ заплатами въ три яруса, и что-то грязно-сѣрое выглядывало изъ-подъ шинели, когда она случайно распахивалась. Ему было по-видимому лѣтъ шестьдесятъ. Лицо его не имѣло ничего особеннаго: желто, стекловидно, морщинисто; на подбородкѣ нѣсколько бородавокъ, которыя въ медицинѣ называются мышевидными, съ рыжими завившимися въ кольцо волосами, какіе отпускаютъ на бородавкахъ для счастья дьячки и квартальные; на носу небольшой шрамъ; глаза мутные, сѣрые; волосы (странная вещь!) черные, густые, почти безъ сѣдинъ; такъ-что ихъ можно было бы назвать даже очень красивыми, еслибъ не двѣ-три небольшія въ грошъ величиною плѣшинки, виною которыхъ очевидно были не природа и не добрая воля. Но вообще вся фигура зеленаго господина рѣзко кидалась въ глаза. Въ немъ было что-то такое, что̀ уноситъ съ собой актёръ въ жизнь отъ любимой хорошо затверженной роли, которую онъ долго игралъ на сценѣ. Въ самыхъ смѣш-

ныхъ и каррикатурныхъ движеніяхъ, неизбѣжныхъ у человѣка нетвердаго на ногахъ, замѣчалось что-то степенное, что-то въ родѣ чувства собственнаго достоинства и, говоря съ вами даже о совершенныхъ пустякахъ, онъ постоянно держалъ себя въ положеніи человѣка, готоваго произнесть во всеуслышаніе, что добродѣтель похвальна, а порокъ гнусенъ. Отъ этихъ рѣзкихъ противорѣчій онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ, и возбуждалъ въ дворовомъ человѣкѣ страшную охоту надъ нимъ посмѣяться.

Дворовый человѣкъ встрѣтилъ его обычнымъ своимъ привѣтствіемъ:

— Здравствуй, носъ красный!

Казалось, зеленый господинъ хотѣлъ разсердиться, но гнѣвное слово оборвалось на первомъ звукѣ; сдѣлавъ быстрое движеніе къ штофу, онъ сказалъ очень ласково:

— Здравствуй, Егорушка. — Налей-ка мнѣ рюмочку!

Дворовый человѣкъ украдкой налилъ стаканъ водою, изъ стоявшей на столѣ глиняной кружки, и подалъ зеленому господину. Зеленый господинъ

выпилъ залпомъ. Дворовый человѣкъ и Кирьянычъ страшно захохотали. Зеленый господинъ съ минуту стоялъ неподвижно, разинувъ ротъ, со стаканомъ въ рукѣ и наконецъ началъ сильно ругаться.

— Ты, братъ, со мною не шути! кто тебѣ позволилъ со мною шутить? Меня и не такіе люди знаютъ, да со мной не шутятъ. Вотъ и сегодня у одного былъ... Дѣйствительный, братъ, и кавалеръ...

слышишь ты, кавалеръ... тебя къ нему и въ прихожую-то не пустятъ. А меня въ кабинетъ привели. «Жаль мнѣ тебя, говоритъ, Григорій Андреичъ (слышишь, по отчеству называлъ!), совсѣмъ ты пьяничугой сталъ; смотри, сгоришь ты когда-нибудь отъ вина, говоритъ. Не того, говоритъ, я отъ тебя ожидалъ... Садись, говоритъ, потолкуемъ о старинѣ.... и графинчикъ велѣлъ принести... Вотъ я и заговорилъ... Знаю о чемъ говорить: съ Измайловымъ былъ знакомъ... къ Гавріилу Романовичу былъ принимаемъ. У Яковлева на постоянномъ жительствѣ проживалъ... Не знаешь ты, великій былъ человѣкъ!.. вмѣстѣ и чай, и обѣдали, и водку-то пили... Да и самъ я: ты, братъ, со мной не шути... у меня, братъ, знаешь какіе ученики есть... вотъ одинъ... у, какой тузъ!.. А мальчишкой былъ... кликну бывало сторожа, да и ну... никакихъ оправданій не принималъ... Вотъ мы все съ нимъ вспоминаемъ, смѣемся... «И хорошо» говоритъ: «вотъ отъ-того я теперь и въ люди пошелъ, говоритъ, что вы меня за всякую малость пороли... я васъ, говоритъ, никогда не забуду», да и суетъ въ руку мнѣ четвертакъ... «Съ молоду» говоритъ «человѣка надобно драть, подъ старость самъ благодарить будетъ»... Знаешь, какъ мнѣ, братецъ, платили... А ты.. ты.. вотъ по-

ди ты служить: *по пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день*... Таланты разные имѣлъ: нюхалъ, братъ, не изъ такой (онъ щелкнулъ по берестяной табакеркѣ)... золотая была... да было и тутъ... одинъ палецъ, братъ, восемьсотъ рублей стоялъ. А все ни за что; такъ—за стихи!.. я, братъ, какіе стихи сочинялъ!

Зеленый господинъ такъ заинтересовалъ меня своимъ разсказомъ, что я въ-послѣдствіи навелъ о немъ справки. Съ горяча онъ много прилгнулъ, но въ словахъ его была частица и правды. Давно, лѣтъ сорокъ назадъ, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ вступилъ учителемъ въ какое-то незначительное училище и дѣло свое велъ хорошо. Правда, любилъ подъ часъ выпить лишнюю чарку, но отъ него менѣе пахло виномъ, чѣмъ гвоздикой, и нравственность учениковъ не подвергалась опасности. Снисходительное начальство училища, цѣнившее въ немъ человѣка даровитаго и способнаго къ дѣлу, старалось кроткими мѣрами обуздать возникавшую страсть. Но страсти могущественнѣе даже начальства, какъ бы оно ни было благородно и снисходительно. Замѣтили, что съ нѣкотораго времени, при появленіи зеленаго господина, въ классѣ распространялся запахъ, который могъ подать вредные примѣры учс-

никамъ. Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, зеленый господинъ пришелъ однажды въ классъ не только безъ заднихъ ногъ, но и безъ галстуха и вмѣсто того, чтобъ поклониться главному лицу училища, которое вошло въ классъ и сѣло на краю одной изъ скамеекъ, занимаемыхъ учениками, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какіе глаголы принимаютъ родительный падежъ?... а, не знаешь? А вотъ я тебя на колѣни!

Его отставили и мѣсто его отдали молодому человѣку, который въ полной мѣрѣ оправдалъ честь, ему оказанную: не пропускалъ классовъ, былъ почтителенъ къ старшимъ, и, женившись вскорѣ на сестрѣ главнаго лица, совершенно отказался отъ треволненій, неразлучныхъ съ холостою жизнію. Зеленаго господина отставили, но по ходатайству одного добраго человѣка и въ уваженіе прежнихъ заслугъ, дали ему небольшой пенсіонъ. Остальное понятно: бездѣйствіе скоро усилило въ немъ страсть къ вину и нечувствительно дошелъ онъ до того положенія, въ которомъ мы съ нимъ познакомились. Интересна жизнь, которую велъ онъ въ подвалѣ. Еще за нѣсколько дней до перваго числа каждаго мѣсяца хозяйка неотступно слѣдовала за нимъ и такъ припаравливала, что накапунѣ перваго числа онъ всегда напивался дома. Поутру она отправлялась съ нимъ за «получкой», вычитала слѣдующія ей деньги, а съ остальными зеленый господинъ уходилъ Богъ-знаетъ куда и пропадалъ на нѣсколько дней. Возвращался пьяный, нерѣдко избитый, въ грязи и безъ гроша. Въ остальные дни мѣсяца онъ почти ежедневно обходилъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, учениковъ, которые теперь уже были взрослые люди, наконецъ всѣхъ, кого

зналъ въ лучшую пору жизни; вездѣ давали ему по рюмкѣ вина, нидѣ и по двѣ; гдѣ же не давали, оттуда уходилъ онъ съ проклятіями и долго потомъ, лежа на своихъ нарахъ, сердито толковалъ самъ съ собою о неблагодарности. Чтожь касается до стиховъ, то очень немудрено, что зеленый господинъ и дѣйствительно писалъ стихи: въ Русскомъ Государствѣ всѣ пишутъ или писали стихи и писать ихъ никому нѣтъ запрета. Впрочемъ, послѣдній пунктъ своего разсказа зеленый господинъ не замедлилъ подтвердить доказательствами. Онъ вытащилъ изъза сапога двѣ тощенькія лоснящіяся брошюры въ 12-ю долю листа, уставилъ ихъ передъ глазами дворoваго человѣка и, поводя указательнымъ пальцемъ со строки на строку заглавной страницы, говорилъ торжественно:

— Видишь, видишь, видишь... а?... видишь ли?

Но дворовый человѣкъ съ негодованіемъ оттолкнулъ брошюры, и возразилъ съ жаромъ, доказывавшимъ, что въ немъ говоритъ убѣжденіе:

— Ты мнѣ этимъ не тычь! Что ты мнѣ этимъ тычешь! Я братъ не дворянинъ: грамотѣ не умѣю. Какая грамота нашему брату? грамоту будешь знать— дѣло свое позабудешь... А вотъ ты мнѣ награжденіе-то покажи! Что, не бось, потерялъ, али

подарилъ кому... ты вѣдь добрѣйшій?... самъ не съешь да другому отдашь. Знаю я... кто намедни у меня ситникъ-отъ съѣлъ?

— Продалъ, такъ и нѣтъ, отвѣчалъ зеленый господинъ съ меланхолической грустью. — Гдѣ нюхать нашему брату изъ золотой табакерки, на пальцахъ самоцвѣтные камни имѣть!

Онъ махнулъ рукою и отравилъ послѣднюю струю чистаго воздуха продолжительнымъ вздохомъ.

Между-тѣмъ я взглянулъ на брошюры. Одна изъ нихъ была на всерадостный день тезоименитства какого-то важнаго лица тѣхъ временъ, другая на бракосочетаніе того же лица. Обѣ были написаны высокопарными стихами и заключали въ себѣ похвалы важному лицу, которое поэтъ называлъ меценатомъ. «Такія брошюры загромождали русскую литературу въ доброе старое время, потому-что русская литература началась съ хвалебныхъ гимновъ на разные торжественные случаи, и піита обязанъ былъ держать всегда на готовѣ свое оффиціальное вдохновеніе; за то его и хлѣбомъ кормили, а за неустойку больно били палкою. Извѣстенъ анекдотъ о Тредьяковскомъ, котораго Волынскій собственноручно наказалъ тростью за то, что Тредьяковскій не изготовилъ *оды* на какой-то придворный

праздникъ. Поэтъ Петровъ оффиціально состоялъ при Потемкинѣ въ качествѣ воспѣвателя его подвиговъ, и для того, во время его походовъ, всегда находился въ обозѣ дѣйствующей арміи. По примѣру великихъ земли, и маленькіе тузы или козырные хлапы имѣли своихъ пінтовъ и любили получать отъ нихъ оды въ день рожденія, именинъ, бракосочетанія, крестинъ дитяти, полученія чина, награды, и въ подобныхъ тому торжественныхъ случаяхъ ихъ жизни; за то они позволяли пінтѣ садиться на нижній конецъ стола обѣдать уже съ собою, а не съ слугами, какъ въ обыкновенные дни, подпускали его къ цалованію своей руки, дарили его перстнемъ, табакеркою, деньгами, поили его до пьяна и потомъ тѣшились надъ нимъ, заставляя его плясать. А пінта величалъ ихъ своими благодѣтелями, меценатами, покровителями, отцами-командирами и «милостивцами». Въ началѣ XIX-го столѣтія этотъ родъ литературы началъ замѣтно упадать; 1812-й годъ нанесъ ему сильный ударъ, а романтизмъ, появившійся съ двадцатыхъ годовъ, рѣшительно докапалъ его. И теперь эта «торжественная» поэзія считается уже синонимомъ «подлому стихотворству». Такъ измѣняются нравы! Теперь уже за листокъ дурныхъ виршей, наполнен-

ныхъ высокопарною, безсмысленною и низкою лестью, пельзя отъ какого нибудь барина получить на водку перстенекъ, табакерку, 50 или 100 рублей денегъ, — и еще менѣе можно пріобрѣсти званіе поэта! Вѣроятно, это одна изъ причинъ, почему старички, запоздалые остатки добраго стараго времени, такъ сердиты на наше время, съ такимъ восторгомъ и съ такою грустью вспоминаютъ о своемъ времени, когда, по ихъ словамъ, все было лучше, чѣмъ теперь.»

— Ерунда (*), сказалъ дворовый человѣкъ, замѣтивъ, что я зачитался. — Охота вамъ руки марать!

— Ерунда! повторилъ зеленый господинъ голосомъ, который заставилъ меня уронить брошюру и поскорѣй взглянуть ему въ лицо. — Глупъ ты, такъ и ерунда! Когда я подносилъ ихъ его превосходительству, его превосходительство поцаловалъ меня въ губы, посадилъ рядомъ съ собой на диванъ и велѣлъ прочесть... Я читалъ, а онъ нюхалъ табакъ и говоритъ «понюхай». Не нюхаю, говорю, да ужь изъ табакерки вашего превосходительства... «Ню-

(*) Лакейское слово, равнозначительное слову — дрянь.

хай!» говоритъ: «учёному нельзя не нюхать» и отдалъ мнѣ табакерку... Съ-тѣхъ-поръ и началъ я нюхать. Велѣлъ приходить къ обѣду... посмотрѣлъ бы ты, какъ меня принимали... всякій гость обнималъ... а какіе все гости... даже начальникъ его превосходительства поцаловалъ... я послѣ и ему написалъ... Напился я пьянъ... говорю, какъ съ равными, а они ничего, только хохочутъ. Всякъ къ себѣ приглашеніе дѣлаетъ... Ерунда!

И что-то похожее на чувство мелькнуло въ глазахъ зеленаго господина и долго съ поднятою рукою стоялъ онъ посреди комнаты и вдругъ качнулъ головой и сказалъ голосомъ, который очень бы шелъ Манфреду, проспвшему у неба забвенія: — Налей, братъ, мнѣ, Егорушка, пожалуйста, рюмочку!

Дворовый человѣкъ налилъ стаканъ вина, подозвалъ зеленаго господина и выкинулъ новый жестокій фарсъ; поднесъ стаканъ къ губамъ зеленаго господина и вдругъ, когда уже тотъ вытянулъ губы и совсѣмъ приготовился пить, отдернулъ стаканъ и выпилъ самъ. Но зеленый господинъ ужь не разсердился: чувство собственнаго достоинства, окончательно побѣжденное запахомъ сивухи, коснув-

шимся обонянія, замолчало. Онъ сталъ униженно просить дворoваго человѣка «не шутить»...

— Попляши, поднесу...

И зеленый господинъ безъ отговорокъ началъ плясать. А дворовый человѣкъ, приговаривая: «еще! еще! лихо! лучше вчерашняго! ну немножко еще!» — насыпалъ въ стаканъ соли и еще кой-какой дряни, долилъ все виномъ и началъ размѣшивать. . .

. . . . . .

Я просилъ не давать зеленому господину этого страшнаго эелксира, говоря, что онъ уже и такъ сильно пьянъ.

— Пьянъ! вотъ-те разъ—пьянъ! Слыхалъ я отъ умныхъ людей и отъ дѣвокъ, отвѣчалъ дворовый человѣкъ, продолжая размѣшивать: падаетъ человѣкъ—не пьянъ, языкомъ шевелитъ—не пьянъ; двое ведутъ, да третій ноги переставляетъ, вотъ пьянъ! — И лежитъ да не дышитъ —тоже пьянъ, отозвался Кирьянычъ, разбуженный пляскою зеленаго господина... А-а-а... Го-спо-ди по-ми-луй!

Зеленый господинъ выпилъ и похвалилъ. Вслѣдъ за нимъ выпили дворовый человѣкъ и Кирьянычъ. Сдѣлалось шумно. Зеленый господинъ добровольно вызвался еще поплясать, но только подъ музыку.

Дворовый человѣкъ заигралъ на балалайкѣ и запѣлъ, пристукивая ногами и даже по временамъ откалывая небольшія плясовыя колѣнцы. Кирьянычъ, которому удалось раздавить еще паука, необыкновенно развеселился и каждый прыжокъ зеленаго господина сопровождалъ трагическимъ хрюканьемъ, въ родѣ хохота, а зеленый господинъ прыжки свои сопровождалъ икотой и бранью, непосредственно слѣдующей у русскаго человѣка за каждымъ разомъ, когда икнется, да еще дикими вскрикиваньями... Но всего интереснѣе была тутъ пѣсня дворовaго человѣка:

Лѣтъ пятнадцати неболѣ
Лиза въ рощицу пошла,
И гулявши въ чистомъ полѣ,
Жука чѣрнаго нашла, —
Жука чѣрнаго съ усами
И съ курчавой головой,
Съ чернобурыми бровями —
Настоящій милый мой!
Завяжу жука въ платочекъ,
Понесу его домой,
Дамъ я сахару кусочекъ —
Кушай, кушай, милый мой!
Злая тетка увидала,
Разворчалась на него,
Лизѣ строго приказала:

«Выбрось жука за окно!»
Я не слушалась приказу —
Брошу жука подъ кровать,
А на будущее лѣто
Разведу жуковъ опять.
. . . . . .
. . . . . .
Вотъ вамъ, дѣвушки, наука!
Не ходите въ лѣсъ гулять,
А найдете того жука —
Не кладите подъ кровать.

Какъ ни шумно пировали мы, однакожь, пронзительный, нечеловѣчески-дикій крикъ, раздавшійся внѣ комнаты, былъ тотчасъ нами услышанъ и въ минуту оковалъ наши языки и движенія. Это былъ крикъ, какого я уже не слыхалъ во всю остальную жизнь,—крикъ, въ которомъ отзывалось все, и противное карканье почуявшей непогоду вороны, и токующій глухарь-тетеревъ, и молодой бодрый конь, спущенный съ аркана и весело заржавшій, почуявъ свободу и поле, и поросенокъ, котораго палятъ живьемъ, и человѣкъ, котораго вѣшаютъ. Не успѣли мы переглянуться, къ намъ вбѣжала старая баба, съ лицомъ до того испуганнымъ, что я едва узналъ въ ней хозяйку. Она ломала руки и кричала: «Ахъ, батюшки!»

— Что такое? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ничего, отвѣчалъ дворовый человѣкъ хладнокровно.—Видно опять напилась?

— Напилась... ей-Богу напилась, пѣна у рту... схватила ножъ: зарѣжусь, говоритъ, и всѣхъ перерѣжу. Батюшка, Егоръ Харитонычъ!

— А пускай бы ее рѣзалась.

— Оно такъ. Туда ей и дорога, коли лучшаго конца себѣ не надѣется, да вѣдь никогда не случалось... и для жильцовъ нехорошо... Надзиратель пріѣдетъ. Деньги всѣ поди пропила и за шубу полсотни давали... а ужь гдѣ шуба? сама своей души не жалѣетъ, на саванъ не оставляетъ. Батюшка Егоръ Харитонычъ, вѣдь похоронить нѣ на что будетъ!

Дворовый человѣкъ и Кирьянычъ отправились за хозяйкою; любопытство заставило меня послѣдовать за ними. Черезъ дверь, съ которою уже, если помнятъ читатели, я былъ хорошо знакомъ, мы вошли на половину хозяйки. То была точно такая же комната, какъ и наша, но убранная нѣсколько иначе и лучше. Въ двухъ углахъ стояли кровати, а два

остальные были загорожены ширмами, съ которыми соединено было то удобство, что можно было заниматься чтеніемъ одного журнала, которымъ ширмы были оклеены. На пол-аршина отъ потолка во всю длину стѣнъ были прибиты, какъ въ крестьянскихъ избахъ, узенькія полочки, на которыхъ стояла деревянная и черепяная посуда. Посреди комнаты происходила сцена, достойная точнаго и возможно-искуснаго описанія. По полу каталась женщина въ полномъ цвѣтѣ бальзаковской молодости, съ красными, какъ буракъ, одутловатыми щеками, и задыхающимся, визгливо-пронзительнымъ голосомъ кричала: «а... а... а... а... ой... батюшки!.. а... ой... умру!.. умру! умру! а... а... а... а!» Какъ у разгоряченной лошади изо-рта била клубомъ пѣна, которая клочьями падала на полъ, и размазывалась по лицу; руки бѣснующейся были въ крови: въ безпамятствѣ она ихъ кусала. Ее окружали три женщины,—двѣ старыя и одна пожилая, всѣ беременныя, которыя при каждомъ поворотѣ кликуши боязливо отскакивали и при каждомъ новомъ порывѣ ея бѣшенства вскрикивали въ одинъ голосъ «ай!» Нужно еще упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: изъ–за ширмъ (въ лѣво отъ двери) раздавался тоненькій голосокъ, напѣвавшій съ совершенной безпечностію

нѣмецкую пѣсенку, которую очень любятъ всѣ петербургскія Нѣмки:

Mein lieber Augustin
Alles ist weg!

Вдругъ кликуша оглушительно взвизгнула, простонала: «ой тошно! ой батюшки тошно! отпустите душу на покаяніе.. ножъ!.. ножъ!.. ножъ!..» и вскочила на ноги.

Ножъ лежалъ на полу и кликуша нѣсколько разъ черезъ него перекатывалась, но ни у которой изъ женщинъ не доставало смѣлости поднять его. Дворовый человѣкъ выступилъ впередъ, заступилъ ножъ, насупилъ брови и закричалъ грозно:

—А на что тебѣ ножъ, проклятая вѣдьма? на что тебѣ ножъ? вотъ я дамъ тебѣ ножъ... Кирьянычъ! а Кирьянычъ... тфу! ты какой! да поди же сюда... Надо бѣшеную бабу...

Но Кирьянычъ въ ту минуту страшно стучалъ сапогами, подпрыгивая, чтобъ настичь рукою паука, уходившаго къ потолку, и ничего не слыхалъ.

Дворовый человѣкъ плюнулъ, неторопясь развязалъ ремень, которымъ былъ подпоясанъ, и устремивъ на кликушу невыносимо-свирѣпый взглядъ,

произнесъ со всею силою и энергіею голоса: «вязать!»

И вдругъ кликуша задрожала всѣмъ тѣломъ и бѣшеное выраженіе въ лицѣ ея въ минуту уступило мѣсто кроткому и молящему; какъ снопъ повалилась она къ погамъ дворового человѣка и жалобно запросила пощады...

— На мѣсто! закричалъ торжествующій укротитель, дѣлая трагическій жестъ рукою. Цыцъ! *пря-*

личная форма! (Кликуша была рябая, — мѣтко выражается русскій человѣкъ.) За работу! прибавилъ онъ, топнувъ ногою. Только пикни, свяжу, да такъ въ помойную яму и брошу!

Хозяйка усадила кликушу, дала ей работу и укрощенная безпрекословно принялась шить, стараясь поднять глаза на дворового человѣка, который съ минуту еще смотрѣлъ на нее, какъ говорится, сычомъ, и на разные тоны повторялъ — цыцъ! цыцъ! цыцъ!

Чтобъ объяснить сколько нибудь эту сцену, я долженъ разсказать здѣсь то, что̀ узналъ уже въ послѣдствіи. Терентьевна не была въ-самомъ-дѣлѣ кликушей, какъ зовутъ у насъ на Руси всѣхъ одержимыхъ какою-нибудь дурью бабъ, но была весьма склонна къ бѣлой горячкѣ, которая періодически возвращалась къ ней послѣ каждыхъ десяти сутокъ безпробуднаго пьянства. Дворовый человѣкъ уже неоднократно, по вызову хозяйки, являлся на выручку изъ бѣды, и каждый разъ при помощи того же простаго и крайне-дешеваго средства, какое употребилъ за минуту, возвращалъ бѣшеную бабу къ покорности и даже вышибалъ изъ нея хмѣль. Происходило ли то въ-самомъ-дѣлѣ отъ необычайной дикости его голоса и свирѣпости взгляда, какъ

думали старухи, или была на то особенная воля судебъ, или просто такъ хотѣлъ случай, — какъ бы то ни было, но дворовый человѣкъ пользовался за магнитическую способность свою большимъ уваженіемъ хозяйки и ея постоялокъ. Въ послѣдствіи, онъ придумалъ даже способъ извлекать изъ вліянія, которое имѣлъ на кликушу, пользу существенную: усмиривъ кликушу, онъ отдавалъ ей въ починку худое бѣлье свое, — оставаясь въ такихъ случаяхъ въ томъ, въ чемъ оставалась лѣвая нога его, когда онъ чинилъ сапогъ, — и кликуша не смѣла тронуться съ мѣста, покуда работа не была кончена...

На возвратномъ пути, я мимоходомъ заглянулъ за ширмы, откуда раздавался тоненькій голосокъ и увидѣлъ молодую миловидную женщину, которая также, подобно прочимъ жилицамъ подвала, отличалась полнотой неестественной.

— Отъ-чего онѣ всѣ беременны? спросилъ я, когда мы пришли въ комнату.

— Извѣстно отъ-чего, отвѣчалъ дворовый человѣкъ: — ну, вотъ хоть бы у васъ жила кухарка... горничная... мамзель какая нибудь, замужняя или такъ; — вдругъ... сами знаете — держать не станутъ... куда?.. не пойдешь среди улицы: не такое дѣло. Ѳедотовна баба добрая... сальныхъ свѣчь не

ѣстъ... «Поживи, мать моя! поживи, голубушка! я тебя не обижу!» Вотъ на время и къ ней. А тамъ — дѣло уладилось — и опять мѣсто найдетъ... Ѳедотовнѣ и любо да и тово... Воръ-баба! безъ мыла въ душу влѣзетъ... изойди весь свѣтъ, другой не найдешь! Въ Москвѣ есть, говорятъ, двѣ, да тѣ похуже... хоть кого окальячитъ... Намедни умерла роженица... Она, инда, въ слезы; охаетъ, ахаетъ... до ниточки все прибрала... дряни набила въ сундукъ... «Куды!» говоритъ: «у покойницы ни роду, ни племени! нищимъ надо отдать!... пусть» говоритъ «за покойницу молятся... ничего себѣ не возьму, ничего, не пойдетъ въ прокъ чужое добро!» Позвала нищихъ; все мальчишки, дѣвчонки... малъ-мала меньше; ну ужь какое вино?.. только два старика... Пообѣдали... напоила, да у нихъ же и украла платокъ... вотъ сей часъ, не сойти съ мѣста... А что, Кирьянычъ, дерябнемъ-ка еще по стакану!

Онъ подошелъ къ столу и ахнулъ отъ ужаса: штофъ былъ пустехонекъ. Выругавшись, дворовый человѣкъ принялся пинками будить зеленаго господина, заснувшаго сномъ невинности среди полу, но зеленый господинъ не шелохнулся, и только отвѣчалъ на пинки и проклятія стихами изъ брошюры

на тезоименитство, полными благословеній и радостныхъ пожеланій. Впрочемъ, я думаю, что онъ бредилъ: къ подобному великодушію человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ едва-ли способенъ.

— Нѣчего собакѣ дѣлать, такъ хвостъ лижетъ! сказалъ дворовый человѣкъ съ трогательнымъ состраданіемъ; взялъ въ одну руку шапку, въ другую штофъ. — Вотъ одолжилъ, какъ ужь кабаки заперлись!

— Что ты, голова? лучше же завтра будетъ у насъ на что пообѣдать.

— Была не была! Ужь не-ужь-то такъ и не выпить?.. Авось.

— И то сказать, замѣтилъ Кирьянычъ, внутренно обрадованный: — голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ.

За первымъ стаканомъ взаимно признались въ расположеніи, которое почувствовали другъ къ другу при первой встрѣчѣ; за вторымъ заплакали, обнялись и неоднократно поцаловались; за третьимъ побранились; за четвертымъ послѣдовала естественная и неизбѣжная развязка незатѣйливой драмы, которую я здѣсь безъискусственно разсказалъ: герои ея подрались...

По утру, въ просонкахъ, я слышалъ какой-то от-

рывистый разговоръ, который меня очень заинтересовалъ.

— Собаки есть?

— Есть, пара. Кирпичная, бѣлая съ крапинами...

— Крапины сѣрыя?.. лѣвое ухо прорѣзано? — на хвостѣ чорное пятнышко?

— Кажись, такъ. Полюбопытствуйте.

Въ просонкахъ человѣкъ бываетъ лѣнивъ: мнѣ страхъ хотѣлось посмотрѣть на ранняго посѣтителя, но страхъ не хотѣлось повернуться и открыть глаза. Я такъ и не посмотрѣлъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи я встрѣтился съ нимъ лицомъ-къ-лицу: очень интересный господинъ! очередь прійдетъ — познакомлю.

—

Здѣсь на сей разъ простимся мы съ записками Тростникова (объясненіе — кто такой Тростниковъ, завело бы слишкомъ далеко и потому оно здѣсь выпускается), изъ которыхъ извлекли отрывокъ, предлагаемый благосклонному вниманію читателя.

Н. НЕКРАСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСТУПЛЕНІЕ 5

ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА, В. Г. Бѣлинскаго. 31

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ, В. И. Луганскаго. (Рисунки *В. Тимма*). 100

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАРМАНЩИКИ, Д. В. Григоровича. (Рисунки *Е. Коврыгина*, рѣзаны *Е. Бернардскимъ*) 133

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА, Е. П. Гребенки. (Рисунки *Е. Коврыгина*, рѣзаны *Е. Бернардскимъ*) 195

ПЕТЕРБУРГСКІЕ УГЛЫ, Н. А. Некрасова. (Рисунки *Р. Жуковскаго*). 233

Очень редкое и ценное
издание с многими
политипажами (гравюрами).
Первый издательский опыт
Н. Некрасова.